

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

КОБЗАРЕНКО Елена Михайловна

**ОСОБЕННОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО СПОРАМ
О ДИФФАМАЦИИ В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ**

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук, профессор
Исаенкова Оксана Владимировна

Саратов – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Объект гражданско-правовой защиты и процессуальные особенности судопроизводства по спорам о защите от диффамации, связанные с определением вида производства, подсудности и состава лиц, участвующих в деле.....	18
1.1. Объект гражданско-правовой защиты и особенности определения вида судопроизводства по гражданским делам о защите от диффамации.....	18
1.2. Особенности определения подсудности споров о защите чести, достоинства и деловой репутации.....	36
1.3. Инициатор обращения в суд с заявлением о защите от диффамации....	47
1.4. Надлежащий ответчик в споре о защите от диффамации.....	63
1.5. Участие третьих лиц в диффамационном споре.....	92
Глава 2. Процессуальные особенности возбуждения и подготовки к судебному разбирательству гражданских дел о защите от диффамации.....	105
2.1. Возбуждение производства по гражданскому делу о защите от диффамации.....	105
2.2. Подготовка к судебному разбирательству гражданского дела по иску о защите от диффамации.....	122
Глава 3. Процессуальные особенности доказывания и рассмотрения по существу исковых требований о защите от диффамации.....	139
3.1. Особенности доказывания по гражданским делам о защите чести, достоинства и деловой репутации.....	139
3.2. Особенности стадии судебного разбирательства гражданских дел о защите от диффамации.....	176
3.3. Судебное решение по диффамационному спору и порядок его вынесения.....	190
Заключение.....	204
Список использованной литературы и источников.....	208
Приложение.....	240

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Развиваясь, общество постепенно приходит к осознанию абсолютной ценности личности. Триада таких неразрывно связанных неимущественных благ как честь, достоинство и деловая репутация образует уникальный морально-нравственный статус индивидуума, общественное мнение о котором формируется непрерывно на протяжении всей жизни. Память о добром имени человека, устремлениями которого были самосовершенствование, желание способствовать общественному благу, остается и после его смерти. Вне всякого сомнения, без положительной деловой репутации невозможна и успешная предпринимательская деятельность. В связи с этим вопросы правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации вызывают вполне закономерный интерес общественности и представителей юридического сообщества. Этим объясняется важность и актуальность исследования особенностей судопроизводства по данной категории гражданских дел.

Конституционные гарантии защиты «чести и доброго имени»¹ находят свое развитие в Гражданском кодексе Российской Федерации² (далее – ГК РФ). Так, в ст. 150 ГК РФ честь, достоинство и деловая репутация называются в числе нематериальных благ, которые принадлежат гражданину от рождения и являются неотчуждаемыми. Из содержания ст. 152 ГК РФ следует, что гражданскую правовую ответственность влечет речевое поведение, высказывания, иное распространение не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию субъектов гражданских правоотношений. Порядок обращения за судебной защитой, рассмотрения и

¹ См.: Ст. 23. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237.

² См.: Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть первая. 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

разрешения репутационных споров отражен в нормах Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГПК РФ).

Вместе с тем ст. 29 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) гарантированы право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом и свобода массовой информации, а также запрет цензуры.

В связи с этим сутью любого репутационного спора является обеспечение баланса между правом на защиту чести, достоинства, деловой репутации, с одной стороны, и свободой слова и средств массовой информации, с другой. По меткому замечанию М.Г. Орешкиной, «усердная защита чьей-то репутации может вылиться в посягательство на гарантированные Конституцией свободу слова и свободу прессы и таким образом воспрепятствовать свободному распространению информации, необходимой обществу»². Суды, применяя нормы гражданского и гражданского процессуального законодательства, должны обеспечить этот баланс.

Следует признать, что темп изменения норм процессуального закона не всегда соответствует требованиям времени и динамике развития гражданского законодательства, в связи с этим возникающие несоответствия материальных и процессуальных норм нуждаются в скорейшем преодолении.

В пользу актуальности темы диссертационного исследования свидетельствует и то, что ежегодно судами общей юрисдикции в среднем рассматривается порядка 5000 таких дел, а в арбитражных судах, разрешающих споры о защите деловой репутации в сфере предпринимательской, экономической деятельности, – около 800 дел³.

¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс (в ред. от 1 июля 2021 г.) от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 46. Ст. 4532; 2021. – № 27 (ч. 1). – Ст. 5071.

² См.: Орешкина М.Г. Ответственность за диффамацию по праву США (Обзор) // Государство и право. 1998. № 4. С. 173.

³ См.: Преамбула к «Обзору практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195322/ (дата обращения: 07 сентября 2021 г.).

Степень научной разработанности темы

Изучение электронного каталога диссертаций¹ позволяет заключить, что вопросы диффамации и судебной защиты от нее являлись предметом внимания российских ученых. В докторской диссертации С.В. Потапенко исследованы проблемы судебной защиты от диффамации в СМИ² (2002). Докторская диссертация А.М. Эрделевского посвящена проблемам компенсации за причинение страданий в российском и зарубежном праве³ (2000). Теме гражданско-правовой защиты физических и юридических лиц при распространении о них сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, посвящены диссертационные исследования В.В. Быковского⁴ (2005), Н.В. Архиреева⁵ (2017), О.Ш. Аюпова⁶ (2013) и Н.Н. Парыгиной⁷ (2017). Социальные основы и правовая характеристика чести и достоинства по российскому гражданскому праву отражены в работе Д.А. Самородова⁸ (2005). Некоторые процессуальные аспекты защиты права на честь, достоинство и деловую репутацию как объекта защиты в гражданском праве и процессе

¹См.: Официальный сайт Российской государственной библиотеки. URL: <https://www.rsl.ru/> (дата обращения: 20 марта 2020 г.).

² См.: Потапенко С.В. Проблемы судебной защиты от диффамации в СМИ: 2002. / Потапенко Сергей Викторович: дис. ... докт. юрид. наук. – Краснодар, 2002. – 319 с.

³ См.: Эрделевский А.М. Проблемы компенсации за причинение страданий в российском и зарубежном праве: 2000. / Эрделевский Александр Маркович: дис. ... докт. юрид. наук. – Москва, 2000. – 348 с.

⁴ См.: Быковский В.В. Гражданско-правовая защита физических и юридических лиц при распространении о них сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию: 2005. / Быковский Владислав Владимирович: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2005. – 202 с.

⁵ См.: Архиреев Н.В. Гражданско-правовая защита деловой репутации юридических лиц в Российской Федерации: 2017. / Архиреев Николай Владимирович: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2017. – 187 с.

⁶ См.: Аюпов О.Ш. Защита деловой репутации юридического лица от диффамации в гражданском праве России: 2013. / Аюпов Олег Шамильевич: дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2013. – 224 с.

⁷ См.: Парыгина Н.Н. Защита права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по гражданскому законодательству Российской Федерации: 2017. / Парыгина Наталья Николаевна: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2017. – 276 с.

⁸ См.: Самородов Д.А. Честь и достоинство по российскому гражданскому праву: социальные основы и правовая характеристика: 2005. / Самородов Дмитрий Альбертович: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2005. – 179 с.

освещены в кандидатской диссертации М.Д. Добриевой¹ (2004). З.Б. Хавжокова исследовала защиту чести, достоинства и деловой репутации с точки зрения теории и практики гражданско-правового регулирования² (2009).

Докторская диссертация С.А. Куликовой посвящена содержанию и проблемам реализации конституционного запрета цензуры в Российской Федерации³ (2018). Защита конституционных прав человека на честь и достоинство от посягательств в компьютерной сети «Интернет» исследована в кандидатской диссертации С.Л. Липатовой⁴ (2006). Диффамация как правонарушение и злоупотребление правом были рассмотрены А.А. Смирновой⁵ (2008). А.А. Чеботарева в своей работе осветила правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе⁶ (2017).

В монографиях В.Н. Барсуковой рассмотрены теоретические и практические аспекты существования в российском праве института чести и достоинства⁷ (2015), а также механизм правовой защиты чести и достоинства человека⁸ (2020). Гражданско-правовым и процессуально-правовым аспектам защиты чести, достоинства и деловой репутации посвящена монография

¹ См.: Добриева М.Д. Честь, достоинство и деловая репутация как объект защиты в гражданском праве и процессе: 2004. / Добриева Мадина Джамалдиевна: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2004. – 197 с.

² См.: Хавжокова З.Б. Защита чести, достоинства и деловой репутации: теория и практика гражданско-правового регулирования: 2009. / Хавжокова Залина Борисовна: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2009. – 205 с.

³ См.: Куликова С.А. Конституционный запрет цензуры в Российской Федерации: содержание и проблемы реализации: 2019. / Куликова Светлана Анатольевна: дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 2018. – 460 с.

⁴ См.: Липатова С.Л. Защита конституционных прав человека на честь и достоинство от посягательств в компьютерной сети «Интернет»: 2006. / Липатова Светлана Львовна: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2006. – 230 с.

⁵ См.: Смирнова А.А. Диффамация как правонарушение и злоупотребление правом: конституционно-правовой аспект: 2008. / Смирнова Анна Александровна: дис. ... канд. юрид. наук. – Тверь, 2008. – 180 с.

⁶ См.: Чеботарева А.А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе: 2017. / Чеботарева Анна Александровна: дис. ... докт. юрид. наук. – Москва, 2017. – 472 с.

⁷ См.: Барсукова В.Н. Институт чести и достоинства в российской праве: вопросы теории и практики. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 232 с.

⁸ См.: Барсукова В.Н. Механизм правовой защиты чести и достоинства человека. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 184 с.

С.В. Потапенко и А.С. Даниеляна¹. Монографии М.В. Свинцовой «Противодействие диффамации по российскому гражданскому законодательству»² (2013), Г.М. Резника, К.И. Скловского «Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ»³ (2006), А.И. Подберезкина, С.П. Стреляева, Я.И. Ястребова «Средства массовой информации в развитых демократиях: свободы и несвободы»⁴ (2004) посвящены противодействию диффамации, сравнительному анализу правового положения средств массовой информации в развитых демократиях, развитию института компенсации морального вреда.

Однако вопрос об особенностях судопроизводства по спорам о диффамации в судах общей юрисдикции не был отдельным предметом научного поиска, а поднимаемые в настоящем диссертационном исследовании проблемы не нашли своего отражения и разрешения в приведенном перечне диссертационных исследований, монографий и научно-методических пособий и публикаций.

Целью диссертационного исследования является формирование целостного, комплексного научного представления о процессуальных особенностях судопроизводства по рассмотрению судами общей юрисдикции споров о защите от диффамации.

Принимая во внимание, что проведенное цивилистическое исследование является прикладным, для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи**:

¹ См.: Потапенко С.В., Даниелян А.С. Защита чести, достоинства и деловой репутации: гражданско-правовой и процессуально-правовой аспекты. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. – 202 с.

² См.: Свинцова М.В. Противодействие диффамации по российскому гражданскому законодательству. – М.: Юстицинформ, 2013. – 84 с.

³ См.: Резник Г.М., Скловский К.И. Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ. – М.: Статут, 2006. – 270 с.

⁴ См.: Подберезкин А.И., Стреляев С.П., Ястребов Я.И. Средства массовой информации в развитых демократиях: свободы и несвободы. – М.: А.Л. Федоров, 2004. – 208 с.

выявить процессуальные особенности судопроизводства по спорам о защите от диффамации, связанные с определением подсудности, вида производства и состава лиц, участвующих в деле;

определить объекты защиты в гражданско-правовых спорах о защите от диффамации;

назвать характерные черты требований о защите от диффамации;

рассмотреть процессуальные особенности возбуждения и подготовки к судебному разбирательству гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации;

обосновать необходимость отнесения гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации к категории сложных;

исследовать процессуальные особенности доказывания и рассмотрения по существу исковых требований о защите от диффамации;

установить существующие несоответствия и пробелы в процессуальных нормах, применяемых судами общей юрисдикции при рассмотрении гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, в том числе затрудняющие унификацию российского законодательства;

развить существующие научные идеи, определяющие гражданские процессуальные отношения в сфере защиты от диффамации.

разработать новые научные положения, направленные на гармонизацию материального и процессуального права в сфере правоотношений, связанных с защитой от диффамации.

сформулировать конкретные предложения, направленные на совершенствование гражданского процессуального законодательства в сфере защиты от диффамации.

Объектом диссертационного исследования являются совокупность гражданских и гражданских процессуальных отношений, возникающих в связи с судопроизводством по рассмотрению судами общей юрисдикции диффамационных споров.

Предметом диссертационного исследования нормы гражданского и гражданского процессуального права, регулирующие вопросы реализации защиты чести и достоинства и деловой репутации в Российской Федерации, научно-теоретические исследования, затрагивающие теоретические и практические проблемы, возникающие при рассмотрении в судах общей юрисдикции гражданских дел о защите от диффамации, сформировавшаяся по исследуемому вопросу судебная практика.

Методологическую основу диссертации составляют концептуальные положения диалектической теории познания, а также основанные на ней общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, функциональный, формально-юридический и др.), частно-научные методы (системный, логический, историко-правовой, сравнительного анализа, юридической статистики и др.). Эмпирический метод, используемый наряду с другими методами, позволил исследовать распространенные ошибки, допускаемые при отправлении правосудия по гражданским делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Применение методов правового моделирования и прогнозирования предоставило возможность разработать конкретные предложения по модернизации действующего гражданского процессуального законодательства.

Эмпирическую основу исследования составили материалы судебной практики Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, судебные акты нижестоящих судов общей юрисдикции

Нормативной основой исследования являются Конституция Российской Федерации, международные правовые акты, Гражданский кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях РФ, Уголовный кодекс РФ, Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», Федеральный конституционный закон РФ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе в Российской Федерации», Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», Федеральный закон от 27

июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и другие федеральные законы и нормативные правовые акты в части регулирования отношений, связанных с предметом настоящего исследования.

Теоретической основой исследования является специальная литература, научные статьи, монографии, диссертации и российских ученых как общеправового характера, так и специально посвященные проблемным вопросам, возникающим в ходе исследования: Т.Е. Абовой, С.Н. Абрамова, С.А. Алехиной, Н.А. Артебьякиной, С.Ф. Афанасьева, В.Н. Барсуковой, Н.А. Батуриной, О.А. Бахаревой, В.В. Блажеева, А.Т. Боннера, В.Ф. Борисовой, Н.С. Бочаровой, Е.В. Васьковского, М.А. Викут, Л.А. Волчихиной, И.В. Воронцовой, А.Я. Вышинского, Е.В. Гаврилова, Е.Г. Гаврилова, Е.И. Галяшиной, А.Х. Гольмстена, Е.Г. Гребеньковой, Р.Е. Гукасяна, М.А. Гурвича, А.А. Демичева, Т.И. Евстифеевой, Т.П. Ерохиной, Ю.В. Ефимовой, С.З. Женетль, С.Н. Зарезиной, С.И. Земсковой, А.Д. Золотухина, В.Н. Ивакина, А.А. Исаенкова, О.В. Исаенковой, М.В. Карпачева, А.Г. Коваленко, М.М. Колесниковой, Н.М. Коршунова, В.В. Косычевой, А.Н. Кузбагарова, М.Ю. Лебедева, А.А. Мохова, Е.А. Нефедьева, О.В. Николайченко, Г.Л. Осокиной, Н.Н. Парыгиной, Е.А. Пилипенко, Е.Г. Потапенко, С.В. Потапенко, Д.В. Прохоренко, И.В. Решетниковой, Е.Р. Россинской, К.С. Рыжкова, Т.В. Рязановой, Ю.А. Свирина, И.Н. Сенякина, Е.В. Слепченко, Т.В. Соловьевой, Н.Н. Ткачевой, М.К. Треушниковой, Е.Г. Тришиной, А.А. Ференц-Сороцкого, Н.Н. Фирсовой, А.В. Чекмаревой, Р.А. Шамановой, В.В. Шахова, К.С. Юдельсона, А.В. Юдина, В.В. Яркова и др.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем выработано целостное авторское научное представление о процессуальных особенностях судопроизводства по рассмотрению судами общей юрисдикции споров о защите от диффамации, на основе которого сформулированы оригинальные научные идеи и положения, направленные на гармонизацию

материального и процессуального права в сфере правоотношений, связанных с защитой от диффамации. При этом:

обоснована необходимость отнесения гражданских дел о защите от диффамации к категории сложных;

выявлены и названы типичные черты гражданских дел рассматриваемой категории;

установлены причины вариативности состава лиц, участвующих в гражданских делах о защите чести, достоинства и деловой репутации;

обоснована невозможность привлечения соответчика к участию в рассмотрении диффамационного спора по инициативе суда;

названы пять обособленных групп обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения репутационного спора;

предложено введение этапности представления и исследования доказательств в ходе рассмотрения диффамационного спора;

обоснована необходимость проведения предварительного судебного заседания с участием специалиста-лингвиста по гражданским делам о защите от диффамации.

Реализация цели и задач настоящего исследования позволила сформулировать **положения, обладающие свойствами научной новизны, которые выносятся на защиту:**

1. Сформулировано научное определение, в соответствии с которым судопроизводство по спорам о защите от диффамации, рассматриваемым в судах общей юрисдикции, представляет собой межотраслевой правовой институт, включающий в себя нормы гражданского и гражданского процессуального права, закрепляющий правила рассмотрения гражданско-правовых споров, вытекающих из правоотношений по защите триады личных неимущественных прав граждан на честь, достоинство и деловую репутацию, а также репутационных прав юридических лиц.

2. В связи с тем, что в действующем гражданском процессуальном законодательстве используются термины «сложные дела» и «сложность дела» (ч. 3 ст. 152, ч. 3 ст. 6.1 ГПК РФ), но не раскрывается их содержание, не называются признаки (характерные черты), позволяющие отнести то или иное гражданское дело к категории сложных, в ходе исследования выявлены и названы наиболее типичные черты споров о защите чести, достоинства и деловой репутации, позволяющие отнести такие дела к категории сложных, а именно:

- а) полисубъектность, т.е. множественность лиц, участвующих в деле;
- б) сложность спорных правоотношений, т.к. оспариваемые сведения могут затрагивать всевозможные сферы человеческой деятельности;
- в) необходимость проведения в ходе судебного разбирательства различных родов (видов) судебных экспертиз;
- г) многоэпизодность, т.е. одновременное исследование нескольких актов (продуктов) речевой деятельности;
- д) многосоставной предмет доказывания, предполагающий необходимость одновременного установления факта распространения оспариваемых сведений, факта распространения оспариваемых сведений именно ответчиком, факта распространения оспариваемых сведений именно об истце, порочащего характера распространенных сведений и несоответствие таких сведений действительности.

3. Обоснована ошибочность существующей правовой презумпции о принадлежности гражданину деловой репутации от рождения (ч. 1 ст. 150 ГК РФ), а также необходимость установления новых правовых презумпций:

- о положительной деловой репутации юридического лица с момента возникновения правоспособности;
- о неделимости деловой репутации и прекращения деловой репутации юридического лица с момента его ликвидации, вне зависимости от формы ликвидации.

4. Авторское определение деловой репутации как объекта гражданско-правовой защиты сформулировано следующим образом: деловая репутация

представляет собой общественную оценку деятельности юридического лица, возникающую с момента возникновения правоспособности, или общественную оценку деловых качеств гражданина, возникающую с момента возникновения дееспособности гражданина.

5. Обоснована необходимость установления альтернативной территориальной подсудности исков о защите чести, достоинства и деловой репутации в случаях, когда истцом является гражданин, поскольку действующие правила подсудности не обеспечивают равенство сторон в случаях, когда требования гражданина обращены к средству массовой информации или к распространителю порочащих сведений в сети Интернет.

6. Для разрешения проблемы идентификационной достаточности в случаях, когда диффамационные сведения распространены в скрытой (имплицитной) форме или с использованием лингвистического приема неполной номинации референта предложено установить количественный показатель (не менее четырех) признаков, позволяющих идентифицировать истца (заявителя) в оспариваемом фрагменте речевой коммуникации.

7. С учетом характера спорных правоотношений, многосоставного предмета доказывания и сложности диффамационных споров, принимая во внимание динамику языкового сознания, его вариативность, перманентное изменение значений слов и выражений, в целях примирения тяжущихся по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации предлагается признать обязательным проведение предварительного судебного заседания, в ходе которого, в необходимых случаях, предусмотреть возможность использования консультации специалиста-лингвиста для установления нормативных значений слов и выражений, содержащихся в оспариваемом фрагменте речевой коммуникации, уяснения коммуникативных целей и намерений, выявления смысла слов и словосочетаний в конкретной речевой ситуации, возможных интерпретаций спорных текстовых фрагментов.

8. В связи с многосоставным предметом доказывания по делам о защите от диффамации обоснована необходимость построения логической последовательности представления доказательств, направленных на установление наличия или отсутствия обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон репутационного спора, которая предполагает введение пяти этапов представления доказательств (по числу элементов предмета доказывания и обстоятельств, имеющих значения для рассмотрения и разрешения дела):

- 1) установление факта распространения сведений;
- 2) установление источника распространения сведений;
- 3) идентификация истца как субъекта оспариваемых сведений;
- 4) выявление в оспариваемом фрагменте речевой коммуникации негативных сведений об истце;
- 5) установление факта соответствия (несоответствия) действительности распространенных ответчиком негативных сведений об истце.

Непредставление доказательств на соответствующем этапе должно повлечь за собой невозможность перехода к последующему, предоставление суду права объявить об окончании рассмотрения дела и вынести решение по представленным доказательствам. Эта новация направлена на реализацию принципа процессуальной экономии.

9. Обосновывается необходимость введения исключения из общего доктринального правила о том, что наличие спора о праве гражданском исключает возможность рассмотрения гражданского дела в порядке особого производства. Фактически с введением в действие измененной редакции ст. 152 ГК РФ возникла новая категория гражданских дел о признании распространенных сведений не соответствующими действительности в связи с невозможностью установления их распространителя, не исключая спора о праве гражданском, но рассматриваемая в порядке особого производства. В связи с этим предлагается определить подсудность данной категории дел, состав лиц, участвующих в деле, назвать обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Теоретическая значимость диссертационной работы выражается в том, что она представляет собой комплексное исследование процессуальных особенностей судопроизводства по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации в судах общей юрисдикции. Положения, сформулированные в ходе диссертационного исследования, способствуют развитию теории гражданского права и гражданского процесса, позволяют наметить пути устранения выявленных коллизий норм права, их несоответствия, дополняют научные знания о процессуальных особенностях судопроизводства по спорам о защите от диффамации. Выводы автора исследования могут быть использованы для дальнейших научных изысканий.

Практическая значимость исследования определяется тем, что содержащиеся в диссертации выводы могут быть трансформированы в специальный курс об особенностях рассмотрения диффамационных споров, востребованы практическими работниками, судьями, адвокатами, юристами во время подготовки заявлений для обращения в суд и в ходе рассмотрения в судах общей юрисдикции гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Предложения, содержащиеся в исследовании, могут быть использованы в законотворческой деятельности и правоприменительной практике.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования нашли свое отражение в десяти публикациях автора, шесть из которых опубликованы в журналах, входящих в Перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, рекомендованных для опубликования результатов докторских и кандидатских диссертаций.

Отдельные вопросы, затронутые в ходе диссертационного исследования, были предметом обсуждения на научно-практических конференциях: IV Международной научно-практической конференции «Перспективы развития гражданского процессуального права» (г. Саратов, 3 октября 2020 г.), в ходе которой автор исследования выступила с докладом, тезисы которого были

опубликованы в сборнике конференции, научно-практической конференции «Современные проблемы и перспективы развития гражданского процесса России» (г. Саратов, 19 декабря 2020 г.), V Международной научно-практической конференции «Право и справедливость в гражданском и административном судопроизводстве» (г. Саратов, 31 марта 2021 г.), интернет-конференции студентов и аспирантов «Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства» (г. Омск, 25 апреля 2021 г.), XII Международной конференции «Конституционные основы и международные стандарты гражданского судопроизводства: история, современное состояние и пути совершенствования» (г. Саратов, 15 мая 2021 г.), I Международной научной конференции памяти М.К. Треушникова «Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее» (Москва, 9 февраля 2022 г.) и др.

Некоторые вопросы, освещенные в исследовании, использованы в лекциях, прочитанных в рамках проведения образовательной программы повышения квалификации работников СМИ и блогеров, реализуемой Фондом защиты гласности (г. Москва) в Школе журналистского мастерства (г. Саратов, ноябрь 2010 г.), в лекциях в ходе проведения программы стажировки магистрантов республиканского государственного учреждения «Академия правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан» (г. Нур-Султан – г. Саратов, ноябрь 2021 г.), а также в лекциях по программе повышения квалификации «Претензионно-исковая работа в организации», реализуемой институтом дополнительного образования ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов, декабрь 2021 г.).

Отдельные аспекты примирительных процедур по делам о защите от диффамации были затронуты в ходе выступления на заседании круглого стола, организованного Саратовским региональным отделением Общероссийской общественной организации «Российское объединение судей» на тему: «Процедура медиации как способ снижения судебной нагрузки» (г. Энгельс, 7 декабря 2018 г.).

Основные теоретические положения диссертационного исследования неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

Степень достоверности результатов исследования. Научные положения, выводы и предложения, изложенные в исследовании, основаны на анализе множества нормативно-правовых источников, научной литературы, иллюстрируются примерами из судебной практики судов общей юрисдикции, что определяет достаточную степень их достоверности.

Текст диссертации имеет высокую степень оригинальности – более 80 процентов (результат был получен при помощи программно-аппаратного комплекса для проверки текстовых документов на наличие заимствований – Антиплагиат, с учетом наличия ранее опубликованных диссертантом статей в данной системе).

Структура диссертации обусловлена целью, задачами и логикой исследования. Работа состоит из введения, трех глав, включающих десять параграфов, заключения, библиографического списка использованной литературы, приложения.

Глава 1. Объект гражданско-правовой защиты и процессуальные особенности судопроизводства по спорам о защите от диффамации, связанные с определением подсудности, вида производства и состава лиц, участвующих в деле

1.1. Объект гражданско-правовой защиты и особенности определения вида судопроизводства при рассмотрении гражданских дел о защите от диффамации

Прежде чем приступить к исследованию процессуальных особенностей судопроизводства по спорам о защите от диффамации, необходимо определить объекты судебной защиты и дать пояснения относительно необходимости использования в исследовании термина «диффамация». В словарном значении «диффамация» представляет собой распространение в средствах массовой информации (далее – СМИ) порочащих, позорящих кого-либо сведений¹. Этимологические корни слова имеют латинское происхождение: «diffamāre» (разглашать; порочить, лишать доброго имени) от «famā» – «репутация». Это понятие широко применяется в международном законодательстве и используется Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ), но отсутствует в российских нормативно-правовых источниках. Предложение С.В. Потапенко о введении в гражданское законодательство термина «диффамация» так и не было реализовано². Вместе с тем, этот термин широко используется в научных публикациях и учебной литературе. Принимая во внимание унификационные процессы, развивающиеся в правовых системах разных стран, в том числе и в России, Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой понятие диффамация «тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в ст. 152 Гражданского кодекса Российской

¹ См.: Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Мн.: Современный литератор. 2007. С. 295.

² См. Потапенко С.В. Институт диффамации и российское законодательство // Российская юстиция. 2002. № 6. С. 35.

Федерации»¹. В указанной норме перечислены объекты защиты – честь и достоинство граждан, деловая репутация граждан и юридических лиц, регламентирован порядок, способы их защиты и т.п. Применение термина «диффамация» в значении, предложенном ВС РФ, аккумулирует перечисленные объекты защиты и позволяет использовать более четкие и лаконичные формулировки. В связи с этим нельзя не согласиться с Е.Н. Сидоровой, что «родовое понятие «диффамация» охватывает любое распространение порочащих другое лицо сведений»².

Е.В. Гаврилов обоснованно рассматривает диффамацию как «гражданско-правовой деликт (правонарушение), связанное с распространением не соответствующих действительности порочащих сведений (утверждений о фактах), умаляющих честь, достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц»³. Указание на то, что речь идет именно о гражданско-правовом деликте, является важным, поскольку существует ряд правонарушений, в которых объектом посягательства является «совокупность общественных отношений по поводу реализации человеком права на честь и достоинство (в том числе гражданско-правовые деликты (ст. 152 ГК РФ), уголовные преступления (клевета (ст. 128.1 УК РФ), административные проступки (ст. 6.61 КоАП РФ))»⁴. Заметим, что данные правонарушения не рассматриваются в настоящем исследовании. Темой диссертации не охватываются также общественные отношения по поводу реализации права на деловую репутацию субъектов предпринимательской и иной экономической и хозяйственной деятельности.

¹См.: Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести, достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

² См.: Сидорова Е.Н. Процессуальные особенности защиты чести, достоинства и деловой репутации // Евразийская адвокатура. 2013. № 3. С. 44.

³ См.: Гаврилов Е.В. Компенсация нематериального (репутационного) вреда как способ защиты деловой репутации юридических лиц. М.: Юстицинформ, 2022. С. 37.

⁴ См.: Барсукова В.Н. Правонарушения против чести и достоинства личности: понятие, признаки, виды // Право и государство: теория и практика. 2019. № 10. С. 29.

Следует отметить, что честь, достоинство и деловая репутация не являются сугубо правовыми понятиями, скорее их принято считать социально-правовыми. Нормативные источники русского языка, например, содержат следующие толкования. Честь – «достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы»¹.

Достоинство – «совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе»². Важное уточнение относительно ценности достоинства гражданина сделал И.С. Яценко, заключив, что оно признается принадлежащим человеку «независимо от того, что он о себе думает и что о нем думают другие»³.

Репутация – «приобретаемая кем-чем-нибудь общественная оценка, общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках кого-чего-нибудь»⁴.

Однако использование лишь словарных значений не позволяет составить полноценное представление о перечисленных объектах защиты.

В.Н. Барсуковой в результате исследования существующих в теории права высказываний о понятиях «честь» и «достоинство» удалось обобщить их специфические черты и предложить следующие определения: «Честь как социально-правовая категория представляет собой исторически детерминированное этическое благо нематериального характера, отражающее положение личности в обществе, формирующееся в результате ее общественной оценки с точки зрения критериев соответствия ее качеств и поведения социальным нормам, принятым в рамках конкретной общественно-экономической формации, и адекватного восприятия личностью данной оценки, подлежащее защите со стороны государства. *Достоинство* как социально-

¹ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. 70 000 слов / Под редакцией Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – Москва. Рус. яз. 1990. С. 880.

² См.: Там же. С. 180.

³ См.: Научно-практический комментарий и семантический словарь. Конституция Российской Федерации // Под ред. Яценко И.С. – М.: Бератор-Пресс, 2003. С. 65.

⁴ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. 70 000 слов / Под редакцией Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – Москва. Рус. яз. 1990. С. 676.

правовая категория есть исторически детерминированное этическое благо нематериального характера, подлежащее всесторонней государственной защите, характеризующее, с одной стороны, человека как высшую ценность, не зависящее ни от каких внешних факторов, а с другой, отражающее ценность личности в глазах общества и самосознание ею своей социальной значимости с позиции соответствия ее качеств и поведения социальным нормам, принятым в рамках конкретной общественно-экономической формации»¹. Предложенные В.Н. Барсуковой дефиниции являются вполне исчерпывающими.

Необходимо охарактеризовать и другие объекты гражданско-правовой защиты, рассматриваемые в диссертационном исследовании, такие как репутация, деловая репутация гражданина и юридического лица, уточнив при этом объект судебной защиты после смерти (прекращения правоспособности) их правообладателя.

Термин «репутация», как следует из вышеприведенного словарного источника, подразумевает сведения об общественной оценке того или иного субъекта. Группа российских ученых предложила считать «репутацию» «дифференцированным понятием, отражающим реальное положение индивида в обществе»². С такой позицией нельзя согласиться уже потому, что в ней кроется сразу несколько логических ошибок, которые затрудняют демаркацию терминов «репутация» и «деловая репутация». Прежде всего, логический круг понятия «репутация» является более широким и включает в себя «деловую репутацию», следовательно заявление о том, что носителем репутации является исключительно «индивид», ошибочно. Репутация в широком смысле может существовать не только в деловой сфере, но и в сугубо частной. Это различие отражено в определении А.М. Эрделевского: «Деловая репутация – сопровождающееся

¹ См.: Барсукова В.Н. Честь и достоинство личности: понятие и общая характеристика // Современное право. 2014. № 12. С. 21.

² См.: Надтачаев П.В., Мельник С.В., Кудина С.А. Проблемы определения понятий «честь», «достоинство» и «деловая репутация» как объектов защиты неимущественных прав сотрудников полиции // Аграрное и земельное право. 2019. № 11. С. 77.

оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании»¹. К числу недостатков предложенной дефиниции относится то, что в ней не отражен момент возникновения «деловой репутации» того или иного лица. Кроме того, вряд ли возможно говорить о «деловых качествах» юридического лица.

Е.В. Гаврилов обоснованно считает, что «деловая репутация свойственна не только гражданам, но и юридическим лицам»², не упомянув при этом индивидуальных предпринимателей. Полагаем, что дать исчерпывающее определение понятию «деловая репутация» возможно лишь указав всех ее правообладателей и принимая во внимание особенности возникновения правоспособности и дееспособности каждого из них. Эти доводы позволяют дать следующее определение. Деловая репутация – это общественная оценка деятельности юридического лица (индивидуального предпринимателя), возникающая с момента возникновения его правоспособности, или общественная оценка деловых качеств гражданина, возникающая с момента возникновения дееспособности гражданина. Предлагаемое определение, в части момента возникновения деловой репутации гражданина, разнится с правовой презумпцией, установленной ст. 150 ГК РФ, предусматривающей принадлежность гражданину нематериальных благ, в числе которых названа и деловая репутация, от рождения. Эта очевидная неточность должна быть устранена из ГК РФ, поскольку возникновение деловой репутации возможно лишь с началом экономической, предпринимательской и иной деятельности в деловой сфере. В связи с этим предлагается изложить ч. 1 ст. 150 ГК РФ в новой редакции, исключив словосочетание «деловая репутация». Логично было бы исходить из того, что возникновение деловой репутации совпадает с моментом возникновения дееспособности гражданина (ст. 21 ГК РФ), принимая во внимание возможность эмансипации (ст. 27 ГК РФ).

¹ См.: Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. М.: Р. Валент, 2007. С. 134.

² См.: Гаврилов Е.В. Компенсация нематериального (репутационного) вреда как способ защиты деловой репутации юридических лиц. М.: Юстицинформ, 2022. С. 17.

Что же касается определения объекта защиты после смерти обладателя вышеперечисленных нематериальных благ (в том числе после ликвидации юридического лица и прекращения его правоспособности), то данный вопрос является дискуссионным. В настоящее время в научном сообществе по данному вопросу возникли две позиции.

Первую условно назовем «концепцией правдивого образа», вторую – «концепцией доброй памяти». В рамках первой объектом защиты назван *«положительный и(или) правдивый образ лица, т.е. «сложившееся у общества, отдельных его представителей мнение о лице, его качествах, поступках, характеристиках деятельности в любой (в частности, предпринимательской) сфере»*¹. При этом автор определения Н.Н. Парыгина вполне обоснованно задается вопросом о том, существуют ли «нематериальные блага (в том числе деловая репутация) автономно от их обладателей, возможна ли их защита после прекращения существования соответствующих субъектов вместе с правоспособностью (способностью иметь любые гражданские права), согласуется ли это с логикой ст. 17 ГК РФ?»².

Иной точки зрения придерживается автор второй концепции Е.В. Гаврилов, считая более рациональной идею о гражданско-правовой защите «доброй памяти об умершем человеке», определяя этот объект защиты как «положительные морально-этические и общественно-социальные качества, принадлежавшие человеку до его смерти, которые и после его смерти являются предметом уважения и гордости для общества и заинтересованных лиц, каким-либо образом связанных с умершим»³. Принимая во внимание, что смерть физического лица

¹ См.: Парыгина Н.Н. О проблеме правопреемства в отношении деловой репутации и иных нематериальных благ // Общество, политика, право. 2016. № 8. С. 92.

² См.: Там же. С. 91.

³ См.: Гаврилов Е.В. К вопросу о «положительном и (или) правдивом образе» при гражданско-правовой защите чести, достоинства и деловой репутации человека после его смерти // Верховенство права: человек в государстве: Сборник научных статей, докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Ижевск, 24 октября 2019 г.) / Изд-во Ижевский институт(филиал) ФГБОУ «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2019. С. 133.

или прекращение (ликвидация) юридического лица влечет прекращение правоспособности, но, при этом, признавая возможную связь деловых репутаций разных субъектов, наиболее обоснованным представляется вывод о том, что заинтересованное лицо защищает все-таки свою деловую репутацию, которая находится в зависимости (во взаимной связи) от репутации прекратившего свое существование субъекта права. В связи с этим попытки выявить «новый» объект гражданско-правовой защиты представляются неоправданными. Более подробная аргументация данной позиции представлена в третьем параграфе первой главы настоящего исследования.

После номинации объектов гражданско-правовой защиты целесообразно перейти к исследованию вида судопроизводства, от правильности установления которого во многом зависит эффективность защиты прав и законных интересов лица, обратившегося в суд с соответствующими требованиями.

По мнению М.К. Треушникова, под видом производства следует понимать «определяемый характером и спецификой подлежащего защите материального права или охраняемого законом интереса процессуальный порядок возбуждения, рассмотрения, разрешения определенных групп гражданских дел»¹. Следует согласиться с такой дефиницией, позволяющей группировать гражданские дела для их дальнейшего рассмотрения. При этом, как указывает О.В. Исаенкова, в гражданском процессуальном законодательстве существуют шесть видов производств: 1) исковое производство, подвидами которого являются упрощенное и заочное производство; 2) приказное производство; 3) особое производство; 4) производство по рассмотрению заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора РФ; 5) производство по делам, связанным с выполнением функций

¹ См.: Гражданский процесс: Учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2007. С. 30.

содействия и контроля в отношении третейских судов; б) производство, связанное с исполнением судебных постановлений и постановлений иных органов¹.

Исследуя вопрос о порядке производства по гражданским делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц в судах общей юрисдикции, прежде всего необходимо выяснить, существуют ли основания полагать, что такие требования должны быть рассмотрены в порядке искового производства.

Современными учеными-процессуалистами предпринимались попытки выявить признаки искового производства. Т.В. Рязанова под исковым производством подразумевает производство в сфере различных правоотношений, возникших из конфликта, при этом, по ее мнению, не столь важен характер иска, поскольку это скорее «деятельность суда, направленная на урегулирование конфликта с использованием законов РФ и норм ГПК»². Эта позиция, по нашему мнению, представляется недостаточно корректной по ряду причин. Прежде всего потому, что, вооружившись таким определением, затруднительно отделить исковое производство от иных видов производств, известных гражданскому процессуальному законодательству. Вторая причина, которая не позволяет согласиться с предложенным определением, состоит в том, что в нем не названы характерные признаки искового производства. И, наконец, сомнительной видится практическая значимость этого определения, поскольку оно объективно не содействует правильному правоприменению и установлению вида производства. О.В. Исаенкова пришла к выводу, что «исковое производство характеризуется следующими чертами: 1) наличием спора о гражданском праве, который призван разрешить суд, 2) равенство субъектов спора, 3) предметом защиты выступает нарушенное или оспоренное право или охраняемый законом интерес, 4) возбуждается исключительно подачей в суд особого процессуального

¹ См.: Гражданский процесс: Учебник / Демичев А.А., Исаенкова О.В., Карпычев М.В., Михин А.В. и др. / Под ред. А.А. Демичева (автор параграфа 2 главы 2 Исаенкова О.В.). – 2-е издание, перераб. и доп. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2015. С. 23.

² См.: Рязанова Т.В. Особенности искового производства в гражданском процессе // Территория науки. 2018. № 3. С. 156.

документа – искового заявления, отвечающего требованиям ст. 131 ГПК РФ»¹. Имея возможность соотнести названные характерные черты и гражданско-правовое требование о защите от диффамации, следует сделать вывод о наличии в нем всех необходимых для отнесения к исковому производству элементов. Несомненно, требование о защите чести, достоинства и деловой репутации является спором о праве гражданском. Принимая во внимание субъектный состав участников этих спорных правоотношений, можно с уверенностью говорить о процессуальном равноправии истца и ответчика. Предметом защиты выступают нематериальные права на честь, достоинство и положительную деловую репутацию, для восстановления которых необходимо обратиться в суд с соответствующим требованием процессуального закона иском заявлением. Анализ судебной практики по рассматриваемой категории дел показывает, что обращение в суд, рассмотрение и разрешение по существу требований о защите чести, достоинства и деловой репутации чаще всего производится именно в иском порядке.

Например, Ленинский районный суд г. Саратова рассмотрел в порядке искового производства требования Л. о защите чести, достоинства и деловой репутации, который указал в иском заявлении, что в его адрес пришло сообщение ответчика Д. с требованием о возврате денежных средств, в котором он был назван мошенником. Аналогичное сообщение ответчик направил командиру войсковой части, в которой истец проходит службу. В результате суд принял решение об удовлетворении исковых требований².

Однако вывод о том, что диффамационный спор должен быть рассмотрен судом общей юрисдикции в порядке искового производства, справедлив лишь в случае, если инициатором обращения в суд указан нарушитель его прав – распространитель диффамационных требований. В противном случае

¹ См.: Исаенкова О.В. Место искового производства в системе видов гражданского производства // Юридический аналитический журнал. 2005. № 3-4. С. 60.

² См.: Решение Ленинского районного суда города Саратова по гражданскому делу № 2-169/2020 от 27 января 2020 г. // URL://sudact.ru/regular/doc/oOpEgFHcCjHV/(дата обращения: 21 ноября 2020 г.).

рассмотрение таких требований происходит в ином порядке. Отметим, что в ч. 8 ст. 152 ГК РФ этот порядок не указан. Предположим, что законодатель имел в виду в данном случае особый порядок, и обратимся к положениям ч. 1 ст. 262 ГПК РФ, которая содержит исчерпывающий перечень гражданских дел, рассматриваемых в порядке особого производства. Законодатель предусмотрел возможность его расширения (ч. 2 ст. 262 ГПК РФ) лишь в случае принятия федерального закона, которым к рассмотрению в порядке особого производства будут отнесены и другие дела. 1 октября 2013 года вступил в законную силу Федеральный закон от 02 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹, на основании которого, в том числе, внесены изменения в главу 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита». Впервые законодатель указанными изменениями предусмотрел возможность обращения в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности в случаях невозможности установления распространителя оспариваемых сведений. Следовательно, принятый Федеральный закон затрагивает порядок производства по диффамационным спорам, т.к. невозможность установления распространителя (ответчика) влечет невозможность рассмотрения требования в исковом порядке.

Перед нами очередная процессуальная особенность рассмотрения гражданских дел о защите от диффамации. До момента вступления в законную силу вышеуказанных изменений действующего законодательства такие споры рассматривались исключительно в порядке искового производства, который предполагает участие сторон в ходе судебного процесса, равенство их прав. При этом на инициатора иска о защите чести, достоинства и деловой репутации возлагалась обязанность указать в исковом заявлении сведения об ответчике. В случае анонимного распространения порочащих сведений истец, по существу, лишался судебной защиты, поскольку объективно не мог исполнить требования

¹ См.: Федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета от 05.07.2013 г. № 145 (6121).

п. 3 ч. 2. ст. 131 ГПК РФ. Исковое заявление, в котором отсутствовали сведения об ответчике, оставлялось судом без движения, а затем, в случае неустранения обстоятельств, послуживших основанием для вынесения такого судебного определения, возвращалось истцу. Существовала ситуация, при которой факт нарушения прав и законных интересов потенциального истца имел место, а способ защиты нарушенного права в законодательстве отсутствовал. Устранение пробела в законодательстве было ожидаемо. Можно с уверенностью сказать, что модернизация закона явилась адекватным ответом на появление новых средств и способов (в том числе анонимных) передачи и распространения информации с использованием всемирной сети Интернет. По данным главы Роскомнадзора Андрея Липова, в «2021 году число пользователей интернета в России достигло 124 млн человек. Это 85% населения страны»¹. Законодательная новация о рассмотрении гражданских дел о защите от диффамации в случае невозможности установления распространителя (ответчика) порочащих сведений реализуется в судебной практике.

Так, Одинцовским городским судом Московской области рассмотрено гражданское дело по заявлению Ж. о признании сведений, размещенных в сети Интернет, не соответствующими действительности, порочащими честь, достоинство и деловую репутацию. Обращаясь в суд Ж. ссылался на то, что в сети Интернет о нем были распространены не соответствующие действительности сведения, порочащие его репутацию, но меры, предпринятые для установления их распространителя, в том числе с использованием открытых источников и WHOIS-сервисов², не позволили установить владельца информационного ресурса³.

¹ См.: Число пользователей интернета в России достигло 124 млн человек. // URL: <https://tass.ru/obschestvo/12698757> (дата обращения: 02 января 2022 г.).

²WHOIS-сервис – это сервис для проверки доменных имен. // URL: <http://www.whois-service.ru/> (дата обращения: 22 ноября 2020 г.).

³См.: Решение Одинцовского городского суда Московской области по гражданскому делу № 2- 9724/2019 от 03.12.2019 г.// URL:<http://sudact.ru/regular/doc/uukLMTGBDybZ/> (дата обращения: 22 ноября 2020 г.).

Заявителями по данной категории гражданских дел, рассматриваемым в судах общей юрисдикции, могут выступать не только граждане, но и юридические лица, поскольку в соответствии с ч. 11 ст. 152 ГК РФ правила о защите деловой репутации гражданина, за исключением положений о компенсации морального вреда, применяются к защите деловой репутации юридического лица.

Так, например, Железнодорожным районным судом города Ростова-на-Дону рассмотрено гражданское дело по заявлению адвокатского бюро «Партнер», при рассмотрении которого заявитель сообщил суду, что на сайтах в сети Интернет неизвестным лицом опубликованы негативные, не соответствующие действительности сведения о деятельности бюро, но установить распространителя сведений не удалось¹.

Анализ норм процессуального законодательства в совокупности с материально-правовыми нормами, регулирующими защиту от диффамации, позволяет сделать вывод о существовании пробела процессуального законодательства по вопросу определения вида производства при рассмотрении требований о защите чести, достоинства и деловой репутации в случае невозможности установления распространителя порочащих сведений. Этот пробел нуждается в восполнении. В норме материального права – ч. 8 ст. 152 ГК РФ – также не сообщается о том, должно ли такое требование быть рассмотрено в особом порядке. Сложившаяся по данному вопросу правоприменительная практика, по существу, основана на предположении, что невозможность установления распространителя порочащих сведений предполагает изменение вида судопроизводства и рассмотрение заявления в особом порядке.

Как следует из содержания ч. 3 ст. 263 ГПК РФ в действующей редакции, в случае установления наличия спора о праве суд выносит определение об оставлении заявления без рассмотрения и разъясняет заявителю и другим

¹ См.: Решение Железнодорожного районного суда города Ростова-на-Дону по гражданскому делу № 2-2861/2019г. от 17.12.2019 г. // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/na94reUkw8rT/> (дата обращения: 22 ноября 2020 г.).

заинтересованным лицам право обратиться в суд в порядке искового производства. Содержание этой процессуальной нормы не соотносится с нормой материального права – ч. 8 ст. 152 ГК РФ о том, что в случае невозможности установления лица, распространившего порочащие честь, достоинство или деловую репутацию сведения, гражданин или юридическое лицо, в отношении которых эти сведения были распространены, вправе обратиться в суд с соответствующим заявлением. Следует подчеркнуть, что невозможность установления распространителя диффамационных сведений не изменяет сути спора о праве гражданском, он существует с неустановленным распространителем порочащих сведений. Следовательно предполагаемая сторона диффамационного спора гипотетически существует, при этом неустановление и неуказание в заявлении распространителя сведений (ответчика) может объясняться различными причинами, не всегда связанными с невозможностью его установления. Например, с нежеланием заявителя участвовать в открытом состязательном процессе и парировать аргументы и доводы противной стороны или с неприятием заявителем всех возможных мер по установлению лица, подлежащего указанию в качестве ответчика, и т.д.

Перед нами очевидная правовая коллизия: норма материального права – ч. 8 ст. 152 ГК РФ – не соответствует норме процессуального закона – ч. 3 ст. 263 ГПК РФ. Принимая во внимание, что обе нормы имеют равную юридическую силу, воспользоваться в данной ситуации общетеоретическим правилом устранения коллизий норм права, в соответствии с которым применению подлежит нормативный акт большей юридической силы, невозможно.

В таком случае следует сопоставить время введения в действие конкурирующих норм. По общему правилу коллизия равных по юридической силе актов разрешается в пользу акта, принятого позднее.

1 октября 2013 года вступил в законную силу Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела 1 части первой

Гражданского кодекса Российской Федерации»¹. С этого момента ст. 152 ГК РФ стала применяться в измененной редакции, включая положения ч. 8 о возможности обращения в суд с заявлением о диффамации при отсутствии сведений об ответчике. Ст. 263 ГПК РФ действует в настоящее время в редакции Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который вступил в законную силу, как следует из ст. 21 того же закона, со дня начала деятельности кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции, определяемого в соответствии с ч. 3 ст. 7 Федерального конституционного закона от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»². Однако изменения, внесенные этим федеральным законом, применительно к ст. 263 ГПК РФ коснулись лишь исключения из текста статьи слова «подведомственность», никаких иных изменений, по сравнению с первоначальной редакцией, действующей с 1 февраля 2003 года³ – момента введения в действие ГПК РФ, это процессуальная норма не претерпела.

Таким образом, коллизия, казалось бы, разрешена в пользу нормы ГК РФ, но в таком случае ГК РФ регулирует сугубо процессуальный вопрос о виде судопроизводства.

¹ См.: Федеральный закон от 02 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета от 05 июля 2013 г., № 145 (6121).

² См.: Ст. 21 Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 декабря 2018 г. № 49 (часть I), ст. 7523.

³ См.: Ст. 1 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. № 46, ст. 4531.

По предметно-отраслевому признаку¹ и нормы гражданского права, и нормы гражданского процессуального права являются специальными нормами права. Уже по этой причине между ними не может быть конкуренции как между общими и специальными нормами права.

И.Н. Сенякин справедливо отмечал, что «в зависимости от способа нормативно-правового регулирования общественных отношений выделяют специальные нормы процессуального права, которые должны регламентировать поведение субъектов в различных условиях, конкретизировать их полномочия и т.д.»². Представляется очевидным, что нормы гражданского права такой функции не выполняют. Безусловно, правы И.Н. Сенякин и Н.И. Сухова, которые считают правовые коллизии «в какой-то мере неизбежными и естественными»³.

Выявленные противоречия норм гражданского права и гражданского процессуального права являются скорее ошибкой юридической техники. Законодатель, предусмотрев саму возможность обращения в суд с требованием о защите от диффамации в случае невозможности установления распространителя порочащих сведений, не предусмотрел такую возможность в процессуальной норме.

На основании вышеизложенного предлагается ст. 263 ГПК РФ дополнить ч. 4 следующего содержания: «Заявление о признании распространенных сведений не соответствующими действительности в случаях невозможности установления их распространителя, до момента установления распространителя, рассматривается судом по правилам особого производства».

Устранение выявленного пробела гражданского процессуального законодательства имеет весьма существенное значение. Ученые-процессуалисты беспартийно заявляют, что в порядке особого производства рассматриваются факты, имеющие юридическое значение и «никем не оспариваемое субъективное

¹См.: Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права. Монография под ред. проф. М.И. Байтина. Издательство Саратовского университета. 1987. С. 70.

² См.: Там же. С. 71.

³ См.: Сенякин И.Н., Сухова Н.И. Юридические коллизии как причина неисполнимости норм права // Юридическая техника. 2017, № 11. С. 302.

право заявителя»¹. Такая точка зрения на природу особого производства отражена также в учебной и методической литературе.

С.Н. Абрамов отмечал, что «в случае заявления спора о праве гражданском особое производство подлежит прекращению, а заинтересованное лицо может предъявить иск»². К.С. Юдельсон полагал, что к особому производству относятся дела, «не имеющие спора о праве»³. На отсутствие спора о праве в делах особого производства обращает внимание Е.Г. Тришина⁴. Той же точки зрения придерживаются И.В. Решетникова и В.В. Ярков, сообщая, что особое производство характеризуется отсутствием материально-правового спора⁵. Главное отличие особого производства называет и Т.В. Сахнова, отмечая, что «особое производство не является юрисдикционным; в нем нет и не может быть спора о праве и правового спора...»⁶ Аналогичной точки зрения придерживаются Н.М. Коршунов и Ю.Л. Мареев⁷.

Следует подчеркнуть, что указанные выводы сделаны до момента вступления в законную силу Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ, когда редакция ст. 152 ГК РФ, включая положения ч. 8 о возможности обращения в суд с заявлением о признании не соответствующими действительности и порочащими честь, достоинство и деловую репутацию лица сведений в отсутствие сведений об ответчике, была изменена. Но и более поздние научные изыскания и учебная литература не отражают возможность

¹ См.: Ефимова Ю.В. Виды гражданского судопроизводства. Саратов: «Издательский Центр «Наука», 2008. С. 83.

² См.: Абрамов С.Н. Советский гражданский процесс. / Государственное издательство юридической литературы. М., 1952. С. 291-292.

³ См.: Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс. / Государственное издательство юридической литературы М., 1956. С. 324.

⁴ См.: Гражданский процесс России. Учебник под ред. док. юрид. наук, проф. М.А. Викут. М.: Юрист, 2004. С. 334 (автор главы 25 Тришина Е.Г.).

⁵ См.: Гражданский процесс. Курс лекций. / Решетникова И.В., Ярков В.В. 4-е издание, перераб. М.: Изд-во Норма, 2005. С. 236.

⁶ См.: Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты / Сахнова Т.В. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 553.

⁷ См.: Гражданский процесс: учебник / Коршунов Н.М., Мареев Ю.Л. – М.: Омега-Л, 2006. С. 331.

обращения с заявлением в порядке особого производства при наличии спора о праве гражданском, хотя бы в виде исключения из общего правила. Специфической чертой особого производства А.А. Демичев называет отсутствие спора о праве¹. М.Ю. Лебедев выделяет основное отличие дел особого производства от других видов гражданского судопроизводства – отсутствие спора о праве². Как бесспорные характеризует дела особого производства и А.Ю. Тенькаев³.

Следует согласиться с выводом Е.Г. Потапенко о несогласованности процессуальных и материальных норм, указав в числе возможных причин такой ситуации статичность законодательного процесса, не позволяющего «цивилистическому процессуальному праву оперативно реагировать на изменения права материального, которые влияют на эффективность судебной деятельности»⁴.

В результате исследования вопроса относительно объектов судебной защиты и вида судопроизводства по гражданским делам о защите от диффамации, рассматриваемым судами общей юрисдикции, следует сделать следующие выводы.

Объектами судебной защиты являются нематериальные блага, принадлежащие субъектам гражданско-правовых правоотношений (гражданам, индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам), а именно: честь,

¹См.: Гражданский процесс: учебник / Демичев А.А., Исаенкова О.В., Карпычев М.В., Михин А.В. и др.; Под ред. А.А. Демичева. – 2-е издание, перераб. и доп. Издательство М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2015. С. 194.

² См.: Гражданский процесс: краткий курс лекций / Францифоров Ю.В., Лебедев М.Ю., Чекмарева А.В. – 6-е изд., перераб. и доп.– М.: Издательство Юрайт, 2013. С. 144.

³ См.: Тенькаев А.Ю. Производство по делам неискового характера как особый вид судопроизводства: история и современность. Перспективы развития гражданского процессуального права. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА (г. Саратов, 3 октября 2020 г.) под ред. О.В. Исаенковой. ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Издательство ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. С. 391.

⁴ См.: Потапенко Е.Г. Пределы нормативной специализации цивилистического процессуального права// Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020, № 3 (134). С. 159.

достоинство и деловая репутация. Достаточные основания для номинации иных объектов гражданско-правовой защиты после прекращения существования субъектов права (смерти гражданина, ликвидации юридического лица) – отсутствуют.

Деловую репутацию как объект судебной защиты предлагается определить как общественную оценку деятельности юридического лица (индивидуального предпринимателя), возникающую с момента возникновения его правоспособности, или общественную оценку деловых качеств гражданина, возникающую с момента возникновения дееспособности данного гражданина. Существующая правовая презумпция о принадлежности гражданину деловой репутации от рождения (ч. 1 ст. 150 ГК РФ) ошибочна, указание на нее должно быть исключено из действующего законодательства.

Итак, процессуальная особенность рассматриваемой категории дел состоит в том, что при невозможности установления распространителя порочащих сведений, гражданские дела о защите чести, достоинства и деловой репутации не могут быть рассмотрены в порядке искового производства в связи с отсутствием противной стороны и, как следствие, невозможностью обеспечить обязательный признак искового производства – «равенство субъектов спора»¹. Вместе с тем в действующем законодательстве отсутствует норма, определяющая вид производства для данной категории дел.

Для восполнения выявленного пробела предлагается предусмотреть возможность рассмотрения данной категории дел, до момента установления распространителя порочащих сведений, в порядке особого производства, вне зависимости от существования спора о праве гражданском.

¹ См.: Исаенкова О.В. Место искового производства в системе видов гражданского производства // Юридический аналитический журнал. 2005. № 3-4. С. 60.

1.2. Особенности определения подсудности споров о защите чести, достоинства и деловой репутации

Определение подсудности гражданских дел является не только важным вопросом с точки зрения обеспечения права на доступ к правосудию, но и значимой прикладной задачей. Конституционная норма гласит: «Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом». Положения главы 3 ГПК РФ, именуемой «Подсудность», направлены на реализацию и соблюдение этой конституционной гарантии всеми судами, входящими в судебную систему РФ, – федеральными, конституционными (уставными) судами и мировыми судьями субъектов РФ¹. По своей сути судебная система РФ – это многоуровневая система судов с различной компетенцией. При этом судами общей юрисдикции являются не только федеральные суды, но и суды субъектов РФ (мировые судьи). В связи с этим инициатору обращения за судебной защитой предстоит достаточно сложный выбор при определении подсудности возникшего спора. Как справедливо отмечено Е.В. Любимовой, поиск компетентного суда основан на установлении соответствия между качественными характеристиками юридического конфликта и положениями закона². Статья 22 ГПК РФ «Подсудность гражданских дел» называет своего рода критерии, характерные черты и способы защиты права, с помощью которых разрешается вопрос о подсудности возникшего спора. Как верно заметила Р.А. Шаманова, при определении критериев подсудности необходимо проанализировать способы защиты наравне с содержанием других элементов иска (основание, стороны)³.

¹ См.: ч. 2 ст. 4 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе» в ред. Федерального конституционного закона от 30 октября 2018 г. № 2-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 45, ст. 6823.

² См.: Любимова Е.В. Подсудность суда по интеллектуальным правам // *Exjure*. 2019. № 3. С. 31.

³ См.: Шаманова Р.А. Понятие и назначение института подсудности в гражданском процессе // *Вопросы российского и международного права*. 2018. Том 8. № 5А. С. 143.

О.В. Исаенкова чертами, характеризующими и индивидуализирующими конкретный иск, называет:

«основание как совокупность юридических форм и норм права, в соответствии с которыми суд предполагает наличие у истца права на полное или частичное удовлетворение его требований;

предмет иска как предполагаемое истцом существование спорного правоотношения и вытекающего из него требования истца;

указание истца на конкретный способ защиты права»¹.

С этой точки зрения иск о защите чести, достоинства и деловой репутации имеет следующие характерные черты:

является иском о защите личных неимущественных прав на честь, достоинство и положительную деловую репутацию, возникшим в связи с распространением ответчиком сведений об истце;

правовым основанием иска о защите от диффамации являются положения главы 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита», а именно ст. 150 ГК РФ «Нематериальные блага», ст. 151 ГК РФ «Компенсация морального вреда» и ст. 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации»;

исчерпывающий перечень способов защиты нарушенного личного неимущественного права на честь, достоинство и положительную деловую репутацию, соответствующий положениям ст. 12 ГК РФ, содержится в ст. 152 ГК РФ.

Исследуя вопрос о процессуальных особенностях определения подсудности диффамационных споров, следует исходить из того, что институт подсудности представляет собой совокупность процессуальных норм права, регулирующих вопросы отнесения рассмотрения возникшего спора о праве в суде первой инстанции к компетенции определенного суда судебной системы Российской Федерации.

¹ См.: Исаенкова О.В. Иск и его характерные черты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Исаенкова Оксана Владимировна. – Саратов, 1996. – С. 7-8.

Существует два вида подсудности: родовая и территориальная. В ст. ст. 23 – 27 ГПК РФ отражены правила родовой подсудности дел, отнесенных к компетенции судов общей юрисдикции. Заметим, что некоторые авторы называют родовую подсудность «предметной»¹. В данном случае перед нами лишь допустимый вариант наименования, использование которого не меняет сути вопроса – определение подсудности в зависимости от рода дела. В связи с этим этимологически более точным представляется именование подсудности родовой.

О.В. Николайченко, исследуя сущность родовой подсудности и процессуальные последствия ее нарушения, обращает внимание на императивный характер правил родовой подсудности, которые «не могут быть изменены ни по соглашению лиц, участвующих в деле, ни по усмотрению суда»².

Требования о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц рассматриваются как в порядке гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции, так и арбитражными судами в порядке, установленном арбитражным процессуальным законодательством, в связи с этим особенно важным представляется определение компетентного суда, к подсудности которого относится возникший спор.

Постатейный анализ содержания главы 3 «Подсудность» ГПК РФ применительно к рассматриваемой категории гражданских споров позволяет сделать вывод о существовании ряда особенностей, которые необходимо принимать во внимание при разрешении вопроса о подсудности.

Следует согласиться с О.В. Николайченко, которая считает необходимым при решении вопросов, связанных с подсудностью, «учитывать два основных признака, по которым определяется, какой суд правомочен разрешить гражданское дело: род дела (предмет спора), который дает возможность определить, судам какого звена подсудно данное дело;

¹ См.: Ерохина Т.П. Некоторые проблемы подсудности в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Ерохина Татьяна Петровна. – Саратов, 2004. – С. 109.

² См.: Николайченко О.В. Сущность родовой подсудности и процессуальные последствия ее нарушения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 4 (117). С. 159.

территория, на которую распространяется деятельность судебного органа»¹.

Определяя родовую подсудность возникшего спора о защите от диффамации, исходя из содержания ст. ст. 23, 24, 25, 26 и 27 ГПК РФ, следует использовать метод исключения, так как закон не содержит перечня гражданских дел, которые отнесены к подсудности районного суда.

В результате приходим к выводу, что данная категория дел подсудна районному суду в качестве суда первой инстанции. Исключение могут составлять те диффамационные споры, в которых затрагиваются вопросы, связанные с государственной тайной (п. 1 ч. 1 ст. 26 ГПК РФ), такие гражданские дела относятся к подсудности верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономного округа.

Применение правил территориальной подсудности позволяет определить, в какой конкретно из множества однородных судов соответствующего уровня следует обратиться с иском о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Общее правило территориальной подсудности, сформулированное в ст. 28 ГПК РФ, применимо и к рассматриваемым искам, следовательно, иски о защите от диффамации должны быть предъявлены по месту жительства ответчика, а, в случае если ответчиком является организация, то по ее адресу. Как следует из содержания ст. ст. 29 и 30 ГПК РФ, правовые основания для избрания иной, альтернативной, основанной на выборе истца, или исключительной, на основании указания закона, подсудности таких споров – отсутствуют.

Определенные трудности возникают при определении подсудности исследуемой категории дел, исходя из разграничения компетенции арбитражного суда и федерального суда общей юрисдикции.

Как следует из содержания ч. 1 ст. 22 ГПК РФ, в порядке гражданского судопроизводства рассматриваются дела с участием граждан, организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления о защите

¹ См.: Николайченко О.В. Сущность родовой подсудности и процессуальные последствия ее нарушения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 4. С. 156.

нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, земельных, экологических и иных правоотношений. При этом, в соответствии с ч. 3 той же нормы, суды общей юрисдикции не рассматривают экономические споры. Это норма коррелирует с положениями п. 7 ч. 6 ст. 27 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации¹. (далее – АПК РФ), предусматривающими исключительную компетенцию арбитражного суда по делам о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В этом кроется процессуальная особенность определения подсудности этой категории исков.

В Постановлении Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» обращается внимание на существование специальной подсудности арбитражным судам дел о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, «независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возник спор или требование, юридические лица, индивидуальные предприниматели или иные организации и граждане»².

При применении вышеназванных разъяснений Пленума ВС РФ следует обратить внимание на то, что актуальная редакция ГПК РФ не содержит правового понятия «подсудность». С момента вступления в законную силу Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ³ глава 3 ГПК РФ именуется «Подсудность».

¹ См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.) // СЗ РФ. – 2002. № 30, ст. 3012; 2019. № 30, ст. 4099.

² См.: Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газета. 2005, 15 марта.

³ См.: Ст. 10 Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2018, 4 декабря.

Таким образом, в случае, когда оспариваемые сведения не затрагивают экономическую, предпринимательскую деятельность юридического лица, спор о защите от диффамации подлежит рассмотрению в суде общей юрисдикции, вне зависимости от субъектного состава лиц, участвующих в деле.

Предпринимательской, в соответствии с положениями ч. 1 ст. 2 ГК РФ, является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Иллюстрацией определения подсудности споров о защите от диффамации, с учетом этой процессуальной особенности, могут служить случаи обращения политических партий в суды общей юрисдикции с исковыми требованиями к юридическим лицам – СМИ о защите деловой репутации.

Например, региональное отделение одной из партий обратилось в Октябрьский районный суд города Саратова с иском о защите деловой репутации, указав в качестве ответчика общество с ограниченной ответственностью, которое является учредителем СМИ¹. По мнению истца, сведения о деятельности регионального отделения партии, распространенные ответчиком путем опубликования в газете, являются беспочвенными, не соответствуют действительности, порочат деловую репутацию партии, поскольку направлены на то, чтобы подорвать авторитет партии в глазах избирателей, вызвать негативное отношение к ее деятельности.

Сторонами спора в данном случае являлись юридические лица, однако вопрос о подсудности спора разрешен исходя из того, что в распространенных сведениях речь идет о политической деятельности истца. Суд не принял во внимание субъектный состав участников спорных правоотношений и верно разрешил вопрос о подсудности, приняв дело к производству суда общей юрисдикции.

¹ См.: Архив Октябрьского районного суда города Саратова. Гражданское дело № 2-80/2010.

Каковы же процессуальные последствия нарушения правил о подсудности? Этот вопрос разрешается в зависимости от того, на какой стадии гражданского судопроизводства выявляются основания для разграничения компетенции между судом общей юрисдикции и арбитражным судом.

Принимая во внимание, что препятствия в возбуждении судопроизводства, как отмечает Т.В. Соловьева, «как правило, связываются исключительно с дефектностью действий самого заявителя, обращающегося в суд»¹, судья, ознакомившись с поступившим в суд исковым заявлением, должен определить, существуют ли препятствия для принятия его к производству. Правовые последствия различаются в зависимости от того, будут ли выявлены обстоятельства, указывающие на неверное разграничение компетенции судов.

В главе 12 ГПК РФ названы четыре варианта возможных действий судьи на данной стадии судопроизводства: принятие искового заявления (ст. 133 ГПК РФ), отказ в принятии искового заявления (ст. 134 ГПК РФ), возвращение искового заявления (ст. 135 ГПК РФ), оставление искового заявления без движения (ст. 136 ГПК РФ). В случае нарушения правил о подсудности, следуя градации правовых последствий разрешения вопроса о возможности начала гражданского судопроизводства, предложенной Т.В. Соловьевой, выявляется отрицательное и преодолимое последствие в виде возвращения искового заявления в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ. Вынесение судьей определения о возвращении искового заявления о защите чести, достоинства и деловой репутации истцу, как следует из содержания ч. 3 ст. 135 ГПК РФ, не препятствует дальнейшей реализации права на судебную защиту и обращению в суд, к подсудности которого законом отнесено рассмотрение спора.

Конечно, может возникнуть ситуация, когда суд неверно определил характер распространенных сведений и преждевременно сделал вывод о том, что исковое заявление подано с нарушением правил о подсудности. В этой ситуации

¹ См.: Соловьева Т.В. Институт возвращения искового заявления: сравнительно-исторический аспект // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4. С. 241.

при наличии аргументированной позиции, подтверждающей компетенцию соответствующего суда, истцу следует воспользоваться своим правом на подачу частной жалобы, предусмотренным ч. 3 ст. 135 ГПК РФ, поскольку по истечении 15-дневного срока на ее подачу, указанного в ст. 332 ГПК РФ, такая процессуальная возможность будет утрачена.

В случаях, когда характер распространенных сведений и их относимость к экономическим правоотношениям выявились после возбуждения гражданского дела, оно подлежит передаче в арбитражный суд на основании требований ч. 2.1 ст. 33 ГПК РФ, действующей в настоящее время в редакции Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ¹.

Нарушение правил родовой, исключительной и территориальной подсудности может повлечь отмену судебного решения в апелляционном, кассационном и надзорном порядке. При этом, исходя из содержания ч. 3 ст. 330 ГПК РФ, нарушение или неправильное применение норм процессуального права является основанием для изменения или отмены решения суда первой инстанции, если это привело или могло привести к принятию неправильного решения.

Как представляется, правила подсудности, применяемые к репутационным спорам, не в полной мере обеспечивают равенство всех перед законом и судом. Наиболее рельефно такое неравенство может выявляться в случаях, когда стороной спора является, например, федеральное средство массовой информации, которое, как правило, территориально располагается в Москве или в крупных городах России.

В соответствии с правилами о подсудности такой иск предъявляется в суд по адресу организации. Обладая значительными материальными ресурсами, большим штатом сотрудников, ответчик будет иметь все необходимые возможности для участия в деле, в то время как иногородний истец, скорее всего, станет испытывать значительные затруднения при реализации процессуальных

¹ См.: Ст. 10 Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2018, 4 декабря, № 272.

прав. Безусловно, развитие цифровизации вносит свои коррективы и во многом упрощает ведение дел в судах, предоставляя возможности направления в суд документов в электронном виде, участия в заседаниях посредством видео-конференц-связи, но эти достижения цивилизации доступны далеко не всем.

Э.И. Лескина заключила, что обеспечение равноправия сторон возможно с помощью предоставления определенных процессуальных гарантий, которые, с одной стороны, «позволяет уравнивать права, а с другой – делает организацию судебной защиты более справедливой»¹. Разделяя и поддерживая эту точку зрения, отметим, что правила подсудности, выступая такой процессуальной гарантией, способны гарантировать равноправие сторон. В связи с этим представляется необходимым и своевременным внесение изменений в правила о подсудности споров о диффамации в случаях, когда истцом выступает гражданин, предусмотрев возможность предъявления иска о защите чести, достоинства и деловой репутации в суд по месту жительства истца. О своевременности предлагаемых изменений о введении альтернативной подсудности по данной категории дел свидетельствует появление исков, связанных с распространением диффамационных сведений в сети Интернет. Местом жительства лица, распространившего порочащие сведения об истце в сети Интернет, вполне может оказаться отдаленный регион нашей или зарубежной страны, что существенно затруднит не только защиту прав и законных интересов истца, но и доступ к правосудию.

Следует согласиться с мнением О.А. Бахарева, что в избранном истцом суде «скорее всего, будет больше возможностей для доказательства своей позиции – например, привлечения свидетелей, получение письменных доказательств»². Предлагаемые изменения, связанные с необходимостью

¹ См.: Лескина Э.И. Цивилистические процессуальные метафоры: понятие и сферы реализации // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 53.

² См.: Бахарева О.А. Отдельные аспекты последствий, вызванных нарушением правил подсудности. Перспективы развития гражданского процессуального права: Сборник по материалам IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА (г. Саратов, 3 октября 2020 г.) / под ред. О.В. Исаенковой; ФГБОУ ВО

введения альтернативной подсудности диффамационных споров, вполне соответствуют наметившийся тенденции гражданского процессуального законодательства, направленной на введение норм об альтернативной подсудности по искам о защите прав граждан при распространении информации, например, по искам о защите прав субъектов персональных данных (ч. 6.1 ст. 29 ГПК РФ), по искам о прекращении выдачи оператором поисковой системы ссылок, позволяющих получить доступ к информации сети Интернет (ч. 6.2 ст. 29 ГПК РФ).

Резюмируя вышеизложенное, предлагается дополнить ст. 29 ГПК РФ пунктом 6.4. следующего содержания: «Иски о защите чести, достоинства и деловой репутации, в том числе о возмещении убытков и(или) компенсации морального вреда, могут предъявляться также в суд по месту жительства истца».

Следует также рассмотреть вопрос определения подсудности в случаях, когда установление распространителя диффамационных сведений невозможно, поскольку отсутствие ответчика, безусловно, оказывает влияние на определение подсудности. Ведь подсудность исков о защите чести, достоинства и деловой репутации определяется по общему правилу по месту жительства (адресу) ответчика. Анализ содержания ч. 8 ст. 152 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что заявление о признании сведений не соответствующими действительности, в котором не будет указан ответчик в связи с невозможностью его установления, не может быть рассмотрено в порядке искового судопроизводства. Коль скоро в анализируемой норме прямо не указано, что рассмотрение этой категории дел должно производиться в порядке особого производства, предположим, что законодатель исходил из такого порядка. Обратившись к содержанию подраздела IV «Особое производство», главы 27 «Общие положения» ГПК РФ, мы сталкиваемся с

очередной процессуальной проблемой, поскольку в анализируемой главе о подсудности дел особого производства не сообщается. Применить к делам о признании распространенных сведений не соответствующими действительности в случаях невозможности установления их распространителя общие правила искового производства, как указано в ч. 1 ст. 263 ГПК РФ, не представляется возможным в связи с отсутствием ответчика. Вопрос подсудности для каждой из указанных в ч. 1 ст. 262 ГПК РФ категорий дел особого производства разрешается в соответствующей ей главе ГПК РФ. Так, например, подсудность заявлений об установлении юридического факта определяется в соответствии со ст. 266 главы 28 ГПК РФ, заявлений об усыновлении или удочерении ребенка определяется на основании ст. 269 главы 29 ГПК РФ и т.д.

Следовательно, до настоящего времени вопрос подсудности дел о признании распространенных сведений не соответствующими действительности в случаях невозможности установления их распространителя законодателем не разрешен, что является значимой прикладной проблемой. Поскольку Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» внесены изменения в главу 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита», затрагивающие вопрос о порядке производства по делам о признании распространенных сведений не соответствующими действительности в случаях невозможности установления распространителя порочащих сведений, должен быть разрешен вопрос об отнесении этой категории дел к тому или иному виду производства.

Предлагается дополнить подраздел IV «Особое производство» ГПК РФ главой 35.1 «Признание распространенных сведений не соответствующими действительности в случаях невозможности установления их распространителя», в которой, в числе прочих, необходимо разрешить вопрос о подсудности этой категории дел.

1.3. Инициатор обращения в суд с заявлением о защите от диффамации

Инициатор обращения в суд именуется истцом (в исковом производстве) или заявителем – в случае невозможности установления распространителя порочащих сведений, и, безусловно, является лицом, участвующим в деле. При этом ГПК РФ не раскрывает содержание понятия «лица, участвующие в деле». На первый взгляд, оно не нуждается в разъяснении, но необходимость выявления критериев наделения лиц таким процессуальным статусом все-таки существует.

Как указывает А.А. Аргунов, «лицами, участвующими в деле, являются те участники процесса, которые: 1) материально и (или) процессуально заинтересованы в исходе дела; 2) своими действиями влияют на ход и развитие процесса, обладают определенными процессуальными правами и несут процессуальные обязанности, от которых зависит процессуальное положение каждого из них; 3) обращаются в суд за защитой своих собственных прав и законных интересов либо в случаях, предусмотренных законом, – прав и законных интересов иных лиц»¹. Иными словами, лицам, участвующим в деле, безразлично, какое решение примет суд, поскольку оно может изменить их права и обязанности, привести к возникновению, изменению или прекращению гражданских правоотношений. Следует отметить, что от процессуальной активности лиц, участвующих в деле, наделенных необходимым объемом процессуальных прав, во многом зависит движение дела, перспективы и результат его разрешения. Той же позиции придерживаются А.Д. Золотухин и Л.А. Волчихина², Л.В. Туманова³.

¹ См.: Гражданский процесс: учебник / Т.К. Андреева, В.В. Аргунов, Е.А. Борисова и др. Под ред. М.К. Треушников. – 7-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2021. С. 140.

² См.: Волчихина Л.А. Золотухин А.Д. К вопросу о правосубъектности физических лиц в гражданском судопроизводстве. Перспективы развития гражданского процессуального права. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА (г. Саратов, 3 октября 2020 г.) под ред. О.В. Исаенковой. ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Издательство ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. С. 184.

³ См.: Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР / под ред. Г.А. Жилина. М.: ООО «Издательство Проспект», 2002. С. 53.

В современной доктрине гражданского процесса принято считать, что лица, участвующие в деле, делятся на две группы: 1) стороны (истец и ответчик) и третьи лица; 2) прокурор, государственные органы, органы местного самоуправления, а также другие лица, выступающие в защиту чужих интересов¹.

Состав лиц, участвующих при рассмотрении гражданских дел судами общей юрисдикции, определен главой 4 ГПК РФ, действующей в редакции Федерального закона от 29 июля 2018 года № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»².

Лица, участвующие в деле, названы в ст. 34 ГПК РФ, действующей в настоящее время в редакции Федерального закона от 08 марта 2015 года № 23-ФЗ³. В связи с наличием особенностей, определяемых характером спорных правоотношений, возникающих в связи с распространением диффамационных сведений, в настоящем исследовании будет охарактеризовано процессуальное положение истца (заявителя), ответчика и третьих лиц, поскольку процессуальный статус, права и обязанности иных лиц, поименованных в ст. 34 ГПК РФ, не обнаруживает каких-либо особенностей по сравнению с иными гражданскими делами, участниками которых они могут являться.

Отметим, что ГПК РФ не содержит определения понятия «истец». Законодатель ограничился лишь указанием на то, что так именуется одна из сторон гражданского судопроизводства. В.В. Аргунов предложил следующее определение: «Истец – это лицо, которое предположительно является обладателем спорного права или охраняемого законом интереса и обращается в суд за защитой, поскольку считает, что его право неосновательно нарушено или

¹ См.: Гражданский процесс: учебник / Т.К. Андреева, В.В. Аргунов, Е.А. Борисова и др. Под ред. М. К. Треушникова. – 7-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2021. С. 140.

² См.: Федеральный закон от 29.07.2018 года № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 31, ст. 4854.

³ См.: Федеральный закон от 08.03.2015 года № 23-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ от 9 марта 2015 г. № 10, ст. 1393.

оспорено ответчиком»¹. Основываясь на этой дефиниции при анализе содержания статей 34, 38 ГПК РФ и ст. 152 ГК РФ, следует сделать вывод, что истцом (заявителем) в репутационном споре является лицо, обратившееся в суд за защитой личных неимущественных прав на честь, достоинство и положительную деловую репутацию, полагающее, что эти права нарушены распространением о нем неких негативных, не соответствующих действительности сведений. Но инициатор обращения в суд может защищать не только свои личные права и законные интересы, но и права и законные интересы умершего гражданина или ликвидированного юридического лица. В соответствии с ч. 1 ст. 152 ГК РФ такая защита осуществляется по требованию заинтересованных лиц. Это положение закона, с точки зрения его процессуального воплощения на практике, представляет вполне закономерный интерес и порождает ряд дискуссионных вопросов. Часть из них связана с тем, что со смертью гражданина или ликвидацией юридического лица (ч. 2 ст. 17 ГК РФ и ч. 3 ст. 49 ГК РФ) прекращается их правоспособность, а поименованные в ч. 1 ст. 150 ГК РФ нематериальные блага, в числе которых названы честь, достоинство и деловая репутация, являются неотчуждаемыми и непередаваемыми каким-либо способом. Исходя из этого, следует предположить, что в момент прекращения правоспособности завершаются все правоотношения, связанные с защитой нематериальных благ в судебном порядке.

Н.Н. Парыгина, рассуждая о возможности защиты нематериальных благ после смерти их обладателей, справедливо заключила, что «с точки зрения теории права предпринимать меры к тому, чтобы оградить от посягательств деловую репутацию (или любое другое нематериальное благо) умершего физического или ликвидированного юридического лица, столь же абсурдно, как отстаивать права

¹ См.: Гражданский процесс: учебник / Т.К. Андреева, В.В. Аргунов, Е.А. Борисова и др. Под ред. М. К. Треушникова. – 7-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2021. С. 142.

ушедшего человека на жизнь и здоровье»¹. Обоснованной является точка зрения А.А. Демичева и О.В. Исаенковой относительно правовых последствий смерти обладателя личных неимущественных прав и нематериальных благ, о необходимости «принимать во внимание, что по общему правилу наследования личные неимущественные права неотъемлемы от личности наследодателя и не переходят в составе наследственной массы к наследникам ни по закону, ни по завещанию»². Это далеко не беспочвенное теоретизирование, поскольку в зависимости от того, насколько точно будет назван объект защиты и определен его правообладатель, разрешаются процессуальные вопросы о том, является ли лицо, обратившееся в суд, надлежащим истцом или заявителем, в чем конкретно состоит нарушение принадлежащего этому лицу действительного или предполагаемого права, и, наконец, в чем состоит заинтересованность этого лица в исходе дела.

Е.В. Гаврилов, например, полагает, что у умершего человека не может быть никаких благ, а заинтересованные лица защищают иное нематериальное благо – «добрую память об умершем человеке»³. По всей видимости имеется в виду, что заинтересованное лицо защищает свое нематериальное благо, и с этим следует согласиться, но в таком случае не ясны критерии возникновения доброй памяти и влияния на нее распространенных сведений. Кроме того, не существует и правовой презумпции о том, что человек, умирая, оставляет о себе добрую память. И еще один аргумент, не позволяющий согласиться с позицией Е.В. Гаврилова, заключается в том, что в случае реализации такого предложения право на иск в процессуальном и материальном смысле должно быть предоставлено всем ныне живущим, не утратившим способность помнить об умершем.

¹ См.: Парыгина Н.Н. О проблеме правопреемства в отношении деловой репутации и иных нематериальных благ // Общество, политика, право. 2016. № 8. С. 91.

² См.: Демичев А.А., Исаенкова О.В. Смерть с точки зрения права // Государство и право. 2008. № 8. С. 86.

³ См.: Гаврилов Е.В. Новации российского гражданского законодательства в сфере защиты чести, достоинства и деловой репутации // Судья. 2014. № 4. С. 12.

Следует также обратить внимание на то, что логический круг понятия «заинтересованные лица», которым предоставлено право защищать честь, достоинство и деловую репутацию умершего, как он очерчен в ч. 1 ст. 152 ГК РФ, не совпадает с процессуальной номинацией «заинтересованные лица по делам особого производства», содержащейся в ст. 34 ГПК РФ. На существование проблемы соотношения понятий, используемых при номинации участников процесса, обращает внимание Н.А. Артебякина, предлагая «четко разобраться в понятийном аппарате, используемом как законодателем, так и теоретиками»¹. Отсутствие единообразного понимания терминов существенно затрудняет правоприменение. Названные нормы гражданского и гражданского процессуального законов очевидно нуждаются в унификации, то есть в «изменении содержания права»². Отдавая дань уважения одному из первых исследователей унификационных процессов в российском праве И.Н. Сенякину, напомним, что, по его мнению, «непременным условием унифицирования законодательства является его готовность к объединению родственно-взаимосвязанных отношений»³. Очевидно, что перед нами именно такой случай.

Возвращаясь к вопросу о том, вправе ли любое лицо, доказавшее свою заинтересованность, обратиться в суд с требованиями о защите чести, достоинства и деловой репутации умершего гражданина, или это требование принадлежит исключительно его наследникам, заметим, что законодатель не раскрывает, какое именно содержание в данном случае имеет понятие «заинтересованные лица», возможно ли его самое широкое толкование и отнесение к группе потенциальных истцов и заявителей, членов трудового коллектива, радеющих за честь своего бывшего сослуживца, представителей

¹ См.: Артебякина Н.А. Соотношение понятия «лица, участвующие в деле» с иными смежными процессуально-правовыми понятиями // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. №3. С.192.

² См.: Потапенко Е.Г. Унификация права: понятие, формы, методы (в контексте исследования унификации цивилистического процессуального права) // Известия Саратовского университета. Новая серия: Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17. № 3. С. 346.

³ См.: Сенякин И.Н. О роли унификации в системе российского законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2. С. 17.

научного сообщества, считающих себя последователями научной школы их безвременно почившего коллеги, поклонников таланта выдающегося артиста, спортсмена и др.

При исследовании заинтересованности к исходу дела, Н.А. Артебьякина обоснованно выделяет ее «личный (субъективный) характер, под которой понимается основанное на законе намерение участников дела в получении определенного правового результата, который должен найти отражение в судебном акте, непосредственно затрагивающим их права, обязанности и законные интересы»¹.

Нижеприведенный пример переносит этот теоретический вопрос в практическую плоскость.

Вскоре после выхода в прокат художественного фильма режиссера А.Е. Учителя «Матильда» вдова племянника российского императора Николая II – К. обратилась в Октябрьский районный суд города Санкт-Петербурга с иском к ООО «Творческое объединение «Рок» о защите чести, достоинства и деловой репутации умершего Николая II. Как следует из сообщения, размещенного на официальном сайте суда, ее исковое заявление было оставлено без рассмотрения, а затем возвращено истцу². Приведенный пример актуализирует вопрос о том, кому конкретно принадлежит право на защиту триады личных неимущественных прав, некогда принадлежавших умершему. В постановлении Конституционного Суда РФ указано, что «...поскольку конституционное право на охрану достоинства личности распространяется не только на период жизни человека, оно обязывает государство создавать правовые гарантии для защиты чести и доброго имени умершего, сохранения достойного к нему отношения, что в свою очередь

¹ См.: Артебьякина Н.А. Заявители и другие заинтересованные лица по делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного постановления в разумный срок – лица, участвующие в деле // Вестник Пермского университета. 2012. №1. С.75.

² См.: Сведения об определении Октябрьского районного суда города Санкт-Петербурга № М-5273/2017; № 9-1515/2017 от 04.11.2017 г. // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/542600885> (дата обращения: 01 декабря 2020 г.).

предполагает обязанность компетентных органов исходить из необходимости обеспечения *близким родственникам умершего* доступа к правосудию и судебной защиты в полном объеме, как это вытекает из статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи со статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод»¹. Правовая позиция Конституционного Суда РФ о том, что надлежащими истцами или заявителями в таких случаях могут быть исключительно близкие родственники умершего², нуждается в переосмыслении уже потому, что ВС РФ занимает несколько иную позицию, указывая, что такими лицами могут быть родственники и наследники умершего³.

Центральным районным судом города Челябинска разрешены по существу исковые требования Б. к редакции телеканала «СТС-Челябинск», ООО «Предприятие «Инфо-ТВ», редакции газеты «Версия», ООО «Диалан», ООО «Версия» о защите чести, достоинства, компенсации морального вреда. Истец обратился в суд, защищая честь, достоинство и деловую репутацию своего умершего брата⁴. В решении суда нет сведений о том, являлся ли истец единственным родственником умершего, обсуждался ли в судебном заседании вопрос о необходимости привлечения к участию в деле других близких родственников умершего в качестве третьих лиц на стороне истца.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П г. Санкт-Петербург «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко» // Российская газета. 29 июля 2011 г., № 165 (5541).

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 04.06.2013 № 900-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Чирковой Тамары Александровны на нарушение ее конституционных прав положениями части 1 статьи 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148627/(дата обращения 30.01.2020 г.).

³ См.: Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 года №3 «О судебной практике по делам о защите чести, достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005, № 4.

⁴ См.: Решение Центрального районного суда города Челябинска по гражданскому делу № 2-1257/2014 от 08 апреля 2014 г. // URL:<http://sudact.ru/regular/doc/g1a3jferilVO/> (дата обращения 30.01.2020 г.).

Вот каким образом был разрешен вопрос о составе лиц, участвующих в деле о защите чести, достоинства и деловой репутации гражданина после его смерти, Фрунзенским райсудом города Саратова в ходе рассмотрения гражданского дела по иску М1 (вдовы умершего) к ООО «Медиа-группа «ОМ», ответчикам И. и Е. Вдова умершего оспаривала распространенные ответчиками сведения о совершении ее мужем М2 противоправных деяний. С самостоятельными исковыми требованиями о защите от диффамации к тем же ответчикам обратился М3, который являлся сыном умершего М2. Определением Фрунзенского районного суда указанные гражданские дела по иску вдовы о защите чести, достоинства и деловой репутации умершего М2 и сына умершего М3, который защищал свои честь, достоинство и деловую репутацию, были соединены в одно производство.

Суд пришел к выводу о необходимости частичного удовлетворения исковых требований истца М1, признав ряд высказываний ответчиков И. и Е. порочащими честь, достоинство и деловую репутацию умершего М2. Как следует из текста решения, суд не привлекал сына умершего в качестве третьего лица на стороне истца при рассмотрении иска вдовы в защиту чести, достоинства и деловой репутации его умершего отца, не разъяснял ему право на обращение с самостоятельными исковыми требованиями, направленными в защиту чести, достоинства и деловой репутации умершего отца¹. Рассмотренный пример иллюстрирует заинтересованность супруги умершего гражданина в защите его чести, достоинства и деловой репутации. Заметим, что супругов не связывают отношения родства, при этом суд удовлетворил требования вдовы.

Резюмируя рассуждения по вопросу о том, кому принадлежит право на обращение в суд с требованиями о защите от диффамации после смерти гражданина, следует сделать вывод о существовании потребности в детальной проработке этой проблемы. В результате системного анализа положений

¹ См.: Решение Фрунзенского районного суда г. Саратова от 03 июля 2019 года по гражданскому делу № 2-523/19 // URL:<http://sudact.ru/regular/doc/iDN8zflsLT6K/> (дата обращения: 30 ноября 2020 г.).

ч. 2 ст. 17 ГК РФ и ч. 1 ст. 150 ГК РФ в их взаимной связи напрашивается вывод о невозможности судебной защиты нематериальных благ, которыми при жизни обладал умерший, в силу их неотчуждаемости, невозможности их передачи каким-либо способом и в связи с прекращением правоспособности гражданина смертью. По меткому замечанию А.А. Демичева и О.В. Исаенковой, «главной чертой смерти является то, что в момент ее наступления само существование субъекта права становится фикцией»¹.

Вместе с тем, как следует из содержания ч. 1 ст. 152 ГК РФ, по требованию заинтересованных лиц допускается защита чести, достоинства и деловой репутации гражданина и после его смерти. В очевидном отсутствии корреляции перечисленных норм материального права кроется процессуальная проблема – невозможность исполнения требований п. 4 ст. 131 ГПК РФ о необходимости указания в исковом заявлении «в чем заключается нарушение либо угроза нарушения прав, свобод или законных интересов истца». Это положение закона сформулировано таким образом, что не позволяет его трактовать расширительно. Разрешение выявленной междисциплинарной проблемы видится в предоставлении любому лицу, доказавшему в суде *свою* заинтересованность в защите некогда принадлежавших умершему личных неимущественных прав на честь, достоинство и деловую репутацию, права на обращение в суд в случае, если распространенные об умершем диффамационные сведения нарушают личные неимущественные права и интересы заявителя. Иными словами, объектом защиты должны быть права и законные интересы живущего, реализация которых зависит от того, будут ли признаны не соответствующими действительности негативные сведения об умершем гражданине. В связи с этим предлагается изложить ч. 1 ст. 152 ГК РФ в новой редакции следующего содержания:

«Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие

¹ См.: Демичев А.А., Исаенкова О.В. Смерть с точки зрения права // Государство и право. 2008. № 8. С. 86.

сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или другим аналогичным способом.

Защита чести, достоинства и деловой репутации в случае распространения порочащих сведений об умершем лице допускается при условии, что такие сведения затрагивают права гражданина, обратившегося за судебной защитой».

Указание в качестве обязательного условия реализации права на судебную защиту на наличие взаимосвязей репутаций умершего и инициатора обращения в суд необходимо, в противном случае открывается простор для сутяжничества. Достаточно напомнить об использованном в исследовании примере – попытках обращения в суд вдовы племянника российского императора Николая II с требованиями о защите чести, достоинства и деловой репутации умершего¹.

Относительно принадлежности права на иск в процессуальном смысле, отметим, что любое физическое или юридическое лицо, считающее, что его права, свободы или законные интересы нарушены, вправе обратиться в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов в порядке гражданского судопроизводства. Законодатель называет лишь два вполне исполнимых условия для такого обращения. Лицу надлежит обосновать свою заинтересованность в рассмотрении дела в суде, указав в исковом заявлении, в чем заключается нарушение либо угроза нарушения его прав, свобод или законных интересов. Вторым обязательным условием является соблюдение порядка обращения в суд, установленного законодательством о гражданском судопроизводстве. Этот вывод следует из анализа положений, содержащихся в ст. 3 ГПК РФ «Право на обращение в суд» и ст. 131 ГПК РФ. Не являются исключением из общего правила и требования о защите от диффамации.

В соответствии с п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 иски по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой

¹ См.: Сведения об определении Октябрьского районного суда города Санкт-Петербурга № М-5273/2017; № 9-1515/2017 от 04 ноября 2017 г. // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/542600885> (дата обращения: 01 декабря 2020 г.).

репутации граждан и юридических лиц вправе предъявить граждане и юридические лица, которые считают, что о них распространены не соответствующие действительности порочащие сведения. В связи с этим следует констатировать, что при разрешении вопроса о том, имеет ли то или иное лицо право на иск о защите от диффамации в процессуальном смысле, следует исходить из субъективной оценки инициатора судебного разбирательства (истца, заявителя) распространенных сведений как порочащих его честь, достоинство и деловую репутацию. Такой вывод полностью соответствует авторитетному мнению современных ученых-процессуалистов, являющихся представителями саратовской школы гражданского процесса. В коллективной монографии, посвященной вопросам развития понятия иска и сущности исковой формы защиты, проанализированы «четыре основные группы по тому критерию, с какой позиции – материально-правовой или процессуальной рассматривается иск, в каком соотношении находится в иске материальное и процессуальное»¹, что позволило прийти к выводу, что понятия иска в материально-правовом смысле быть не должно².

Поступившее в суд исковое заявление о защите чести, достоинства и деловой репутации должно лишь соответствовать требованиям, предъявляемым к его форме и содержанию, перечисленным в статьях 131-132 ГПК РФ. Разрешая вопрос о возможности принятия дела к производству, суд ограничивается лишь оценкой формы и содержания искового заявления.

А.Р. Ратинов и Г.Х. Ефремов считают основанием для отказа в принятии искового заявления о защите от диффамации невозможность персонификации истца в распространенных сведениях³. Такая точка зрения представляется в корне неверной, поскольку никто не может быть ограничен в праве на обращение в суд с

¹ См.: Исаенкова О.В., Николайченко О.В., Соловьева Т.В., Ткачева Н.Н. Иск и исковая форма защиты в гражданском процессе / под ред. О.В. Исаенковой. М.: Юрайт, 2022. С. 24.

² См.: Там же. С. 40.

³ См.: Ефремов Г.Х., Кроз М.В., Ратинов А.Р., Симонов А.К. Средства массовой информации и судебная власть в России. Проблемы взаимодействия / Отв. ред. А.К. Симонов. – М., 1998. С. 194.

иском, в том числе с требованиями о защите от диффамации. Восприятие тех или иных сведений зависит от множества факторов, таких как личностные особенности, уровень образования, наличие фоновых знаний, состояние психического здоровья и т.п. Несомненно, на стадии возбуждения производства по гражданскому делу мы имеем дело исключительно с субъективной оценкой истца распространенных сведений, изложенной им в исковом заявлении.

Так, например, одним из оснований вынесения решения об отказе в удовлетворении иска о защите от диффамации является отсутствие в спорном фрагменте сведений именно об истце. Действующее гражданское процессуальное законодательство не предусматривает возможность замены истца. Правила ст. 41 ГПК РФ применимы лишь к замене ненадлежащего ответчика и не наделяют ответчика правом ходатайствовать о замене истца. Процессуальным последствием заявления исковых требований лицом, о котором ответчик не распространял диффамационные сведения, является вынесение решения об отказе в удовлетворении исковых требований.

Именно об отказе в удовлетворении исковых требований просили суд представители ответчика Р. в ходе рассмотрения гражданского дела по иску В. о защите чести, достоинства, деловой репутации и компенсации морального вреда¹. В оспариваемом истцом фрагменте выступления ответчика все фамилии были указаны во множественном числе, имена и отчества субъектов не были названы вовсе. Представитель истца в ходе судебного заседания не отрицал, что ответчик использовал лингвистический прием «неполной номинации референта». Представители ответчика просили суд отказать В. в удовлетворении исковых требований, поскольку ответчик Р. не говорил о конкретном человеке. При перечислении различных фамилий во множественном числе был создан собирательный образ представителя власти, использовано «отантропонимическое

¹См.: Решение Ленинского районного суда города Саратова по гражданскому делу № 2-618/2010 от 07 апреля 2010 года (Архив Ленинского районного суда города Саратова).

лексическое новообразование»¹. Употребление фамилии во множественном числе, не позволяет установить даже гендерную принадлежность субъектов высказывания.

Несмотря на эти доводы ответчика, суд удовлетворил иски требования. Ответчик Р., исчерпав при обжаловании все возможности национального законодательства, обратился в Европейский суд по правам человека (далее ЕСПЧ) с жалобой № 69575/10², в результате рассмотрения которой ЕСПЧ указал, что высказывание Р. «представляло собой заявление о коллективной ответственности власти, а не обвинение в конкретных уголовных преступлениях, а такие заявления оппозиционных политиков в соответствии со ст. 10 Конвенции должны ограничиваться лишь при наличии очень веских оснований»³.

Таким образом, следует резюмировать, что требования о защите от диффамации подлежат удовлетворению лишь в том случае, когда в ходе судебного рассмотрения будет установлено, что в оспариваемом фрагменте речевой коммуникации, вне всякого сомнения, содержатся сведения именно об инициаторе обращения за судебной защитой (истце или заявителе).

Переходя к выявлению процессуальных особенностей участия юридических лиц в гражданских делах о защите от диффамации, нельзя не согласиться с О.Ш. Аюповым, который, исследуя вопросы защиты деловой репутации юридических лиц, заключил, что «невозможно переложить правила, применяемые к физическим лицам, без учета специфики правового статуса юридических лиц»⁴.

Прежде всего следует отметить, что гражданская правоспособность и гражданская процессуальная дееспособность организации возникают

¹ См.: Киреева Ю.Н. Отантропонимические лексические новообразования: структура, специфика, социокультурная детерминированность // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 1. С. 137.

² См.: CASE OF RASHKIN v. RUSSIA. // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-203811> (дата обращения: 20 ноября 2020 г.).

³ См.: ЕСПЧ обязал Россию выплатить депутату Рашкину €7,8 тыс. // URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/07/2020/5f04302e9a7947625b37a403> (дата обращения: 20 ноября 2020 г.).

⁴ См.: Аюпов О.Ш. Защита деловой репутации юридического лица от диффамации в гражданском праве России: автореф. дис....канд. юрид. наук. Томск. 2013. С. 14.

одновременно с государственной регистрацией в ЕГРЮЛ и прекращаются в момент завершения внесения в указанный реестр сведений о прекращении (ч. 3. ст. 49 ГК РФ). Ликвидация юридического лица влечет его прекращение без перехода в порядке универсального правопреемства его прав и обязанностей к другим лицам (ч. 1 ст. 61 ГК РФ). Означает ли это, что производство по гражданскому делу о защите от диффамации, возбужденное по заявлению организации, после ее ликвидации должно быть прекращено? Относительно случаев ликвидации организаций в ст. 220 ГПК РФ сообщается, что суд *прекращает* производство по делу, в случае если «ликвидация организации, являвшейся одной из сторон по делу, завершена». Вместе с тем одним из способов ликвидации организации, в соответствии с положениями ст. 57 ГК РФ, является реорганизация, которая, в свою очередь, осуществляется в форме слияния, присоединения, разделения, выделения, преобразования. Ст. 216 ГПК РФ предусматривает возможность приостановления производства по делу в случае «реорганизации юридического лица, являющегося стороной в деле или третьим лицом с самостоятельными требованиями».

В результате сопоставления содержания вышеуказанных процессуальных норм и п. 11 ст. 152 ГК РФ возникает вопрос о том, возможна ли защита деловой репутации ликвидированного юридического лица в рамках производства по гражданскому делу, принятому к производству суда до момента его ликвидации, или такая защита должна осуществляться в ходе рассмотрения нового гражданского дела по иску заинтересованного лица после ликвидации организации – обладателя деловой репутации? Ответ на этот вопрос зависит от возможности правопреемства деловой репутации после прекращения существования субъекта права и от того, что подразумевается под объектом защиты. Следует согласиться с Н.Н. Парыгиной, сделавшей вывод «об отсутствии

правопреемства в отношении деловой репутации у юридических лиц как при ликвидации, так и при реорганизации»¹.

Такая правовая позиция позволяет прийти к выводу, что судебная защита должна осуществляться в ходе рассмотрения нового гражданского дела по иску заинтересованного лица после ликвидации организации – обладателя деловой репутации. Но при указании объекта защиты сложно согласиться с тем, что, по мнению Н.Н. Парыгиной, им является «положительный и (или) правдивый образ прекратившего свое существование субъекта»². Полагаем, что такая позиция непоследовательна и не учитывает отсутствие правопреемства деловой репутации. Гораздо более продуктивной представляется мысль Н.Н. Парыгиной о «возможности связи деловых репутаций разных субъектов»³. Следовательно, заинтересованное лицо защищает все-таки свою деловую репутацию, которая зависит от репутации прекратившего свое существование субъекта права.

Следует также обратить внимание на отсутствие в действующем законодательстве правовой презумпции о существовании деловой репутации у юридического лица. Исходя из содержания ст. 150 ГК РФ, наличие деловой репутации в числе иных нематериальных благ презюмируется лишь у гражданина. Законодатель признает, что новорожденный младенец в момент появления на свет уже приобрел деловую репутацию, при этом никак не регламентирует тот же вопрос, когда речь идет о деловой репутации юридического лица, следовательно, наличие у организации положительной деловой репутации необходимо еще доказать в ходе рассмотрения репутационного спора.

Вместе с тем соответствие закону цели создания юридического лица, соблюдение процедуры его регистрации со всей очевидностью указывают на возникновение положительной деловой репутации с момента возникновения правоспособности. Тот же вывод следует сделать и в отношении момента

¹ См.: Парыгина Н.Н. О проблеме правопреемства в отношении деловой репутации и иных нематериальных благ. // Общество, политика, право. 2016. № 8. С. 91.

² См.: Там же. С. 92.

³ См.: Там же. С. 91.

возникновения деловой репутации индивидуальных предпринимателей, осуществляющих свою деятельность без образования юридического лица.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

Преодоление существующей междисциплинарной проблемы, состоящей в очевидном отсутствии корреляции положений ч. 2 ст. 17 ГК РФ, ч. 3 ст. 49 ГК РФ, ч. 1 ст. 150 ГК РФ, ч. 1 ст. 152 ГК РФ и п. 4 ст. 131 ГПК РФ видится в указании на то, что объектом защиты в диффамационном споре, возникшем после смерти (ликвидации) лица, должны быть права и законные интересы живущего гражданина (правоспособного юридического лица), реализация которых зависит от того, будут ли признаны не соответствующими действительности распространенные порочащие сведения об умершем гражданине (ликвидированном юридическом лице).

Право на иск о защите от диффамации в процессуальном смысле имеет лицо, считающее, что распространенные сведения умаляют его честь, достоинство и деловую репутацию, в то время как одним из обязательных условий реализации права на удовлетворение иска является установление, что в оспариваемом фрагменте речевой коммуникации, вне всякого сомнения, содержатся сведения именно об инициаторе обращения за судебной защитой (истце или заявителе).

В целях унификации и гармонизации действующего законодательства, реализации принципа равенства всех перед законом и судом, закрепленным в ст. 6 ГПК РФ, существует необходимость в установлении правовых презумпции:

– о возникновении положительной деловой репутации юридического лица или индивидуального предпринимателя с момента регистрации в ЕГРЮЛ, ЕГРИП;

– неделимости деловой репутации и прекращения деловой репутации юридического лица с момента его ликвидации, вне зависимости от формы ликвидации.

1.4. Надлежащий ответчик в споре о защите от диффамации

Прежде чем перейти к исследованию вопроса о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите от диффамации, необходимо выявить, совпадают ли понятия «ответчик» и «надлежащий ответчик».

Е.В. Васьковский писал: «ответчик – это лицо, привлекаемое судом к ответу, т.к. истец указал его как нарушителя своего права, по поводу которого идет спор»¹. Безусловно, в соответствии с действующим в гражданском процессе принципом диспозитивности право указать то или иное лицо в качестве ответчика принадлежит исключительно истцу, и это право не может быть ограничено.

Согласимся с мнением А.Г. Плешанова, что «диспозитивность рельефно отражает свободу субъективно заинтересованного лица самостоятельно определять формы и способы защиты нарушенного права или охраняемого законом интереса»². Реализация этого принципа предполагает свободу совершения или отказ от каких-либо процессуальных действий, в том числе право указать предполагаемого ответчика, заявить ходатайство о замене ненадлежащего ответчика. Правоприменительная практика по репутационным спорам демонстрирует отступление от этого принципа. По крайней мере в случаях, когда «истец предъявляет требование к одному из надлежащих ответчиков, которыми совместно были распространены не соответствующие действительности порочащие сведения», исходя из позиции ВС РФ, изложенной в п. 5 постановления Пленума ВС РФ от 19 декабря 2003 г. № 23, «суд вправе привлечь к участию в деле соответчика в случае невозможности рассмотрения дела без его участия (статья 40 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»³. Фактически в приведенном примере вопрос об указании

¹ См.: Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. С. 325.

² См.: Плешанов А.Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики. Под общ. ред. Яркова В.В. // М.: Норма, 2002. С. 94.

³ См.: Пункт 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2.

надлежащего ответчика и процессуальном соучастии при рассмотрении споров о защите от диффамации разрешается по инициативе суда.

Под процессуальным соучастием понимается предъявление исковых требований совместно несколькими истцами или к нескольким ответчикам. Условия, при наличии которых допускается процессуальное соучастие, названы в ч. 2 ст. 40 ГПК РФ. Следует принимать во внимание признаки соучастия как самостоятельного процессуального института, сформулированные Т.Е. Абовой¹.

Исследованием этого вопроса занимался С.Ф. Афанасьев, справедливо отметив, что действующее гражданское процессуальное законодательство содержит указание на то, что суд по своей инициативе может привлечь к участию в деле только соответчика (соответчиков), «привлечение соистцов по инициативе суда невозможно в силу действия принципа диспозитивности»².

Анализируя п. 1 ч. 2 ст. 40 ГПК РФ о возможности процессуального соучастия в случаях, когда предметом спора являются общие права и обязанности нескольких истцов (активном соучастии) и ответчиков (пассивном соучастии) применительно к диффамационным спорам, следует сделать вывод, что процессуальное соучастие истцов невозможно. Как следует из ст. 150 ГК РФ, честь, достоинство и деловая репутация являются нематериальными благами, принадлежащими гражданину. Эти нематериальные блага как объекты гражданских прав неотчуждаемы и непередаваемы каким-либо способом. Существование в русском языке таких фразеологизмов как, например, честь семьи, честь династии, несмотря на то, что значение этого устойчивого выражения предполагает принадлежность чести всем членам семьи или династии в равной мере, не может рассматриваться в качестве основания для процессуального соучастия истцов по диффамационным искам уже потому, что в соответствии с действующим гражданским законодательством (ст. 124 ГК РФ)

¹См.: Абова Т.Е. Избранные труды. Гражданский и арбитражный процесс. Гражданское и хозяйственное право // М.: Статут, 2007. С. 27-34.

²См.: Афанасьев С.Ф. О соучастии в гражданском процессе // Право. Законодательство. Личность. 2012. № 1. С. 142.

субъектами гражданских правоотношений являются лишь граждане и юридические лица. Вопросы процессуального соучастия решаются в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 40 ГПК РФ. В этой норме не названы случаи обязательного соучастия. Однако С.Ф. Афанасьев отметил, что «в судебной практике установилось правило, согласно которому обязательное соучастие должно иметь место во всех случаях, когда предметом требования нескольких истцов или к нескольким ответчикам является общее право или общая обязанность»¹.

Например, возможными процессуальными соучастниками на стороне ответчика в случае распространения сведений в СМИ могут быть физические или юридические лица, которые, по мнению истца, имеют отношение к распространению диффамационных сведений о нем: учредитель СМИ, журналист, информационное агентство, предоставившее СМИ оспариваемые сведения, физические лица, организации, учреждения, предприятия, органы общественных объединений, которые выступают источником таких сведений, и др.

Процессуальной особенностью гражданских дел о защите от диффамации является возможность привлечения соответчика к участию в деле по инициативе суда. Как представляется, такая позиция высшего судебного органа противоречит принципам диспозитивности и состязательности сторон. Ведь не содействует же суд ответчику в его желании уйти от гражданско-правовой ответственности.

Роль суда при разрешении вопроса о замене ненадлежащего ответчика исследовала Н.Н. Ткачева, и пришла к заключению, что «она не совсем понятна»². По справедливому замечанию ученого, «вместо того чтобы действовать в

¹ См.: Афанасьев С.Ф. О соучастии в гражданском процессе // Право. Законодательство. Личность. 2012. № 1. С. 143.

² См.: Ткачева Н.Н. Замена ненадлежащего ответчика в гражданском судопроизводстве // Материалы Международной научно-практической конференции «Гражданское судопроизводство в изменяющейся России» (г. Саратов, 14-15 сентября 2007 г.) / под ред. О.В. Исаенковой; Изд-во «Научная книга», 2007. С. 267.

соответствии с принципом состязательности и сохранять нейтральную позицию, судья, можно сказать, помогает истцу, подсказывает, что и как ему делать»¹.

В конечном итоге от того, насколько эффективно и правильно истец реализует свои процессуальные права, во многом зависит перспектива рассмотрения дела по существу. В соответствии с ч. 3 ст. 196 ГПК РФ суд принимает решение только по заявленным истцом требованиям, исключение допускается лишь в случаях, установленных федеральным законом, но нормативный акт, регулирующий вопросы диффамации, предусматривающий право суда выйти за пределы заявленных требований, отсутствует.

По справедливому замечанию С.В. Потапенко и В.А. Старушко, «принцип диспозитивности определяет содержание норм ГПК РФ, регулирующих состав лиц, участвующих в деле (процессуальное соучастие и замену ненадлежащего ответчика). Истец может предъявить иск и к ненадлежащему ответчику, т.е. лицу, которое не несет перед ним ответственности»².

В результате анализа приведенных мнений и положений процессуального закона удалось назвать три критерия, с помощью которых выявляются отличия процессуальных статусов «ответчика» и «надлежащего ответчика»:

1) *По субъекту номинирования.* «Ответчик» указывается истцом на основе предположения о том, что именно это лицо является нарушителем его прав или законных интересов. «Надлежащий ответчик» указывается судом в результате всестороннего, полного, объективного и непосредственного исследования имеющихся в деле доказательств.

2) *По вероятности привлечения к гражданско-правовой ответственности.* «Ответчик» – это лицо, которое, исходя из предположений

¹См.: Ткачева Н.Н. Замена ненадлежащего ответчика в гражданском судопроизводстве // Материалы Международной научно-практической конференции «Гражданское судопроизводство в изменяющейся России» (г. Саратов, 14-15 сентября 2007 г.) / под ред. О.В. Исаенковой; Изд-во «Научная книга», 2007. С. 267.

² См.: Потапенко С.В., Старушко В.А. Судебные источники принципа диспозитивности в гражданском процессуальном праве // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы гражданского судопроизводства» (г. Краснодар, 20 апреля 2017 г.) / под ред. С.В. Потапенко; Изд-во Кубанский гос. ун-т, 2017. С. 7.

истца, *может* быть привлечено к гражданско-правовой ответственности. «Надлежащий ответчик» *должен*, при соблюдении прочих необходимых условий, понести гражданско-правовую ответственность.

3) *По моменту указания.* «Ответчик» указывается истцом при подаче искового заявления в суд. «Надлежащий ответчик» в случае удовлетворения исковых требований указывается в судебном решении.

Названные отличия представляют интерес, поскольку одной из основных проблем гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации является вопрос установления надлежащего ответчика. Правовая позиция ВС РФ по данному вопросу сформулирована в п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 следующим образом: «Надлежащим ответчиком по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации являются авторы не соответствующих действительности порочащих сведений, а также лица, распространившие эти сведения». Лишь на первый взгляд такое разъяснение является всеобъемлющим, в то время как на практике его применение вызывает немало вопросов. Связаны они с тем, что установление авторства подчас невозможно, а в ряде случаев намеренно скрывается. Установление распространителя диффамационных сведений зачастую существенно затруднено, поскольку в процесс распространения сведений порой вовлечено множество физических и юридических лиц. Кроме того, в Постановлении не раскрываются особенности установления надлежащего ответчика при защите от диффамации в случае распространения порочащих сведений в сети Интернет.

Очевидно, что термин «распространитель» предполагает самое широкое толкование. Однако утверждение о том, что любой участник правоотношений, возникающих в связи с распространением диффамационных сведений, является надлежащим ответчиком, не отражает особенностей процесса производства и распространения массовой информации, а также распространения сведений от имени юридического лица.

Примером установления надлежащего ответчика по исковому требованию о защите от диффамации может служить решение Ленинского районного суда г. Костромы. Истцом Ч. были предъявлены иски о защите чести и достоинства к ответчику С., которая в ходе телефонного разговора со свидетелем назвала истца «коррупционером». Суд, рассмотрев дело по существу, пришел к выводу, что истец просит привлечь к гражданско-правовой ответственности надлежащего ответчика, поскольку С. являлась и автором, и распространителем не соответствующих действительности диффамационных сведений¹. В подобных случаях определение надлежащего ответчика, как правило, не вызывает затруднений. Иное дело, когда диффамационный спор возникает в связи с деятельностью СМИ. Представители журналистского сообщества считают, что «девять десятых всех газет и журналов хотя бы раз за последние несколько лет прошли через процедуру судебного разбирательства в связи с обвинением в нарушении чьего-либо права на доброе имя. В 70% случаев процессы кончаются для печатных СМИ публикацией опровержения и выплатой немалых сумм компенсации морального вреда»².

Состав лиц, участвующих в рассмотрении диффамационных споров с участием СМИ, определяется исходя из положений Закона РФ от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации»³ (далее – Закон о СМИ).

При этом следует иметь в виду, что производство и распространение массовой информации включает в себя: учреждение СМИ; осуществление производства и выпуска СМИ; производство продукции СМИ; распространение продукции СМИ. В связи с этим вопрос о составе лиц, участвующих в деле,

¹См.: Решение Ленинского районного суда г. Костромы от 26 февраля 2020 года по гражданскому делу № 2-217/2020. // URL:sudact.ru/regular/doc/cyAbrpmHNWNE/ (дата обращения: 05 декабря 2020 г.).

² См.: Прямой эфир закону неподвластен. Комментарии Центра «Право и СМИ» / под ред. П.В. Суркова. Центр «Право и СМИ», сер. Журналистика и право, вып. № 20. 1999. // URL: <http://www.medialaw.ru/publications/books/ch/n14.html> (дата обращения: 07 декабря 2020 г.).

³ См.: Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 13 февраля 1992 г. № 7, ст. 300.

разрешается в зависимости от того, «на каком этапе производства и распространения массовой информации возникли спорные правоотношения и какие лица согласно Закону, уставу редакции и (или) договорам, заключенным в соответствии со статьями 20 и 22 названного Закона, вправе осуществлять соответствующие виды деятельности»¹.

Прежде всего рассмотрим случаи, когда надлежащим ответчиком является *учредитель* средства массовой информации, статус которого определен в ст. 18 Закона о СМИ. Именно учредитель утверждает устав редакции и (или) заключает договор с редакцией средства массовой информации (главным редактором), но при этом учредитель не вправе вмешиваться в деятельность и редакционную политику СМИ. Однако это не исключает возможность предъявления исковых требований о защите от диффамации к учредителю СМИ, поскольку редакция обязана разместить по требованию учредителя сообщение или иной материал (ст. 18 Закона о СМИ). Если принадлежность указанного сообщения или материала учредителю не оговорена, то надлежащим ответчиком является редакция, в иных случаях – учредитель.

Уставом редакции, договором между учредителем и редакцией (главным редактором), учредительными документами средства массовой информации могут быть предусмотрены иные случаи, в которых именно учредитель является надлежащим ответчиком по иску о защите от диффамации, т.е. без ознакомления с этими документами определить надлежащего ответчика невозможно.

Вот, например, каким образом разрешены вопросы распределения ответственности между ЗАО «Коммерсантъ. Издательский Дом», выступающим учредителем средства массовой информации, ЗАО «Коммерсантъ» в Самаре» и издателем СМИ в соответствии с Договором на издание газеты «Коммерсантъ».² Пункт 1.2 Договора гласит: «Функции редакции Газеты, как они понимаются в

¹ См.: Пункт 8 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации № 16 от 15 июня 2010 года «О применении судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 2010 г., № 8.

² См.: Материалы гражданского дела № 2-1863/2009 г. Архив Заводского районного суда города Саратова.

Законе о СМИ, разделены между Учредителем и Издателем в соответствии с настоящим договором». В соответствии с п. 2.2 Договора издатель осуществляет функции редакции в отношении: тематических страниц, полос вкладки, полос переработки. Далее в пункте 2.3 Договора указывается, что в отношении иных полос, кроме указанных в п. 2.2 Договора, функции редакции выполняет учредитель. Таким образом, при установлении надлежащего ответчика в случае распространения диффамационных сведений в газете «Коммерсантъ» следует, например, принимать во внимание, на какой полосе газеты был размещен оспариваемый текстовый фрагмент.

Определяя процессуальное положение *редакции* СМИ в гражданском деле по диффамационному спору, заметим, что российскому законодательству (ст. 124 ГК РФ) не известен такой субъект гражданских правоотношений, как редакция. Не следует исходить и из общепринятых словарных значений слова «редакция», одно из которых подразумевает группу работников, редактирующих какое-нибудь издание, а также отдел издательства, готовящий рукописи к печати¹. Из содержания ст. 2 Закона о СМИ следует, что под редакцией средства массовой информации понимается организация, учреждение, предприятие либо гражданин, объединение граждан, осуществляющие производство и выпуск средства массовой информации. Следовательно, необходимо установить, является ли редакция юридическим лицом. Например, из редакционного договора, заключенного между ООО «Информер» и редакцией СМИ «Электронная газета «Саратовинформ», следует, что непосредственная деятельность по производству и выпуску СМИ осуществляется силами коллектива журналистов – штатных сотрудников редакции и технического персонала. На основании ст. 4 главы 1 Устава редакция информационного агентства не является юридическим лицом².

Иллюстрацией судебной ошибки, допущенной в результате неправильного определения состава лиц, участвующих в деле, служит решение Удомельского

¹ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. Под ред. Шведовой Н.Ю. М., 1990 г. С. 672.

²См.: Ответ руководителя Управления Роскомнадзора по Саратовской области от 04.03.2010 года № 05-03/642.

городского суда Тверской области, которым частично удовлетворены иски требования К. к М. – автору публикации, и редакции газеты «Х» о защите чести, достоинства и деловой репутации. Однако обязанность опубликования опровержения суд возложил на учредителя газеты П. Судебная коллегия по гражданским делам Тверского областного суда, рассматривая апелляционную жалобу, перешла к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции в связи с принятием судом первой инстанции решения о правах и обязанностях лица, не привлеченного к участию в деле. Из материалов дела следовало, что редакция газеты «Х» не является юридическим лицом, не может быть ответчиком по делу, в связи с этим к участию в деле в качестве ответчика, наряду с автором публикации, был привлечен учредитель П.¹.

Следует также отметить, что установление надлежащего ответчика (ответчиков) в ходе рассмотрения исковых требований о защите от диффамации зависит от того, сохранит ли редакция в тайне источник информации. Исключение из общего правила о конфиденциальности названо в ст. 41 Закона о СМИ, действующей в редакции Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 50-ФЗ², – поступление от суда требования в связи с находящимся в его производстве делом.

Соглашаясь сохранять в тайне источник информации, СМИ сознательно подвергает себя риску привлечения к ответственности. Несомненно, последующее признание оспариваемых сведений не соответствующими действительности означает, что перед публикацией не были приняты надлежащие меры к их

¹ См.: Доклад судьи Тверского областного суда Р.А. Сидорова «Обобщение практики рассмотрения дел, связанных с разрешением споров о компенсации морального вреда, причиненного распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина» // URL: http://oblsud.twr.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=80 (дата обращения: 07 декабря 2020 г.).

² См.: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 50-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части ограничения распространения информации о несовершеннолетних, пострадавших в результате противоправных действий (бездействия)» // Собрание законодательства Российской Федерации от 8 апреля 2013 г. № 14, ст. 1658.

проверке, неверно был избран источник сведений. Надлежащим и единственным ответчиком в таких случаях признается СМИ.

Но возможна и иная ситуация, когда источник информации известен, он заслуживает доверия и назван в публикации, а журналист верно отразил сообщенные ему источником сведения, но, несмотря на это, признан надлежащим ответчиком и был привлечен к гражданско-правовой ответственности наряду с юридическим лицом – СМИ, при этом источник информации к ответственности привлечен не был.

Такой юридический казус заслуживает более пристального рассмотрения, поскольку результаты рассмотрения этого гражданского дела¹, по мнению автора исследования, ставят под сомнение правильность устоявшейся правоприменительной практики по вопросу определения состава надлежащих ответчиков в подобных спорах. Журналист Н. газеты «К» обратилась к министру правительства Саратовской области Б. с просьбой прокомментировать ситуацию, сложившуюся в связи с размещением в ряде СМИ материалов антисемитской направленности. Устный комментарий министра журналист записала на диктофон, на основе этой записи подготовила публикацию в газете «К». Региональное отделение одной из партий обратилось в суд с исковыми требованиями о защите деловой репутации, считая, что комментарий министра порочит деловую репутацию истца, указав в качестве ответчиков журналиста Н., газету «К» и министра Правительства Саратовской области Б. Заводской районный суд г. Саратова, рассмотрев дело по существу, установил, что журналист Н. в своей публикации верно отразил содержание комментария министра Б., несмотря на это истец, заявил об отказе от своих исковых требований к министру Б., который был принят судом. Производство по делу в части исковых требований к министру Б. было прекращено. Требования истца в отношении СМИ – газеты «К» и журналиста Н. были судом удовлетворены.

¹См.: Решение Заводского районного суда города Саратова от 02 февраля 2010 года по гражданскому делу № 2-1863/2009. Архив Заводского районного суда города Саратова.

Ответчики не согласились с принятым судом решением, обжаловали его в установленном законом порядке, однако все вышестоящие судебные инстанции подтвердили законность принятого судом первой инстанции решения. В приведенном примере намеренно не анализируются иные процессуальные и материально-правовые аспекты рассмотрения дела и доводы сторон. С помощью такого приема наиболее рельефно выявляется дискуссионный вопрос, который в самом общем виде возможно сформулировать следующим образом: возможно ли привлечение к гражданско-правовой ответственности СМИ – распространителя сведений в случаях дословного воспроизведения сообщения источника, который указан в публикации, может быть установлен и привлечен к ответственности?

Ю.А. Свирин, исследуя вопросы ответственности в праве, обоснованно заключил, что «юридическая ответственность всегда наступает как мера государственного принуждения за ненадлежащее исполнение установленной законом обязанности»¹. Очевидным и единственно возможным представляется вывод о том, что СМИ надлежащим образом исполнило такие обязанности.

В соответствии с действующим законодательством прекращение производства по делу в отношении одного из ответчиков (в данном случае лица, явившегося источником информации) само по себе не влечет прекращения производства по делу. В рассмотренном нами примере суд принял отказ от иска в части требований к одному из ответчиков, полагая, что такой отказ ничьих прав и законных интересов не нарушает. Но так ли это? Фактически тем самым суд возложил ответственность источника информации на ее распространителя. Взыскание денежной компенсации причиненного морального вреда с журналиста, который добросовестно исполнил свой профессиональный долг, избрав для своей публикации достоверный источник информации, верно отразил содержание комментария министра, а значит не совершил неправомерных действий, соответствует требованиям ст. 1100 ГК РФ, которая предусматривает

¹См.: Свирин Ю.А. Конспирологический подход к ответственности в праве // Юридическая наука. 2013. №3. С. 34.

возможность компенсации морального вреда независимо от вины причинителя, в том числе в случаях, если вред причинен распространителем сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию. Вместе с тем из содержания ст. 57 Закона о СМИ следует, что существует перечень случаев освобождения журналиста, главного редактора, редакции СМИ от ответственности, который является исчерпывающим.

Похожий случай рассматривался на заседании Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ, по итогам которого было подготовлено заключение, в котором, в частности, указано следующее: «Редакция, главный редактор, журналист не освобождаются от ответственности в соответствии со ст. 57, если к сведениям, полученным из указанных источников, они добавляют новые сведения, относящиеся к событиям и процессам, информация о которых почерпнута из данных источников и впоследствии признана не соответствующей действительности и порочащей честь и достоинство граждан и организаций, либо ущемляющей права и законные интересы граждан, либо представляющей собой злоупотребление свободой массовой информации и (или) правами журналиста. Журналист отвечает за содержание своих личных суждений и оценок, если они нарушают требования ст. 4, 49, 51, 59 Закона РФ «О средствах массовой информации»¹. Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации ликвидирована², однако под воздействием приведенного заключения сформировалась судебная практика привлечения СМИ к гражданско-правовой

¹См.: Экспертное заключение № 2 от 8 июля 1994 г. «О порядке применения статьи 57 Закона Российской Федерации» // URL: <http://www.internet-law.ru/court/doc/ethics/ek.z.--2.1994.doc> (дата обращения: 08 декабря 2020 г.).

²См.: Указ Президента Российской Федерации от 31 января 1994 г. № 228 «Об утверждении Положения о Судебной палате по информационным спорам при Президенте Российской Федерации» утратил силу в соответствии с Указом Президента РФ от 1 сентября 2000 г. № 1606 «Об изменении и о признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации в связи с формированием Администрации Президента Российской Федерации». Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ// URL: <https://demo.garant.ru/#/document/182482/paragraph/9032/doclist/1640/showentries/0/highlight/> (дата обращения: 08 декабря 2020 г.).

ответственности даже при отсутствии искажений распространяемых сведений и журналистских оценок.

Приведенный пример обосновывает необходимость дополнения ст. 57 «Освобождение от ответственности» Закона о СМИ п. 7 следующего содержания: «если они являются дословным воспроизведением сообщения источника, который назван в публикации, может быть установлен и привлечен к ответственности».

Приходится признать, что сегодня, даже при наличии оснований для освобождения СМИ от ответственности, перечисленных в ст. 57 Закона о СМИ, исключение СМИ из состава надлежащих ответчиков фактически не происходит. Принято считать, что невозможность исключения СМИ из состава ответчиков связана со спецификой его деятельности, а также с тем, что одним из широко применяемых способов восстановления нарушенного права по диффамационным искам является возложение обязанности опубликовать опровержение, исполнить которую может только СМИ. Иное процессуальное положение, например, привлечение СМИ в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора на стороне ответчика, в соответствии с устоявшейся правоприменительной практикой якобы не позволяет обеспечить исполнимость судебного решения.

Следует согласиться с выводом Е.Г. Гребеньковой, что «с формально-юридической точки зрения обязанность опубликовать опровержение сведений, которые порочат честь, достоинство и деловую репутацию, не является мерой ответственности»¹. Заметим, что в силу ст. 35 Закона о СМИ «вступившее в законную силу решение суда, содержащее требование об опубликовании такого решения через данное средство массовой информации» имеет статус обязательного сообщения, публикация которого возложена на СМИ в силу прямого указания закона. Следовательно, единственным препятствием неисключения журналиста, редакции, главного редактора из состава надлежащих

¹ См.: Гребенькова Е.Г. Освобождение от ответственности по статье 57 Закона РФ «О средствах массовой информации»: проблемы применения // Адвокат. 2007. № 1. С. 71.

ответчиков, при наличии на то законных оснований, указанных в ст. 57 Закона о СМИ, является сложившаяся правоприменительная практика, которая сформировалась без учета требований ст. 35 Закона о СМИ.

Поскольку содержание ст. 57 Закона о СМИ влияет на состав ответчиков в диффамационном споре, кратко охарактеризуем случаи освобождения СМИ от гражданско-правовой ответственности по данному основанию.

а) Публикация обязательных сообщений. В этом случае надлежащим ответчиком будет являться тот орган, в том числе орган государственной власти, от которого такое сообщение исходило. При этом статус обязательного сообщения имеют только публикации, названные в ст. 35 Закона о СМИ.

б) Публикация сведений, полученных от информационных агентств. К сожалению, в Законе о СМИ отсутствует понятие «информационное агентство» (далее ИА). Законодатель ограничился лишь упоминанием (ст. 23 Закона о СМИ), что на ИА распространяется статус редакции, издателя, распространителя и правовой режим СМИ. Освобождение от гражданско-правовой ответственности последует лишь в случае дословного, без какого-либо искажения и добавления новых сведений, воспроизведения сообщения ИА. Причем в соответствии с правилом, установленным в ст. 23 Закона о СМИ, такая публикация должна быть снабжена обязательной ссылкой. Достаточно ли разместить соответствующий логотип ИА для того, чтобы считать это требование закона исполненным, или необходимы полноценные сведения, позволяющие осуществить поиск и идентификацию опубликованных сведений, в законе не установлено. Соблюдение указанных правил влечет ответственность ИА в статусе надлежащего ответчика.

в) Распространение сведений, содержащихся в ответе на запрос информации либо в материалах пресс-служб государственных органов, организаций, учреждений, предприятий, органов общественных объединений (п. 3 ст. 57 Закона о СМИ).

Всякий раз, когда речь идет об освобождении СМИ от ответственности по этому основанию, возникает вопрос о форме запроса. Рассуждая логически, вся

деятельность СМИ – это своего рода трансляция сообщений источников информации. Любой вопрос представителя СМИ есть не что иное, как запрос информации, который, как следует из содержания ст. 39 Закона о СМИ, может быть как в устной, так и в письменной форме. В п. 23 Постановления Пленума ВС РФ от 15 июня 2010 г. № 16 прямо указано, что «...сведения, содержащиеся в интервью должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, учреждений, предприятий, органов общественных объединений, официальных представителей их пресс-служб, представляют собой ответ на запрос информации». Таким образом, лица, названные в п. 3 ст. 57 Закона о СМИ, занимают процессуальное положение надлежащего ответчика.

г) Относительно п. 4 ст. 57 Закона о СМИ следует заметить, что содержание данной нормы явно устарело, т.к. отражает структуру системы органов государственной власти на момент принятия Закона о СМИ. Попытка актуализировать это положение закона предпринята в п. 12 Постановления Пленума ВС РФ № 3 от 24 февраля 2005 года, в котором разъясняется, что освобождение СМИ от ответственности имеет место в случаях «дословного воспроизведения фрагментов выступлений членов выборных органов государственной власти и местного самоуправления».

Кроме того, применение данного основания освобождения от ответственности затруднено в связи с тем, что в Законе о СМИ не раскрывается понятие «должностное лицо», подобно тому, как, например, указано в примечании к ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ). По мнению Е.Г. Гребеньковой, «возможно, что в законе о СМИ законодатель относит к должностным лицам избранных или назначенных руководителей не только государственных органов власти, но и организаций, общественных объединений, выполняющих организационно-распорядительные,

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01 июля 2021) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2021. № 27. Ч. 1.– ст. 5120.

административно-хозяйственные функции (президента, директора, председателя, секретаря и т.д.)»¹. В связи с вышеизложенным дискуссионным остается и вопрос о том, кого при таких обстоятельствах следует считать надлежащим ответчиком.

д) На состав ответчиков и установление надлежащего ответчика по требованию о защите от диффамации в авторских произведениях, идущих в эфир без предварительной записи, либо в текстах, не подлежащих редактированию, оказывает влияние содержание п. 5 ст. 57 Закона о СМИ.

Вновь мы сталкиваемся с понятийной проблемой. Вероятно, речь идет о любом произведении, охраняемом авторским правом. Следовательно, надлежащим ответчиком по диффамационному иску должен признаваться его автор. Когда речь идет о трансляции авторского произведения в прямом эфире, у редакции отсутствует возможность проверить достоверность сообщаемой информации, предотвратить всевозможные злоупотребления свободой массовой информации. Однако практика применения этого положения закона является неединообразной.

Вот, например, каким образом был определен состав ответчиков и распределена ответственность за распространение диффамационных сведений в авторской программе «Итоги» телекомпании НТВ, вышедшей в прямом эфире. На вопросы ведущего программы отвечал С.Д.В., который сообщил об угрозах фабрикации в отношении него уголовного дела, которые высказывал А.Р.А. В связи с этим А.Р.А. обратился в суд с иском к С.Д.В. о защите от диффамации. К участию в деле в качестве соответчика было привлечено ОАО «Телекомпания НТВ». Решением Московского городского суда распространенные в информационно-аналитической авторской программе К.Е.А. «Итоги», транслируемой «Телекомпанией НТВ», сведения были признаны не соответствующими действительности и порочащими честь и достоинство А.Р.А. Суд обязал «Телекомпанию НТВ» и ответчика С.Д.В. опровергнуть

¹См.: Гребенькова Е.Г. Освобождение от ответственности по статье 57 Закона РФ «О средствах массовой информации»: проблемы применения // Адвокат. 2007. № 1. С. 75.

распространенные сведения. Кроме того, с ответчика С.Д.В. в пользу А.Р.А. была взыскана денежная компенсация причиненного морального вреда.

При рассмотрении дела в кассационном порядке Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ, проверив законность и обоснованность решения суда в пределах доводов жалоб, пришла к выводу о том, что суд обоснованно обязал «Телекомпанию НТВ» сделать сообщение о решении суда. «Возложение этой обязанности на средство массовой информации возможно и в случае освобождения его от ответственности за распространение не соответствующих действительности и порочащих честь и достоинство гражданина сведений. Вместе с тем, суд необоснованно обязал С.Д.В. сделать в течение десяти дней с момента вступления решения в законную силу опровержение распространенных им сведений на канале «Телекомпания НТВ». Исполнение возложенной на С.Д.В. обязанности зависит в настоящем случае не только от него, но и от телекомпании НТВ»¹. В связи с этим Судебная коллегия пришла к выводу об изменении решения суда и исключении из него данного указания.

В рассматриваемом примере диффамационные сведения распространены в прямом эфире информационно-аналитической авторской программы К.Е.А. «Итоги». Вопрос о том, следует ли рассматривать эту программу как авторское произведение, с последующим возложением ответственности за распространение диффамационных сведений на ее автора – К.Е.А., ни в суде первой инстанции, ни в вышестоящих инстанциях не рассматривался. Фактически к гражданско-правовой ответственности привлечен интервьюируемый – источник диффамационных сведений. Автор программы к участию в деле привлечен не был. В то время как, обратившись к исчерпывающему перечню оснований освобождения от ответственности СМИ, содержащемуся в ст. 57 Закона о СМИ, мы не обнаруживаем оснований освобождения от ответственности автора произведения.

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 апреля 2000 г. № 5-Г00-46 // URL: <https://demo.garant.ru/#/document/5798623/paragraph/15/doclist/87/showentries/0/highlight>(дата обращения: 09 декабря 2020 г.).

е) Дословное воспроизведение сообщений и материалов или их фрагментов, распространенных другим СМИ.

В данном случае надлежащим ответчиком является СМИ – первоисточник оспариваемых сведений. Однако это основание освобождения от ответственности применимо только в тех случаях, когда СМИ зарегистрировано в РФ. Такой вывод следует из содержания ст. 6 Закона о СМИ.

Резюмируя вышесказанное, приходится констатировать, что несовершенство Закона о СМИ, отсутствие взаимной связи с положениями ГК РФ порождает неопределенность гражданских правоотношений, влечет существенные затруднения в разрешении процессуальных вопросов, в том числе установление надлежащего ответчика по делам о диффамации.

Далее следует остановиться на вопросе установления надлежащего ответчика при распространении диффамационных сведений в сети Интернет.

Появление и активное проникновение во все сферы жизни цифровых технологий предоставляет широкие возможности для сбора и передачи информации, общения на межличностном и массовом уровне. Организация объединенных наций (ООН) опубликовала доклад¹, в котором «право на доступ в Интернет признается неотъемлемым правом человека»².

В то же время следует признать, что сеть Интернет таит в себе угрозу распространения потенциально опасной информации, которая может причинить вред правообладателям. В связи с этим злободневным является вопрос установления надлежащего ответчика при распространении в сети Интернет диффамационных сведений.

Из содержания п. 7 Постановления Пленума ВС РФ № 3 от 24 февраля 2005 года следует, что в случае размещения диффамационных сведений в сети

¹См.: Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue // URL: https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf (дата обращения 10 декабря 2020 г.).

² См.: Благовещенский А.ООН признала право на доступ в Интернет неотъемлемым // Российская газета. 07.06.2011. // URL: <https://rg.ru/2011/06/07/oon-site-anons.html> (дата обращения: 10 декабря 2020 г.).

Интернет на информационном ресурсе, зарегистрированном в установленном законом порядке в качестве средства массовой информации, при рассмотрении исковых требований необходимо руководствоваться нормами, относящимися к СМИ.

Установление и привлечение к делу в качестве ответчика электронного СМИ не вызывает затруднений, поскольку вся необходимая информация о потенциальном ответчике, в соответствии с требованиями ст. 27 Закона РФ о СМИ, размещается в выходных данных интернет-издания. Но распространение информации через сайты Всемирной Сети осуществляется и без регистрации в качестве СМИ, что также соответствует требованиям действующего законодательства. Необходимость обязательной государственной регистрации СМИ, как следует из анализа ст. ст. 8, 10 и 11 Закона РФ о СМИ, возникает лишь в случае распространения продукции СМИ. Поскольку при распространении сведений в электронном виде продукция отсутствует, нет необходимости производить государственную регистрацию распространителя информации со всеми вытекающими последствиями. К примеру, у такого распространителя не возникает обязанность публиковать выходные данные издания, что существенно затрудняет установление ответчика в случае распространения диффамационных сведений. Зачастую владельцы интернет-сайтов предоставляют своим пользователям такую опцию, как самостоятельное наполнение интернет-ресурса всевозможным контентом. Это могут быть сообщения, комментарии, посты, различные объявления и т.п. В связи с этим следует разграничить ответственность авторов диффамационных сведений и поставщиков таких услуг, именуемых информационными посредниками.

В статье 1253.1 ГК РФ, а также в положениях Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о

защите информации»¹ упоминается термин «информационный посредник» относительно ответственности этих лиц за нарушение интеллектуальных прав в сети Интернет.

В соответствии с положениями п. 6 Постановления Пленума ВС РФ от 15 июня 2010 г. № 16 лица, не зарегистрированные в качестве СМИ и допустившие нарушения законодательства при распространении массовой информации в сети Интернет, несут уголовную, административную, гражданско-правовую и иную ответственность без учета особенностей, предусмотренных законодательством о СМИ. Но и это разъяснение не внесло в исследуемый вопрос необходимую ясность.

В этой связи вызывают интерес положения международно-правовых актов. Прежде всего речь идет о Рекомендациях Комитета Министров Совета Европы государствам-членам от 21 сентября 2011 г. о новом понятии СМИ, в соответствии с которыми государствам-участникам Совета Европы необходимо предусмотреть в национальном праве новое широкое понятие СМИ, включающее в себя различные медийные онлайн-ресурсы, «необходимо предложить такие рамки политики, которые гарантировали бы должный уровень защиты и обеспечивали бы ясное изложение их обязанностей и ответственности в соответствии со стандартами Совета Европы. Реагирование на ситуацию должно быть градуированным и дифференцированным, с учетом той роли, которую играют службы СМИ в производстве контента и в процессах распространения»². Критерием данной дифференциации предложено считать уровень редакционного контроля над распространяемым пользователями контентом.

¹См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» //Собрание законодательства РФ от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I), ст. 3448.

² См.: Рекомендация CM/Rec (2011)7 Комитета Министров государствам-членам о новом понятии СМИ (принята Комитетом Министров 21 сентября 2011 года на 1121-ом заседании постоянных представителей министров) // URL:http://cyberpeace.org.ua/files/ii_e_14.pdf (дата обращения: 11 декабря 2020 г.).

В связи с этим в Декларации Комитета Министров Совета Европы «О свободе обмена информацией в Интернете» от 28 мая 2003 г. предлагается предусматривать ответственность провайдеров, деятельность которых сводится к обеспечению доступа к сети Интернет, «если они не предпринимают действий по оперативному удалению или блокированию доступа к определенным информационным ресурсам и услугам, как только они узнают о том, что они носят незаконный характер в соответствии с национальным законодательством...»¹.

Аналогичная правовая позиция отражена в Совместной декларации «О свободе выражения мнения, а также «фейковых» новостях, дезинформации и пропаганде» от 3 марта 2017 года, принятой представителями ООН, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Организации американских государств (ОАГ)². В этом международно-правовом документе говорится, что ответственность посредников может быть допустима лишь в редких случаях их вмешательства в распространяемый третьими лицами контент или отказа от добровольного удаления незаконной информации по требованию компетентного государственного органа.

Отметим, что 16 марта 2022 года членство Российской Федерации в Совете Европы было прекращено, при этом никакого переходного периода установлено не было³. С этого времени Рекомендации Комитета Министров Совета Европы в

¹ См.: Декларация Комитета Министров Совета Европы «О свободе обмена информацией в Интернете» от 28 мая 2003 г. // URL:<http://docs.pravo.ru/document/view/17327961/> (дата обращения: 11 декабря 2020).

² См.: Совместная декларация Специального докладчика ООН по вопросу о праве на свободу убеждений и их свободное выражение, Представителя ОБСЕ по вопросам свободы средств массовой информации, Специального докладчика ОАГ по вопросу свободы выражения мнения и Специального докладчика по вопросу о свободе выражения мнения и доступе к информации в Африке «О свободе выражения мнения, а также «фейковых» новостях, дезинформации и пропаганде» от 3 марта 2017 г. // URL:<https://www.osce.org/files/f/documents/f/2/302806.pdf> (дата обращения: 11 декабря 2020 г.).

³ См.: Resolution CM/Res (2022)2 on the cessation of the membership of the Russian Federation to the Council of Europe (Adopted by the Committee of Ministers on 16 March 2022 at the 1428th meeting of the Ministers' Deputies) // URL:https://search.coe.int/cm/pages/result_details.aspx?objectid=0900001680a5da51 (дата обращения: 20 марта 2022 г.).

Российской Федерации могут не приниматься во внимание. Несмотря на это, следует обратить внимание на один из примеров релевантной практики Европейского Суда по правам человека, который напрямую касается вопроса о пределах ответственности информационных посредников за диффамационные высказывания интернет-пользователей. Речь пойдет о Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 16 июня 2015 г., которое принято в результате рассмотрения жалобы компании «Делфи АС» по делу «Компания «Delfi AS» против Эстонии»¹.

Фабула дела такова. На новостном интернет-сайте компании «Delfi AS» была размещена некая публикация о деятельности компании SLK, единственным акционером которой являлся L. Следует акцентировать внимание на том, что к тексту этой публикации никаких претензий правового характера, в том числе направленных на защиту от диффамации, не предъявлялось. Диффамационные высказывания в адрес единственного акционера компании L. имели место в анонимном комментарии посетителя портала. Национальные суды государства-ответчика удовлетворили искивые требования L. о защите от диффамации, предъявленные к компании «Delfi AS». Компания-ответчик обратилась в ЕСПЧ, считая, что национальные суды Эстонии нарушили право на свободу слова, предусмотренное статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.²

В результате рассмотрения жалобы была сформирована позиция ЕСПЧ, в соответствии с которой за новостным интернет-порталом «Delfi AS» был признан статус СМИ нового типа, а не пассивного интернет-посредника. Одновременно с этим ЕСПЧ отметил, что следует учитывать отсутствие полноценного

¹См.: Постановление ЕСПЧ от 16 июня 2015 г. «Дело «Компания «Делфи АС» (Delfi AS) против Эстонии» (жалоба № 64569/09) (Большая Палата Европейского Суда). Доступ из СПС «Гарант» // URL: <https://internet.garant.ru/#/document/71248950/paragraph/19/doclist/16730/showentries/0/highlight> (дата обращения: 10 декабря 2020 г.).

²См.: Конвенция ЕТС № 005 о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2, ст. 163.

редактирования материалов, публикуемых пользователями в комментариях. В связи с этим нецелесообразно при решении вопроса об ответственности исходить из тех принципов, которые сформулированы в отношении традиционных средств массовой информации, в соответствии с которыми ответственность за диффамационную публикацию несут и автор, и публикатор.

В тех случаях, когда владельцы онлайн-ресурсов, осуществляющие модерацию¹ контента, не примут мер к своевременному удалению публикаций анонимных пользователей, нарушающих закон, в том числе направленных на умаление чести, достоинства и деловой репутации иных лиц, они могут быть привлечены к гражданско-правовой ответственности.

Точно сформулировал правила ответственности интернет-посредников Д.В. Прохоренко, который, предприняв анализ международного законодательства по исследуемому вопросу, заключил, что «действующее законодательство (ФЗ об информации и ГК РФ) догматически позволяет привлечь посредников к ответственности за диффамацию при наличии непосредственно их вины в ненадлежащем администрировании принадлежащего им интернет-ресурса»².

В настоящее время сформирована позиция российских судов по вопросу привлечения к участию в деле и, как следствие, к имущественной ответственности за распространение диффамационных сведений информационных посредников. Правовая неопределенность в данном вопросе была устранена в результате издания Постановления Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 ст. 152 ГК РФ в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова³. Из

¹ См.: Модерация – контроль выполнения требований, установленных владельцем сайта. Модератор следит за соответствием дискуссии заданной теме по установленным правилам. Модерацией также называют проверку выполнения правил веб-сервисов, записанных в пользовательском соглашении. // Словарь бизнес-терминов. Академик. ру. 2001. // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/17626> (дата обращения: 10 декабря 2020 г.).

² См.: Прохоренко Д.В. Ответственность информационных посредников за диффамацию в сети «Интернет» // Журнал Суда по интеллектуальным правам, № 27, март 2020 г. С. 88.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса

содержания вышеуказанного постановления следует, что лица, которые считают, что их права на честь, достоинство и деловую репутацию нарушены информационными посредниками, не зарегистрированными как СМИ, имеют право заявить иски о требованиях об удалении порочащих сведений, однако такое право возникает при одномоментном наличии двух условий. Первое – наличие вступившего в законную силу решения суда о признании таких сведений не соответствующими действительности. Второе – отказ информационного посредника добровольно исполнить требования заявителя об удалении этих сведений.

В результате возник своего рода алгоритм, с помощью которого возможно привлечение интернет-посредника к гражданско-правовой ответственности и обретение им процессуального статуса надлежащего ответчика. В самом общем виде необходимые условия (этапы) предъявления исковых требований к информационному посреднику можно сформулировать следующим образом:

1) Заявителю необходимо обратиться в суд с заявлением о признании распространенных тем или иным сетевым изданием сведений не соответствующими действительности в порядке, установленном п. 8 ст. 152 ГК РФ.

2) В случае признания заявленных требований обоснованными, суд провозглашает решение о признании распространенных сведений не соответствующими действительности.

3) Решение суда о признании распространенных сведений не соответствующими действительности вступает в законную силу.

4) Заявитель обращается к интернет-посреднику с письменным требованием об удалении таких сведений, в котором ссылается на вступившее в законную силу решение суда о признании распространенных сведений не соответствующими действительности.

5) Интернет-посредник отказывается добровольно удалить диффамационные сведения, признанные судом не соответствующими действительности либо игнорирует законные требования заявителя, основанные на вступившем в законную силу решении суда.

б) Истец обращается в суд с исковыми требованиями к информационному посреднику (владельцу сайта) о принудительном удалении сведений, которые ранее были признаны судом не соответствующими действительности, возмещении убытков, наступивших в результате неисполнения судебного решения.

Все вышеперечисленное имеет отношение к условиям возникновения процессуального статуса ответчика только в тех случаях, когда информационный посредник не имеет непосредственного отношения к распространению диффамационных сведений. Если же будет установлено, что владелец интернет-ресурса самостоятельно распространял такие сведения, то именно он будет являться надлежащим ответчиком по делу и нести всю полноту ответственности на общих основаниях в соответствии с требованиями ст. 152 ГК РФ.

ВС РФ ориентирует суды, что к вопросу ответственности интернет-посредников за распространение диффамационного контента следует относиться дифференцированно, в зависимости от того, зарегистрированы ли они в качестве СМИ в установленном законом порядке, обращая при этом внимание на ключевой признак надлежащего ответчика по требованию об удалении информации из сети Интернет – наличие технической возможности, без ущерба для своих прав и законных интересов, удалять сведения, признанные судом не соответствующими действительности. В п. 16 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденном Президиумом ВС РФ 16.03.2016 года, раскрывается специфика привлечения к ответственности владельца сайта и управомоченных им лиц, которая состоит в том, что если порочащие сведения, размещенные на сайте в сети Интернет, признаны судом не соответствующими действительности, «владелец сайта или иное управомоченное

им лицо, которое размещает информацию на этом сайте, обязаны удалить такие сведения по заявлению потерпевшего»¹. Иными словами, указанные лица могут являться надлежащими ответчиками лишь по требованиям об удалении информации из сети Интернет, которое, в соответствии с п. 5 ст. 152 ГК РФ, рассматривается в качестве самостоятельного способа защиты от диффамации наряду с опровержением. Анализ этого пункта Обзора порождает немало разночтений. Уточнений требует вопрос о том, кого следует считать владельцем сайта и управомоченным им лицом. Если исходить из существующего определения понятия «владелец сайта в сети Интернет», то им является лицо «самостоятельно и по своему усмотрению определяющее порядок использования сайта, в том числе порядок размещения информации на нем»². Но тогда разрешения требует вопрос о том, кто будет являться надлежащим ответчиком в случае, когда владельцем сайта и администратором доменного имени являются разные лица. Ведь действующее законодательство не запрещает, например, администратору доменного имени на основании гражданско-правового договора предоставить другому лицу право разместить под принадлежащим ему доменом свой сайт и наполнять его контентом.

Анализируя этот вопрос Е.Г. Гаврилов пришел к выводу, что «на уровне высшей российской судебной инстанции предусмотрена специфика определения надлежащих ответчиков при распространении порочащей информации в сети Интернет только в отношении требования об удалении информации из сети Интернет, которое рассматривается в качестве самостоятельного способа защиты, наряду с опровержением (п. 5 ст. 152 ГК РФ) надлежащими ответчиками являются владелец сайта или иное управомоченное им лицо, которое размещает информацию на сайте. Наличие союза «или» в вышеназванном разъяснении

¹ См.: Пункт 16 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г.) // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/542600885> (дата обращения: 20 декабря 2020 г.).

² См.: Пункт 17, статьи 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I), ст. 3448.

означает, что надлежащим ответчиком должен быть только один из них: либо владелец сайта, либо иное лицо. Во втором случае ответственное лицо должно быть уполномочено владельцем сайта на размещение информации на сайте в сети Интернет»¹.

Такая точка зрения представляется вполне обоснованной, однако в ней имеется одна неточность. Дело в том, что в нормативных словарных источниках русского языка сообщается, что союз «или» употребляется как при противопоставлении – в значении «иначе», «в противном случае», так и при присоединении². Следовательно, не все так однозначно.

Продолжая исследования, Е.Г. Гаврилов предложил «исходить из правовой презумпции, согласно которой лицом, создавшим реальные технические возможности для размещения порочащей информации, является владелец сайта, информация о котором указана на самом сайте с порочащей информацией, а при отсутствии такого указания – администратор доменного имени»³.

Его однофамилец Е.В. Гаврилов при исследовании того же вопроса пришел к выводу, что надлежащим ответчиком преимущественно признается администратор доменного имени⁴.

Подводя итог исследованию в этой части, отметим, что, принимая во внимание вариативность установления надлежащего ответчика, в каждом

¹ См. Гаврилов Е.Г. О надлежащих ответчиках при гражданско-правовой защите чести, достоинства и деловой репутации от не соответствующей действительности порочащей информации, распространенной в сети Интернет // Право в информационном обществе: Трансформация или модернизация? / Материалы V Международного сравнительно-правового конгресса (г. Красноярск, 20-22 сентября 2018 г.): Изд-во Сибирского федерального университета, 2019. С.114-115.

² См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. 23-е издание, исправленное. Под ред. Шведовой Н.Ю. М.: «Русский язык», 1990. С. 247.

³ См. Гаврилов Е.Г. О надлежащих ответчиках при гражданско-правовой защите чести, достоинства и деловой репутации от не соответствующей действительности порочащей информации, распространенной в сети Интернет // Право в информационном обществе: Трансформация или модернизация? / Материалы V Международного сравнительно-правового конгресса (г. Красноярск, 20-22 сентября 2018 г.): Изд-во Сибирского федерального университета, 2019. С. 118.

⁴ См.: Гаврилов Е.В. О некоторых особенностях судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации посредством удаления порочащей информации из сети Интернет // Судья. 2018. № 10. С. 11 – 14.

конкретном случае необходимо принять меры к установлению лица, имеющего реальную техническую возможность удалить диффамационные сведения с сайта в сети Интернет. Как правило, это лицо, обладающее правом административного доступа на сайт с помощью известного ему пароля и логина. Надлежащими ответчиками при распространении диффамации в сети Интернет должны быть автор порочащих сведений и лицо, предоставившее автору техническую возможность распространения этих сведений на сайте в сети Интернет. Представляется, что такой состав ответчиков должен быть неизменным, независимо от того, какие именно требования заявит истец (опровержение, возмещение убытков, удаление информации и др.).

Итак, правовое положение ответчика в диффамационном споре характеризуется следующими чертами:

1) Возникновение статуса надлежащего ответчика в репутационном споре зависит от установления автора и распространителя диффамационных сведений; содержания учредительных документов СМИ; сохранения СМИ в тайне источника информации; осуществления владельцем сайта в сети Интернет редакционного контроля (модерации) контента, распространяемого пользователями сайта; наличия у владельца сайта в сети Интернет технической возможности удаления или блокирования информации; добровольности удовлетворения владельцем интернет-ресурса (информационным посредником) требований заявителя об удалении сведений.

2) Процессуальной особенностью рассмотрения споров о защите от диффамации является возможность привлечения к участию в деле ответчика по инициативе суда в случаях, когда истец предъявляет требование к одному из надлежащих ответчиков, которыми совместно были распространены не соответствующие действительности порочащие сведения. В таких случаях суд руководствуется ст. 40 ГПК РФ.

Сложившаяся по данному вопросу правоприменительная практика противоречит принципу диспозитивности, который предполагает свободу

распоряжения лицами, участвующими в деле, процессуальными правами, в том числе правом на предъявления требований к определенному ответчику, и не соответствует принципам состязательности и равноправия сторон, поскольку оказание судом содействия истцу ставит ответчика в заведомо неравное положение. Исходя из того, что в ст. 40 ГПК РФ не названы случаи обязательного соучастия ответчиков, а в соответствии с ч. 3 ст. 196 ГПК РФ суд принимает решение только по заявленным истцом требованиям, применить в данном случае исключение из общего правила, предусматривающее право суда выйти за пределы заявленных требований, невозможно ввиду отсутствия федерального закона, регулирующего вопросы защиты от диффамации.

В целях ликвидации выявленных пробелов и противоречий действующего законодательства относительно статуса ответчика в споре о защите от диффамации предлагается:

– изложить ст. 1100 ГК РФ «Основания компенсации морального вреда» в новой редакции следующего содержания:

«Компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда:

вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности;

вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ;

вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, *за исключением случаев освобождения от ответственности, предусмотренных федеральным законом;*

в иных случаях, предусмотренных законом».

Принимая во внимание особую важность и необходимость деятельности СМИ для развития общества, в целях предотвращения необоснованного привлечения СМИ к гражданско-правовой ответственности в случаях добросовестного исполнения обязанностей по сбору, проверке, обработке и передаче сведений, сделан вывод о необходимости разграничения ответственности СМИ и источника информации. В связи с этим предлагается дополнить ст. 57 Закона о СМИ п. 7 следующего содержания:

«7) если они являются дословным воспроизведением сообщения источника, который назван в публикации, может быть установлен и привлечен к ответственности».

1.5. Участие третьих лиц в диффамационном споре

В учебной литературе третьи лица определяются как участники судопроизводства, «которые вступают в уже начавшийся и, следовательно, чужой для них процесс с целью защиты своих субъективных прав и законных интересов, не совпадающих с правами и интересами сторон»¹. Следует согласиться с Н.Н. Фирсовой, что градация третьих лиц на заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора (ст. 42 ГПК РФ) и не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора (ст. 43 ГПК РФ) происходит в зависимости от степени заинтересованности в исходе рассматриваемого дела².

Обязанность выявления и привлечения к участию в деле всех лиц, права и обязанности которых потенциально могут быть затронуты судебным решением, наделение их статусом третьего лица законодатель возложил исключительно на суд. На очевидную взаимосвязь верного определения состава третьих лиц и эффективного установления фактических обстоятельств дела, основываясь на

¹См.: Осокина Г.И. Курс гражданского судопроизводства России. Общая часть: учебное пособие. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. С. 170.

² См.: Фирсова Н.Н. Понятие третьих лиц в гражданском процессе // Законность и правопорядок в современном обществе. 2011. № 6. С. 28.

положениях ч. 2 ст. 12 ГПК РФ, указал Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 20 февраля 2006 года¹.

Для лиц, участвующих в деле, привлечение третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора – это лишь право, которое они реализуют по своему усмотрению. Так, например, ст. 131 ГПК РФ не предписывает инициатору обращения за судебной защитой указать в исковом заявлении возможных третьих лиц. В связи с неуказанием третьих лиц исковое заявление не может быть оставлено без движения, возвращено, не может последовать и отказ в принятии искового заявления.

Следует согласиться с К.С. Рыжковым, что «в большинстве случаев не представляется возможным установить исчерпывающий перечень лиц, которых необходимо привлечь в качестве третьих лиц без самостоятельных требований, так как их права и обязанности может затронуть судебное решение»².

С.З. Женетль предлагает следующие критерии классификации третьих лиц. Анализируя основания вступления в гражданский процесс третьих лиц, она заключила, что материальная заинтересованность третьих лиц «распадается на две составляющие: 1) заинтересованность в настоящее время, в период наличия спора между сторонами; 2) заинтересованность с отложенными последствиями»³. Такое деление имеет право на существование, с той лишь оговоркой, что предвидение «отложенных последствий» вряд ли возможно.

Представляется в одинаковой степени верным заключить, что в зависимости от сложившейся ситуации лицу, имеющему такую заинтересованность, может

¹См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2006 г. № 1-П по делу о проверке конституционности положения статьи 336 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан К.А. Инешина, Н.С. Никонова и открытого акционерного общества «Нижекамскнефтехим» // Российская газета. 2006. 3 марта.

² См.: Рыжков К.С. Реализация принципа процессуальной экономии при вступлении в процесс третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 27. Право. Вып. 38. С. 58.

³См.: Женетль С.З. Институт третьих лиц в гражданском и арбитражном процессе: проблемы и пути совершенствования // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 2. С. 231.

быть выгодно или не выгодно участвовать в деле. Выбор соответствующей линии процессуального поведения связан с тем, существуют ли основания опасаться установления на основании решения суда преюдициального факта, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 61 ГПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда, не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица. Если такие опасения наличествуют, то процессуальный интерес лица будет заключаться, скорее всего, в неучастии в деле. Хотя в доктрине гражданского процесса не принято выделять заинтересованность суда в привлечении к участию в процессе самого широкого круга третьих лиц, она, как представляется, существует уже потому, что суд заинтересован в стабильности и неизменности принятого им решения.

Той же точки зрения придерживается Н.С. Бочарова, заключив, что «при решении вопроса о привлечении третьих лиц в процесс суд также имеет свои собственные мотивы, которые могут совпадать или отличаться от интересов лиц, участвующих в деле»¹. В соответствии с действующим гражданским процессуальным законодательством безусловным основанием для отмены судебного акта судом апелляционной инстанции является принятие судом решения о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле (п. 4 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ).

Правоотношения, связанные с распространением диффамационных сведений, могут быть полисубъектными, поэтому возникает необходимость привлечения к участию в репутационном споре третьих лиц.

В соответствии с п. 7 Постановления Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 года № 3, под распространением диффамационных сведений «следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляции по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой

¹ См.: Бочарова Н.С. Институты *interventio accessoria* и *quasi interventio* в современном процессуальном праве // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2013. № 4. С. 49.

информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу».

Как следует из содержания п. 8 Постановления Пленума ВС РФ от 15 июля 2010 г. № 16, производство и распространение массовой информации включает в себя учреждение в установленном законом порядке средства массовой информации, осуществление редакцией или журналистом сбора информации в целях осуществления производства и выпуска средства массовой информации, производство продукции средства массовой информации и распространение данной продукции среди неограниченного круга лиц. Практически во всех рассматриваемых случаях мы имеем дело с множественностью участников процесса распространения сведений, каждый из которых может являться потенциальным ответчиком в споре о защите чести, достоинства и деловой репутации. Рассмотрим возможные вариации участия третьих лиц в репутационных спорах.

Вариант А. Ответчик – автор диффамационных сведений, третье лицо – средство массовой информации, разместившее на принадлежащем ему интернет-сайте данные сведения анонимного автора без предварительной модерации.

Октябрьский районный суд г. Новороссийска рассмотрел гражданское дело по иску В. к М. о защите чести, достоинства и деловой репутации, компенсации морального вреда. Истец оспаривал сведения из анонимного отзыва, размещенного на сайте «ПроДокторов.ru», в котором сообщалось, что истец требовал от пациентов денежные средства за выполнение своих должностных обязанностей. В ходе проверки заявления о возбуждении уголовного дела был установлен автор отзыва М. и владелец сайта – ООО «МедРейтинг», являющееся СМИ. Принимая решение, суд возложил гражданско-правовую ответственность

только на ответчика М., т.к. истец В. исковых требований к СМИ не предъявил¹. Это судебное решение иллюстрирует применение принципа диспозитивности, закрепленного в статьях 3 и 4 ГПК РФ, в соответствии с которым инициатору обращения за судебной защитой предоставлено право по своему усмотрению определить предмет иска, его основание и указать ответчика. В рассматриваемой ситуации истец обратился с иском к одному из надлежащих ответчиков. В связи с этим в соответствии с разъяснениями, содержащимися в Постановлении Пленума ВС РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении»², суд принял решение исключительно по заявленным требованиям.

Следующий пример затрагивает не только процессуальный состав лиц, участвующих в деле, но и возможные перспективы удовлетворения иска о защите от диффамации в части публикации опровержения. Эти вопросы являются взаимосвязанными, поскольку в случае удовлетворения исковых требований о защите от диффамации требования о понуждении к опубликованию опровержения могут быть удовлетворены лишь в том случае, если СМИ, от которого зависит сама возможность такой публикации, будет указано истцом в составе ответчиков. Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ обращала внимание на наличие такой взаимосвязи при рассмотрении конкретного диффамационного спора, указав, что исполнение обязанности по опубликованию опровержения может быть возложено только на средство массовой информации³.

Эту правовую позицию следует учитывать при определении состава лиц, участвующих в деле, в случае распространения диффамационных сведений во время интервью. Например, истец, считая, что СМИ – это лишь транслятор сведений, предъявил исковые требования только к интервьюируемому, полагая,

¹ См.: Решение Октябрьского районного суда г. Новороссийска от 27 мая 2020 г. по гражданскому делу № 2-40/2020. // URL: sudact.ru/regular/doc/XpWBdVcNikgV/ (дата обращения: 28 декабря 2020 г.).

² См.: Пункт 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Российская газета. 2003. 26 декабря.

³ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 28 апреля 2000 г. № 5-Г00-46 // URL: <https://demo.garant.ru/#/document/5798623/paragraph/15/doclist/87/showentries/0/highlight> (дата обращения: 03 января 2021 г.).

что именно он является единственным надлежащим ответчиком. По инициативе суда к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, привлечено СМИ, однако истец не заявил к нему исковых требований. Эта процессуальная ситуация повлечет за собой отказ в удовлетворении требований в части понуждения к опубликованию опровержения даже в случае доказанности исковых требований о защите от диффамации.

Вариант Б. Ответчик – юридическое лицо, третье лицо – работник юридического лица, распространивший диффамационные сведения от имени юридического лица. Такая конфигурация состава лиц, участвующих в деле, отражена в решении Ленинского районного суда г. Барнаула по гражданскому делу по иску Ш. к ООО «Нортек» о признании распространенных сведений не соответствующими действительности, защите чести и достоинства, компенсации морального вреда. Истец оспаривал сведения из электронной рассылки от имени общества, которые распространил директор по продажам. Суд в результате рассмотрения дела возложил гражданско-правовую ответственность за распространение диффамационных сведений об истце на юридическое лицо – ООО «Нортек». Директор по продажам был привлечен к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора на стороне ответчика¹. Принятое судом решение соответствует правовой позиции ВС РФ относительно состава лиц, участвующих в деле, сформулированной п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 года № 3 следующим образом: «В случае, когда сведения были распространены работником в связи с осуществлением профессиональной деятельности от имени организации, в которой он работает (например, в служебной характеристике), надлежащим ответчиком в соответствии со ст. 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации является юридическое лицо,

¹ См.: Решение Ленинского районного суда города Барнаула от 27 февраля 2020 г. по гражданскому делу № 2-373/2020. // URL:<http://sudact.ru/regular/doc/rDeaCu3mSwZX/> (дата обращения: 05 декабря 2020 г.).

работником которого распространены такие сведения. Учитывая, что рассмотрение такого иска может повлиять на права и обязанности работника, он может вступить в дело в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора на стороне ответчика, либо может быть привлечен к участию в деле по инициативе суда или по ходатайству лиц, участвующих в деле (статья 43 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации)». Но так ли безупречна и логична такая правовая позиция высшего судебного органа страны? Совершенно очевидно, что действия от имени юридического лица осуществляют его работники, в трудовую функцию которых явно не входит распространение порочащих сведений. Что же касается положений ст. 1068 ГК РФ, то следует обратить внимание на содержание п. 1 этой нормы о том, что применительно к правилам, предусмотренным гл. 59 ГК РФ «Обязательства вследствие причинения вреда», «работниками признаются граждане, выполняющие работу на основании трудового договора, а также граждане, выполняющие работу по гражданско-правовому договору, если при этом они действовали или должны были действовать по заданию соответствующего юридического лица или гражданина и под его контролем за безопасным ведением работ»¹. В вышеприведенном примере действия директора по продажам по распространению диффамационных сведений, явно находятся за пределами его трудовой функции и задания юридического лица, что необходимо учесть при определении его процессуального статуса.

Вариант В. Истец, обратившись за судебной защитой чести, достоинства и деловой репутации, имея неправильное представление о нарушителе своего права, заявил требования к ненадлежащему ответчику. В таких случаях лицо, которое должно нести гражданско-правовую ответственность перед истцом (надлежащий ответчик), привлекается к участию в деле по инициативе суда или по ходатайству ответчика, указанного истцом, в качестве третьего лица, не заявляющего

¹ См.: ст. 1068 Гражданского кодекса РФ (в ред. от 26 января 1996 г. № 15-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 5, ст. 411.

самостоятельные требования на предмет спора на стороне ответчика. Суд разъясняет истцу право произвести замену ответчика. Если такая замена производится, то после установления всех обстоятельств дела выносится решение об удовлетворении исковых требований. В том случае, если истец отказался заменить ответчика, дальнейшее рассмотрение дела производится в пределах заявленных требований с вынесением решения об отказе в удовлетворении исковых требований. Заметим, что такой отказ не лишает истца права на обращение в суд с иском к надлежащему ответчику.

Примером такого алгоритма действий суда и лиц, участвующих в деле, является решение Советского районного суда г. Челябинска, об отказе в удовлетворении исковых требований Б. к ООО «Лента» о защите чести и достоинства, компенсации морального вреда¹.

Подобная процессуальная ситуация складывается в случае, если исковые требования о защите от диффамации заявлены к СМИ, которое распространило оспариваемые сведения об истце при наличии оснований для освобождения от гражданско-правовой ответственности в соответствии со ст. 57 Закона РФ о СМИ. Например, при распространении сведений, полученных от информационных агентств, дословном воспроизведении сообщений, материалов других СМИ, «при котором не изменяется смысл высказываний, сообщений, материалов, их фрагментов и слова автора передаются без искажения»².

Суд, принимая во внимание время размещения оспариваемых сведений в сети Интернет или дату выхода в свет, указанную в выходных данных периодического печатного издания (ст. 27 Закона РФ о СМИ), устанавливает, какое именно СМИ первым опубликовало оспариваемые истцом сведения. СМИ-

¹См.: Решение Советского районного суда г. Челябинска от 20 февраля 2020 г. по гражданскому делу № 2-111/2020 (2-3421/2019) // URL:sudact.ru/regular/doc/29MQMsqerCgw/ (дата обращения: 29 декабря 2020 г.).

²См.: Пункт 23 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации № 16 от 15 июня 2010 г. «О применении судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, август 2010 г. № 8.

первоисточник по инициативе суда или в результате удовлетворения ходатайства лиц, участвующих в деле, может быть привлечено к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора на стороне ответчика, однако дальнейшее развитие процессуальной ситуации зависит от воли истца, поскольку, как следует из содержания ст. 41 ГПК РФ, замена ненадлежащего ответчика производится судом по ходатайству или с согласия истца. В случае согласия истца производится замена ненадлежащего ответчика, при этом после произведенной замены подготовка и рассмотрение дела производится с самого начала. Если же истец не согласен на замену ответчика, то положение ответчика остается неизменным, поскольку указание ответчика или его замена – это диспозитивное право истца.

Вариант Г. Вступление в дело о защите от диффамации третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора.

Несмотря на кажущуюся ясность положения третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, на практике при рассмотрении гражданских дел, в том числе по искам о защите от диффамации, возникают значительные проблемы в определении их процессуального статуса. Связаны они с тем, что подчас отсутствует понимание того, в чем, собственно, состоит разница между процессуальным соучастием со стороны истца и вступлением в дело третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора.

М.А. Видукут предупреждала о «неизбежных трудностях, встающих перед судебными органами при разграничении истца и третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора»¹, разъясняя, что «вступление такого лица в процесс – это не что иное, как предъявление иска. Особенность состоит лишь в том, что иск предъявляется к лицам, которые уже являются

¹ См.: М.А. Видукут – 60 лет научно-педагогической деятельности. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. С. 34.

участниками судопроизводства по определенному делу. Иначе – это вторжение в чужой процесс»¹.

А.А. Насиковская также заметила, «что требования соистцов всегда адресованы к ответчику и не исключают друг друга, в то время как самостоятельные требования третьего лица противостоят интересам истца и ответчика, и удовлетворение таких требований предполагает отказ в удовлетворении исковых требований истца либо встречных исковых требований ответчика»². Точка зрения А.А. Насиковской согласуется с общим пониманием процессуального соучастия, к которому относятся не все случаи множественности лиц на стороне истца и ответчика, а лишь такие, в которых право требования одного из участвующих в судопроизводстве истцов не исключает права требования другого, а обязанность одного из соучастников не исключает ответственность другого. Вступление в гражданское дело по иску о защите от диффамации третьего лица, заявляющего самостоятельные требования, может произойти, например, когда в ходе рассмотрения дела выявится, что в исследуемом текстовом фрагменте содержатся сведения не об истце, а о другом лице. Например, об однофамильце, когда ответчик использовал в тексте лингвистический прием «неполной номинации референта», либо персонаж в тексте назван «косвенно – не по фамилии или по неполным именам собственным»³. В ходе судебной экспертизы из контекста исследуемого фрагмента восстанавливается неполнота сведений, позволяющих с уверенностью заключить, что речь идет не об истце. Тогда потенциальный истец, которому

¹См.: М.А. Вукот – 60 лет научно-педагогической деятельности. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. С. 34.

² См.: Насиковская А.А. Процессуальные особенности положения третьих лиц в гражданском судопроизводстве // материалы Международной научно-практической конференции: Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства (г. Санкт-Петербург, 13 октября 2017 г.) / под ред. Л.В. Войтович, В.И. Кайнова; Санкт-Петербург: Изд-во ООО Издательский дом «Петрополис», 2018. С. 304.

³ См.: Зарезина С.Н. О некоторых лингвистических критериях унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления лица как административных правонарушений // Сибирский юридический вестник. 2017. № 3. С. 24.

стало известно о возникшем споре, может вступить в дело в качестве третьего лица и заявить самостоятельные требования относительно предмета спора, удовлетворение которых исключает удовлетворение требований первоначального истца.

Вариант Д. Вступление или привлечение к делу о защите от диффамации третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора на стороне истца. Такой процессуальный статус может возникнуть в результате удовлетворения судом ходатайства истца о привлечении третьего лица. А.В. Юдин полагает, что он может возникнуть и в результате модификации статуса соистца, который «по тем или иным причинам не поддерживает заявленное требование, однако решение по делу может отразиться на его правах и обязанностях по отношению к другим соистцам, в связи с чем он становится третьим лицом, не заявляющим самостоятельных требований на предмет спора на стороне истца»¹. Исследователь задается вопросом о том, может ли такое лицо «выйти» из состава соистцов, не отказываясь от исковых требований. Следует согласиться с точкой зрения А.В. Юдина, что «изменение процессуального статуса соистца возможно только путем совершения последним распорядительного действия в виде отказа от исковых требований. Иное не лишало бы его права повторно «переквалифицироваться» в соистца и повторно заявить исковое требование, так и оставшееся неразрешенным»².

Применительно к гражданским спорам о защите от диффамации участие третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора на стороне истца, с нашей точки зрения, возможно в тех случаях, когда удовлетворение исковых требований о защите от диффамации является необходимым условием реализации истцом каких-либо гражданских, трудовых, избирательных и иных прав. Например, реализация права на занятие

¹ См.: Юдин А.В. Правовое положение участников гражданского и арбитражного процесса в динамике судопроизводства // Право. Законодательство. Личность. 2012. № 1. С. 133-134.

²См.: Там же. С. 134.

педагогической деятельностью в РФ осуществляется в соответствии с требованиями ст. 331 Трудового кодекса РФ. Условием участия в конкурсе на замещение вакантной должности профессорско-преподавательского состава высшего учебного заведения является, в числе прочих, отсутствие у претендента судимости либо факта привлечения к уголовной ответственности за преступления «против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, и клеветы), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, основ конституционного строя и безопасности государства, мира и безопасности человечества, а также против общественной безопасности»¹. Исключения составляют лишь случаи, предусмотренные ч. 3 данной нормы. Если в период участия истца в таком конкурсе ответчиком распространены сведения о факте привлечения истца к уголовной ответственности, целесообразным и логичным является привлечение к участию в деле соответствующего образовательного учреждения в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора на стороне истца.

Итак, в результате анализа процессуального положения третьих лиц в гражданских делах о защите от диффамации выявлены и проиллюстрированы примерами из правоприменительной практики возможные варианты участия третьих лиц при рассмотрении судами общей юрисдикции исследуемой категории гражданских дел, что позволило прийти к выводу о том, что необходимость привлечения к участию в деле третьих лиц объясняется полисубъектностью правоотношений, возникающих в связи с распространением диффамационных сведений и зависит от способа распространения таких сведений. К участию в процессе по гражданскому делу о защите от диффамации могут быть *привлечены*

¹ См.: Ст. 331 Трудового кодекса РФ (в ред. Федеральных законов от 31 декабря 2014 г. № 489-ФЗ, от 13 июля 2015 г. № 237-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 52, ст.7554; 2015. № 1, ст. 42.

третьи лица со стороны ответчика, если рассмотрение возникшего репутационного спора затрагивает их права и обязанности.

В ходе рассмотрения в судах общей юрисдикции гражданских дел о защите от диффамации в уже возникший процесс может *вступить* третье лицо, заявляющее самостоятельное требование относительно предмета спора в случаях, когда распространенные сведения затрагивают его репутацию и удовлетворение его требований исключает удовлетворение требований истца.

Глава 2. Процессуальные особенности возбуждения и подготовки к судебному разбирательству гражданских дел о защите от диффамации

2.1. Возбуждение производства по гражданскому делу по иску о защите от диффамации

Возбуждение производства по гражданскому делу А.А. Демичев, О.В. Исаенкова,¹ Д.Я. Малешин,² С.Ф. Афанасьев, В.Ф. Борисова³ и другие современные ученые, изучающие цивилистический процесс, называют первоначальной, самостоятельной и обязательной стадией гражданского судопроизводства.

В.Ф. Борисова в монографии, посвященной возбуждению гражданского судопроизводства, назвала «признаки процессуальной стадии, которые могут служить критериями стадийности», такие как: наличие собственной цели; особый круг участников и специфичность их правового статуса; объективная динамика процесса и др.⁴ В.Н. Ивакин подверг сомнению эту точку зрения, полагая, что она основана лишь на общем определении понятия стадий гражданского процесса⁵. Аргументация В.Ф. Борисовой представляется в достаточной степени обоснованной, в том числе потому, что возбуждению гражданского дела как стадии гражданского судопроизводства присуща законченность, которая с точки зрения документального процессуального оформления, как указано в ч. 1 ст. 133 ГПК РФ, выражается в вынесении определения о возбуждении гражданского дела в суде первой инстанции. В.Ф. Борисова справедливо считает, что «порядок (процессуальная форма) деятельности» является еще одним критерием

¹ См.: Гражданский процесс: курс лекций / Исаенкова О.В., Демичев А.А.; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. С. 182.

² См.: Гражданский процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушников. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2018. С. 349.

³ См.: Там же. С. 99.

⁴ См.: Борисова В.Ф. Возбуждение гражданского судопроизводства / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ М.А. Видука. – М.: Юрлитинформ, 2009. С. 14-15.

⁵ См.: Ивакин В.Н. Юридическая природа возбуждения гражданского дела в суде общей юрисдикции // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 3. С. 60.

стадийности гражданского судопроизводства¹. Такая позиция в целом действительно соответствует определению, сформулированному М.С. Шакарян: «Стадия процесса – его определенная часть, объединенная совокупностью процессуальных действий, направленных на достижение самостоятельной (окончательной) цели»². В.Н. Барсукова предложила более развернутое определение этого понятия: «Стадия гражданского судопроизводства – это ступень, этап развития судопроизводства, характеризующийся наличием определенной совокупности процессуальных действий, совершаемых специальными субъектами, имеющих системный характер, очерченных гражданским процессуальным законодательством и направленных на достижение конкретной цели»³. Вне всякого сомнения, возбуждение производства по гражданскому делу соответствует всем перечисленным критериям и признакам.

Наполнением стадии возбуждения производства по гражданскому делу являются процессуальные действия суда в результате изучения поступившего в суд искового заявления (заявления, рассматриваемого в ином порядке) на предмет соответствия требованиям, предъявляемым к его форме и содержанию (ст. ст. 131-132 ГПК РФ), выявления оснований для оставления заявления без движения (ст. 136 ГПК РФ), выявление обстоятельств, препятствующих возбуждению гражданского дела (ст. 134-135 ГПК РФ), и т.п.

Целью данной стадии судопроизводства, как отмечают О.В. Исаенкова и А.А. Демичев, является решение вопроса «о возможности начала гражданского судопроизводства на основе представленных заявителем в распоряжение суда

¹ См.: Борисова В.Ф. Возбуждение гражданского судопроизводства / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ М.А. Викинг. – М.: Юрлитинформ, 2009. С. 24.

² См.: Шакарян М.С. Гражданское процессуальное право: учебник / С.А. Алехина, В.В. Блажеев и др. / Под ред. М.С. Шакарян. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. С. 25.

³ См.: Барсукова В.Н., Соловьева Т.В. Гражданское процессуальное право России (вводные положения и принципы): учебное пособие. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2012. С. 87.

материалов»¹. В соответствии с ч. 1 ст. 133 ГПК РФ судья в предусмотренный законом срок лишь выявляет, существуют ли препятствия для принятия искового заявления к производству суда. По мнению Т.В. Соловьевой, такие препятствия могут носить как устранимый, так и неустранимый характер². И только в том случае если отсутствует «дефектность действий» инициатора обращения за судебной защитой, которая может выражаться «в обращении в ненадлежащий суд, обращении в защиту не своего права, а чужого интереса при отсутствии на то полномочий, в нарушении формальных требований к содержанию заявления, в неприложении к заявлению предписанных законом документов, в соединении не связанных между собой требований»³, судья выносит постановление о возбуждении производства по гражданскому делу в суде первой инстанции. Как подчеркивал Р.Е. Гукасян, «для возникновения и движения процесса достаточно, чтобы требование истца к суду о разрешении спора было юридическим фактом (то есть основанным на нормах процессуального права)»⁴. Возбуждение гражданского дела в случае, если исковое заявление подано с соблюдением установленного законом порядка, Т.И. Евстифеева обоснованно называет обязанностью суда⁵.

Относительно заявления о защите от диффамации отметим, что оно будет принято к производству суда общей юрисдикции лишь в том случае, если инициатор обращения за судебной защитой направит его в компетентный суд, верно определив подсудность возникшего спора, избрав соответствующий вид производства.

¹ См.: Гражданский процесс: курс лекций / Исаенкова О.В., Демичев А.А.; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. С. 182.

² См.: Соловьева Т.В. Институт возвращения искового заявления: сравнительно-исторический аспект // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4. С. 243.

³ См.: Там же. С. 241.

⁴ См.: Гукасян Р.Е. Материально-правовые предпосылки и процессуальная природа элементов иска. В сборнике: Вопросы теории и практики гражданского процесса. Гражданское судопроизводство и арбитраж. / Межвуз. науч. сб.: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. С. 47.

⁵ См.: Евстифеева Т.И. Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов: СГСЭУ, 2002. С. 18.

В ст. 131 ГПК РФ названы требования к форме и содержанию искового заявления, однако нельзя не согласиться с мнением Т.В. Соловьевой о том, что «оставление заявления без движения, возвращение заявления по основаниям, указанным в ч. 1 ст. 135 ГПК РФ, может иметь место не только по делам искового производства, но и по другим делам, рассматриваемым судом»¹. Требования к содержанию заявления о признании распространенных сведений не соответствующими действительности (п. 8 ст. 152 ГК РФ) также не названы, но это не означает, что они не предъявляются. Единственный элемент, содержащийся в перечне ст. 131 ГПК РФ, который, исходя из характера заявленных требований, объективно не может быть указан заявителем, – наименование ответчика, сведения о месте его жительства или о месте нахождения организации, поскольку сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию заявителя, распространены анонимно и установить их распространителя не представляется возможным.

При поступлении в суд общей юрисдикции искового заявления о защите чести, достоинства и деловой репутации судья, не вторгаясь в вопросы оценки обоснованности заявленных исковых требований, а исключительно в целях разграничения компетенции суда общей юрисдикции и арбитражного суда, должен прежде всего установить, содержит ли исковое заявление требования о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Выявление этого обстоятельства, препятствующего возбуждению гражданского дела на данной стадии судопроизводства, обязывает суд, руководствуясь требованиями п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ, возвратить заявителю исковое заявление вместе с прилагаемыми к нему документами. Мотивированное определение, в котором суд указывает на неподсудность такого иска суду общей юрисдикции, должно быть вынесено в течение пяти дней со дня поступления заявления в суд.

¹См.: Соловьева Т.В. Институт возвращения искового заявления: сравнительно-исторический аспект // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4. С. 243.

На стадии возбуждения производства по гражданскому делу исковое заявление о защите от диффамации не может быть возвращено судом на основании требований п. 1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ по мотивам несоблюдения истцом досудебного порядка урегулирования спора или непредставления документов, подтверждающих соблюдение такого порядка, даже в тех случаях, когда иск предъявлен к средству массовой информации. Действующее законодательство (ст. ст. 43 и 45 Закона РФ О СМИ), как указано в п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3, предоставляет гражданину право обратиться непосредственно к редакции СМИ с требованием об опровержении не соответствующих действительности, порочащих его честь, достоинство и деловую репутацию сведений, но не возлагает на него такой обязанности.

Однако судебная практика по рассмотрению диффамационных споров складывается таким образом, что вышеуказанное правило не действует, когда в качестве способа защиты своего нарушенного права на честь, достоинство и деловую репутацию истец избирает обращение в суд с иском о возложении на лицо, которое является администратором сайта в сети Интернет, обязанности по удалению сведений, признанных судом не соответствующими действительности в соответствии с ч. 8 ст. 152 ГК РФ, и возмещении убытков.

Своего рода алгоритм действий истца, направленных на защиту своего права в таких случаях, предполагающий обязательное предварительное обращение к администратору сайта в сети Интернет с письменным требованием об удалении сведений, которые признаны судом не соответствующими действительности и порочащими честь, достоинство и деловую репутацию истца, мы подробно рассмотрели в параграфе 1.4 главы 1 настоящего исследования, посвященной установлению надлежащего ответчика в спорах о защите от диффамации.

Подобный пример нашел свое отражение в п. 16 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденного Президиумом ВС РФ 16 марта 2016 г.: «Возложение на

лицо, которое имеет техническую возможность без ущерба для своих прав и законных интересов удалять сведения, признанные судом не соответствующими действительности, представляет собой не меру ответственности за виновное правонарушение, а законный способ защиты права, что предполагает возможность обращения потерпевшего в суд за защитой нарушенного права в случае, если администратор сайта откажется выполнить эту обязанность в добровольном порядке». Полагаем, что этот пример судебной практики демонстрирует выявившуюся правовую неопределенность по вопросу необходимости соблюдения досудебного порядка урегулирования спора по данной категории дел. Ведь, исходя из прямого действительного содержания п.1 ч.1. ст. 135 ГПК РФ, досудебный порядок урегулирования споров, обязательный для соблюдения истцом до обращения в суд, должен быть установлен федеральным законом, и только в этом случае несоблюдение этого порядка может повлечь за собой возвращение искового заявления. Однако применительно к делам о защите чести, достоинства и деловой репутации такой нормативный акт отсутствует. Устранить выявившееся несоответствие возможно путем принятия федерального закона, возлагающего на истцов по требованиям об удалении сведений, анонимно размещенных в сети Интернет, признанных судом не соответствующими действительности, обязанности по соблюдению досудебного порядка обращения к администратору сайта в сети Интернет с письменным требованием об удалении такой информации.

Рассматривая иные особенности процессуальных действий суда на стадии возбуждения гражданского дела о защите чести, достоинства и деловой репутации, следует обратить внимание на случаи отказа в принятии искового заявления о защите от диффамации, характерные для данной категории исков. Речь идет об исковых требованиях о признании не соответствующими действительности диффамационных сведений, содержащихся в процессуальных документах по другому уголовному, гражданскому, административному делу. В этом случае суд отказывает в принятии искового заявления на основании

п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, поскольку такие сведения подлежат оценке в порядке, предусмотренном отраслевым процессуальным законодательством. Такой пример нашел свое отражение в п. 17 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденного Президиумом ВС РФ 16 марта 2016 года.

Следует обратить внимание на еще одну процессуальную особенность, которую необходимо учитывать на стадии возбуждения производства по гражданскому делу о защите от диффамации. Рассмотрим случаи, когда в действиях лица, распространившего не соответствующие действительности порочащие сведения, содержатся признаки уголовно наказуемого преступления, предусмотренного ст. 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ)¹.

По общему правилу, в соответствии с требованиями п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ судья отказывает в принятии искового заявления в случае, если «заявление подлежит рассмотрению в порядке конституционного или уголовного судопроизводства, производства по делам об административных правонарушениях либо не подлежит рассмотрению в судах». Это правило неприменимо в отношении исковых заявлений о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан. Заявление потерпевшего о привлечении к уголовной ответственности лица, распространившего заведомо ложные сведения, порочащие его честь, достоинство и деловую репутацию, должно быть рассмотрено в порядке уголовного судопроизводства, однако, как следует из разъяснений, содержащихся в п. 6 Постановления Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3, «отказ в возбуждении уголовного дела, прекращение уголовного преследования по реабилитирующим или по не реабилитирующим основаниям, а также вынесение оправдательного или обвинительного приговора не исключает возможности предъявления иска о защите чести, достоинства или деловой репутации в порядке

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01 июля 2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22 августа 2021 г.) / Собрание законодательства РФ от 17 июня 1996 г. № 25, ст. 2954.

гражданского судопроизводства». По всей видимости, что такая позиция ВС РФ основана, в том числе, на том, что обязательным признаком объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 128.1 УК РФ, действующей в настоящее время в редакции Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ¹, является заведомость, т.е. осведомленность субъекта этого преступления о том, что он распространяет ложные сведения. Отсутствие этого признака исключает преступность деяния, но не исключает наличие оснований для привлечения к гражданско-правовой ответственности на основании ст. 152 ГК РФ. Как указано в п. 6 Постановления Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3, потерпевший вправе обратиться «с заявлением о привлечении виновного к уголовной ответственности, а также предъявить иск о защите чести и достоинства или деловой репутации в порядке гражданского судопроизводства».

Итак, в случае, когда есть основания для привлечения к уголовной ответственности за посягательство на честь, достоинство и деловую репутацию, препятствия для обращения в суд с иском о защите от диффамации в порядке гражданского судопроизводства отсутствуют, и положения п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ не применяются.

Но честь и достоинство являются объектом посягательства и в случае совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.61 КоАП РФ, которая введена Федеральным законом от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ². Необходимым признаком объективной стороны данного деяния является совершение унижения чести и достоинства в неприличной форме, но объект посягательства, при сравнении с нормой УК РФ, тот же. Однако разрешение вопроса о привлечении виновного к административной ответственности за посягательство на честь и достоинство является препятствием

¹ См.: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ «О внесении изменения в статью 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2021. 12 января.

² См.: Ст. 5 Федерального закона от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 03 июля 2016 г.) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 декабря 2011 г. № 50, ст. 7362.

для обращения потерпевшего от таких действий в суд с иском в порядке гражданского судопроизводства и влечет отказ в принятии такого искового заявления судом в связи с невозможностью защиты нарушенного права в порядке статьи 152 ГК РФ. Такой вывод был сделан судом апелляционной инстанции в результате рассмотрения апелляционной жалобы С., в удовлетворении исковых требований которого о защите чести и достоинства и компенсации морального вреда, предъявленных к ответчику Г., судом первой инстанции было отказано в полном объеме. «Свое решение суд обосновал тем, что оскорбление нецензурной бранью не может являться распространением сведений, порочащих честь и достоинство истца, поскольку образует состав административного правонарушения в форме оскорбления, что нашло свое подтверждение в постановлении мирового судьи, согласно которому ответчик по данному делу Г. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 5.61 КоАП РФ (оскорбление), и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа. Апелляционным определением областного суда решение суда первой инстанции в части отказа в компенсации морального вреда отменено, и в этой части по делу принято новое решение об удовлетворении указанного требования. При этом судебная коллегия исходила из того, что суд первой инстанции, обоснованно признав невозможность защиты нарушенного права в порядке ст. 152 ГК РФ, не учел, что «честь и достоинство (доброе имя) гражданина – нематериальные блага, принадлежащие ему от рождения, которые он имеет право защищать (часть 1 статьи 23 Конституции Российской Федерации). Способом защиты является в том числе и заявление требования о компенсации морального вреда, что предусмотрено статьей 12 ГК РФ»¹. Ключевое значение в данном случае имеет вывод суда о невозможности защиты нарушенного права в порядке ст. 152 ГК РФ.

¹ См.: Пункт 20 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г. // URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/45925.html> (дата обращения: 12 января 2021 г.).

Продолжая исследовать гражданские дела по искам о защите от диффамации на стадии возбуждения производства по гражданскому делу, нельзя обойти вниманием особенности содержания искового заявления о защите чести, достоинства и деловой репутации. Безусловно, такое заявление должно соответствовать всем требованиям, предъявляемым гражданским процессуальным законом к его форме и содержанию, перечисленным в ст. 131 ГПК РФ, но характер спорных правоотношений позволяет назвать ряд особенностей, игнорирование которых может явиться препятствием для возбуждения гражданского дела данной категории. Это не означает расширительного толкования положений ст. 131 ГПК РФ применительно к данной категории исков, напротив, перечень требований, предъявляемых к форме и содержанию искового заявления, представляется полным, не требующим каких-либо дополнений. Обоснованные суждения об общих правилах содержания вводной, обосновывающей и просительной частей искового заявления высказали О.В. Исаенкова и А.А. Демичев, заключив при этом, что «наиболее распространенным основанием к оставлению заявления без движения являются ошибки в содержании заявления (чаще всего – искового)»¹. Д.Я. Малешин в исковом заявлении выделяет вводную, описательно-мотивировочную, заключительную часть и приложение, справедливо полагая, что «вводная часть содержит общие сведения, описательно-мотивировочная – основание иска, заключительная – предмет иска»².

Из содержания п. 5 ч. 1 ст. 131 ГПК РФ следует, что в исковом заявлении должны быть указаны обстоятельства, на которых истец основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства. Представляется необходимым выявить и назвать уникальные, имеющие

¹См.: Гражданский процесс: курс лекций / Исаенкова О.В., Демичев А.А.; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. С. 183.

² См.: Гражданский процесс: учебник / Под. ред. М.К. Треушников. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2018. С. 351.

отношение исключительно к искам о защите от диффамации обстоятельства, подлежащие указанию в исковом заявлении.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 7 Постановления Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3, обстоятельствами, имеющими значение для дела, которые должны быть определены судьей при принятии искового заявления и подготовке дела к судебному разбирательству, а также в ходе судебного разбирательства, являются: «факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности».

В результате анализа вышеперечисленных обстоятельств предлагаем разделить их на пять обособленных групп.

К первой группе следует отнести обстоятельства, указывающие на то, что имел место факт распространения неких сведений. Исходя из того, что сведения могут быть распространены как в устной, так и в письменной форме, в исковом заявлении должно содержаться указание на форму распространения сведений. Если сведения распространены в устной форме, то следует указать, когда, где и при каких обстоятельствах это произошло, кто при этом присутствовал. Истец должен назвать хотя бы одно лицо, назовем его посторонним, которому оспариваемые сведения сообщены ответчиком, поскольку, как разъясняется в п. 7 Постановления Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3, «сообщение таких сведений лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением, если лицом, сообщившим данные сведения, были приняты достаточные меры конфиденциальности, с тем чтобы они не стали известными третьим лицам».

Если истец указывает, что сведения распространены в письменной форме, то в исковом заявлении должно быть указано, в каком конкретно документе (в письме, заявлении, характеристике и пр.) они содержатся, кому именно этот документ адресован, кто был ознакомлен с этим документом.

Когда диффамация произошла с использованием средств массовой информации, то представляется необходимым в исковом заявлении назвать не только наименование средства массовой информации, но и заголовок статьи или иной публикации, в которой содержатся диффамационные сведения, дату ее опубликования, выходные данные средства массовой информации, его тираж, сведения о том, указан ли автор публикации.

При распространении диффамационных сведений в ходе трансляции по радио и телевидению истец должен сообщить дату и время такой трансляции, наименование телеканала, название передачи, указав, в каком конкретно временном промежутке распространены оспариваемые сведения, располагает ли истец сведениями о том, что программа шла в прямом эфире, без предварительной записи.

В тех случаях, когда оспариваемые истцом сведения распространены в ходе демонстрации кинохроникальных программ, необходимо указать, кем, где и при каких обстоятельствах производилась демонстрация такой программы, сколько зрителей при этом присутствовало.

Когда диффамационные сведения распространены в сети Интернет, то в целях подтверждения обстоятельств, указывающих на распространение оспариваемых сведений, необходимо назвать наименование сайта и его адрес в сети Интернет, дату, время публикации с точностью до минуты.

При распространении диффамационных сведений с использованием иных средств телекоммуникации необходимо назвать такое средство, указав особенности распространения информации с использованием данного средства телекоммуникации, дату, время распространения оспариваемых сведений, аудиторию, для которой оспариваемые сведения стали доступны в результате их распространения ответчиком.

Развитие научно-технического прогресса, возникновение новых средств коммуникации вряд ли позволит перечислить все возможные средства и способы передачи информации, но приведенный перечень, как представляется, вносит

некоторую ясность в вопрос о том, какие именно обстоятельства должны быть указаны в исковом заявлении в подтверждение факта распространения диффамационных сведений.

Именно отсутствие в исковом заявлении У. сведений о том, когда и каким образом оспариваемые сведения были распространены ответчиком, явилось основанием для оставления искового заявления без движения в порядке ст. 136 ГПК РФ, а затем и возвращения искового заявления на основании п. 7 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ в связи с неустранением обстоятельств, послуживших основанием для оставления искового заявления без движения в срок, установленный в определении суда¹.

Ко второй группе, на наш взгляд, относятся обстоятельства, указывающие на то, что данные сведения распространил именно ответчик, а не другое лицо.

В тех случаях, когда диффамационные сведения распространены ответчиком лично и публично, как правило, указание на это обстоятельство не вызывает затруднений. Но в ряде случаев в исковом заявлении должны быть сообщены дополнительные сведения, обосновывающие выбор ответчика. Например, когда одни и те же сведения распространены в нескольких средствах массовой информации, уместным, с нашей точки зрения, является указание даты и точного времени выхода в эфир или подписания в печать. Это необходимо для обоснования вывода о том, что именно указанный в исковом заявлении ответчик первым распространил диффамационные сведения, а другие средства массовой информации лишь дословно цитировали его.

Принимая во внимание, что в соответствии с положениями ст. 1265 ГК РФ, п. 12 ст. 47 Закона о СМИ автор имеет право использовать псевдоним, в тех случаях, когда автор публикации лично не знаком истцу, целесообразно указать в исковом заявлении, что имя автора, возможно, является псевдонимом.

¹См.: Определение судьи Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга № 9-4088/2017 9-4088/2017~М-3178/2017 М-3178/2017 от 31 мая 2017 г. по делу № 9-4088/2017. // URL: sudact.ru/regular/doc/YNKeqGrapOZX/ (дата обращения: 15 января 2021 г.).

В определениях судов об оставлении искового заявления без движения порой указывается на отсутствие сведений о том, что именно ответчик распространил оспариваемые сведения, как на обстоятельство, препятствующее возбуждению гражданского дела о защите чести, достоинства и деловой репутации. Например, в определении судьи Центрального районного суда г. Симферополя Республики Крым указывается на необходимость конкретизации сведений о том, что «статья «Безнаказанно и беспредельно» опубликована именно «еженедельником» под выпуском № 254 от 25.10.2013 г., при том, что вторая указанная истцом статья, как усматривается, опубликована в «газете» № 265 от 24.01.2014 г., т.е. подлежат конкретизации обстоятельства иска в части точного источника опубликования оспариваемых истцом сведений»¹.

К третьей группе относятся обстоятельства, указывающие на то, что сведения распространены именно об истце, иными словами, содержащие данные, позволяющие персонифицировать, идентифицировать истца как субъекта публикации, содержащей диффамационные сведения.

При формировании этой группы обстоятельств следует исходить из содержания ч. 1 ст. 19 ГК РФ, которая гласит: «Гражданин приобретает и осуществляет свои права и обязанности под своим именем, включающим фамилию и собственное имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая».

Однако публикации в средствах массовой информации имеют определенный формат и стиль подачи информации, которые, как правило, исключают указание полного имени гражданина.

В таких случаях в целях идентификации представляется целесообразным сообщением в исковом заявлении любой информации, которая могла бы указывать на то, что в оспариваемом фрагменте коммуникации речь идет именно об истце.

¹ См.: Определение судьи Центрального районного суда города Симферополя Республики Крым № 9-791/2016 9-791/2016~М-5291/2016 М-5291/2016 от 12 октября 2016 г. по делу № 9-791/2016 // URL:sudact.ru/regular/doc/apJzmBDIW3o5/ (дата обращения: 15 января 2021 г.).

Под персональными данными понимается «любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)»¹.

Использование такого способа идентификации необходимо в тех случаях, когда в публикации, содержащей оспариваемые истцом сведения, применяется лингвистический прием неполной номинации референта. Например, герой публикаций, ставший инициатором обращения за судебной защитой, называется автором лишь по имени или только по фамилии. В ряде случаев для такой номинации используется домашнее имя или читателю сообщается лишь должность, занимаемая истцом. Такой перечень можно продолжить, но суть обстоятельств, относящихся в соответствии с предложенной нами классификацией к третьей группе, состоит в том, чтобы к моменту обращения в суд с исковыми требованиями о защите от диффамации истец смог сформулировать признаки, по которым он идентифицирует себя как героя публикации. Возможно, для этого в исковом заявлении истец укажет суду фрагменты публикации, позволяющие из контекста восполнить недостающие сведения, указывающие на то, что в публикации речь идет именно об истце.

В четвертую группу, по нашему мнению, должны быть объединены обстоятельства, указывающие на порочащий характер сведений, распространенных ответчиком об истце. На стадии возбуждения гражданского дела представляется достаточным указать в исковом заявлении, какие именно из распространенных сведений истец воспринимает как негативные, а не нейтральные или комплиментарные. Такое деление не во всех случаях очевидно. Так, например, судья Заводского районного суда города Саратова возбудил гражданское дело по иску П.Н.В. к П.С.А. о защите чести, достоинства и деловой репутации. Истец просил признать не соответствующими действительности, порочащими его честь, достоинство и деловую репутацию следующие сведения:

¹ См.: п. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 30 декабря 2020 г.) «О персональных данных» // Сборник законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I), ст. 3451.

«П. фактически единовластно руководит всей областной парторганизацией и самостоятельно распоряжается партийной кассой»¹. Принимая во внимание, что речь шла о деятельности партии, которая на момент рассмотрения дела в суде не признана запрещенной организацией, выявить негативный компонент в распространенных ответчиком сведениях на стадии возбуждения гражданского дела затруднительно. Указания истца на то, в чем именно проявляется негативный характер распространенных ответчиком сведений, по нашему мнению, существенно облегчит деятельность суда в ходе последующей подготовки дела к судебному разбирательству.

И, наконец, *пятая группа* должна аккумулировать обстоятельства, указывающие на то, что распространенные ответчиком об истце негативные, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию сведения не соответствуют действительности. Именно истец располагает информацией о том, какие сведения, в противовес сообщенным ответчиком, с его точки зрения, являются истинными. Но это вовсе не означает, что на рассматриваемой первоначальной стадии судопроизводства истец должен доказывать обоснованность заявленных требований. О.В. Исаенкова и А.А. Демичев предостерегают: «В стадии возбуждения гражданского судопроизводства не могут решаться вопросы материально-правового характера, связанные с удовлетворением требований заявителя, например, о сроках давности исполнения обязательства, из которого возник спор, о наличии у истца или заявителя допустимых доказательств, заявленного требования, о достоверности фактов, обосновывающих заявленное требование»².

Отсутствие конкретизации доводов о том, какие именно негативные сведения, сообщенные ответчиком, не соответствуют действительности, является, по нашему мнению, препятствием к возбуждению гражданского дела о защите от

¹ См.: Решение Заводского районного суда города Саратова от 12 апреля 2010 года по гражданскому делу № 2-546/2010 г. Архив Заводского районного суда города Саратова.

² См.: Гражданский процесс: курс лекций / Исаенкова О.В., Демичев А.А.; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. С. 183.

диффамации. На это указал в своем определении о возврате искового заявления судья Московского гарнизонного военного суда, рассмотрев материалы по исковому заявлению военнослужащего Ф. к начальнику военного представительства Министерства обороны Российской Федерации о защите чести, достоинства и деловой репутации: «Определением судьи Московского гарнизонного военного суда от 26 сентября 2016 года исковое заявление Ф. было оставлено без движения, и истцу было предложено в срок до 20 октября 2016 года представить в суд исковое заявление с указанием, какие конкретно сведения, содержащиеся в тексте отзыва в его аттестационном листе, носят порочащий характер и не соответствуют действительности, а также привести факты распространения ответчиком этих сведений»¹.

С момента вынесения определения о возбуждении гражданского дела, как отмечают О.В. Исаенкова и А.А. Демичев, «начинается постадийная динамика гражданского судопроизводства и осуществляется его переход в следующую стадию»², которая именуется подготовкой гражданского дела к судебному разбирательству.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. В результате исследования стадии возбуждения производства по гражданскому делу по иску о защите от диффамации удалось выявить и назвать уникальные, имеющие отношение исключительно к искам о защите чести, достоинства и деловой репутации обстоятельства, подлежащие указанию в искомом заявлении, разделив их на пять обособленных групп:

первая группа: обстоятельства, указывающие на то, что имел место факт распространения неких сведений;

¹См.: Определение судьи Московского гарнизонного военного суда от 25 октября 2016 года № 9-283/2016 9-283/2016~М-986/2016 М-986/2016 от 25 октября 2016 г. по делу № 9283/2016 //URL://sudact.ru/regular/doc/bVUevmJ6lOUr/(дата обращения: 15 января 2021 г.).

²См.: Гражданский процесс: курс лекций / Исаенкова О.В., Демичев А.А.; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. С. 183.

вторая группа: обстоятельства, указывающие на то, что данные сведения распространил именно ответчик, а не другое лицо;

третья группа: обстоятельства, указывающие на то, что сведения распространены именно об истце;

четвертая группа: обстоятельства, указывающие на порочащий характер сведений, распространенных ответчиком об истце;

пятая группа: обстоятельства, указывающие на то, что распространенные ответчиком об истце негативные, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию сведения не соответствуют действительности.

Сравнения гражданских процессуальных последствий привлечения распространителя диффамационных сведений к уголовной и административной ответственности, укоренившихся в правоприменительной практике, позволяет сделать вывод об отсутствии единого подхода к самой возможности обращения в суд с иском о защите от диффамации в порядке ст. 152 ГК РФ, несмотря на то что оба этих случая являются, как указано в п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, основанием для отказа в принятии искового заявления.

2.2. Подготовка к судебному разбирательству гражданского дела о защите от диффамации

Исследуя такую важную стадию гражданского судопроизводства, как подготовка гражданского дела к судебному разбирательству применительно к спорам о защите от диффамации, следует согласиться с замечанием А.В. Чекмаревой о том, что «этап подготовки дел к судебному разбирательству является универсальным»¹. Однако, как заключила Е.В. Слепченко, объем и содержание процессуальных подготовительных действий «по конкретным категориям гражданских дел и методика подготовки отдельных дел имеют свою специфику, определяемую характером спорного правоотношения, сложностью

¹ См.: Чекмарева. А.В. Проблемы подготовительных процедур в гражданском процессе и возможные пути их решения: монография // под ред. док. юрид. наук, проф. О.В. Исаенковой. – Саратов: издательский центр «Наука», 2015. С. 106.

дела, особенностями доказывания, степенью спорности аргументов каждой стороны, другими обстоятельствами»¹.

Как следует из содержания ч. 2 ст. 147 ГПК РФ, подготовка к судебному разбирательству является обязательной по каждому гражданскому делу и проводится судьей с участием сторон, других лиц, участвующих в деле, их представителей. В тексте приведенной статьи отсутствует указание, что речь идет именно о стадии судопроизводства.

Исследуя подготовку дела к судебному разбирательству с позиции процедурности цивилистического процесса, А.В. Чекмарева обращает внимание на дискуссионность этого вопроса². Точное определение этой стадии судопроизводства предложено Е.Г. Тришиной: «Подготовка дела к судебному разбирательству – самостоятельная стадия гражданского процесса, представляющая собой совокупность процессуальных действий судьи и сторон, направленных на обеспечение своевременного и правильного рассмотрения и разрешения гражданского дела»³. Эту точку зрения разделяют О.В. Исаенкова, А.А. Демичев⁴, В.В. Косычева⁵, Е.А. Пилипенко⁶. На особую важность этой стадии гражданского судопроизводства обращает внимание ВС РФ, указывая, что «непроведение либо формальное проведение подготовки дел к судебному разбирательству, как правило, приводит к отложению судебного разбирательства,

¹ См.: Слепченко Е. В. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Сер. 14, вып. 2. С. 70.

² См.: Чекмарева А.В. Подготовка дела к судебному разбирательству с позиции процедурности цивилистического процесса.// Современное право. 2014. № 5. С. 90.

³ См.: Гражданский процесс России. Учебник. под ред. док. юрид. наук, проф. М.А. Викут. М.: Юристъ. 2004. С. 253.

⁴ См.: Гражданский процесс: курс лекций / Исаенкова О.В., Демичев А.А.; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. С. 189.

⁵ См.: Косычева В.В. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству как стадия гражданского процесса // Вестник Российского университета кооперации № 2 (20), 2015 г. С. 89.

⁶ См.: Пилипенко Е.А. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству // Судья. 2014. № 11. С. 10.

волоките, а в ряде случаев и к принятию необоснованных решений»¹, разъясняя судам, что эта самостоятельная стадия гражданского процесса имеет целью обеспечить правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел «и обязательна по каждому гражданскому делу (статья 147 ГПК РФ)»².

В.Н. Ивакин называет такую позицию высшего судебного органа страны неточной, считая, что она основана лишь стремлением обратить особое внимание «на необходимость выделения подготовки дела в качестве весьма важного этапа процессуальной деятельности, надлежащее осуществление которой создает необходимые условия для вынесения судом в последующем законного и обоснованного решения по существу дела»³. Ученый называет еще два довода, которые, с его точки зрения, не позволяют назвать подготовку дела к судебному разбирательству самостоятельной стадией гражданского судопроизводства. Первый связан с тем, что, по его мнению, в действующем гражданском процессуальном законодательстве не установлены процессуальные сроки «подготовки дела, как и сроки этапов возбуждения дела и судебного разбирательства», второй с тем, что «после начала разбирательства дела по существу его слушание может откладываться, причем неоднократно, для совершения действий, носящих подготовительный характер, т.е. фактически может возобновляться подготовка дела к судебному разбирательству, с чем хорошо знакомы адвокаты-представители»⁴. В результате В.Н. Ивакин приходит к

¹ См.: Вступительная часть Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации, 2008 г. № 9.

² См.: Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2008 г. № 11 (ред. от 09.02.2012 г.) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78038/ (дата обращения: 16 января 2021 г.).

³ См.: Ивакин В.Н. Юридическая природа возбуждения гражданского дела в суде общей юрисдикции // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 3. С. 69.

⁴ См.: Там же. С. 69.

выводу, что «не может быть такого, чтобы стадии гражданского процесса не следовали одна за другой, а происходило чередование одних и тех же стадий...»¹.

Действительно, современному гражданскому процессу не известны ограничения, связанные с реализацией процессуальных прав лиц, участвующих в деле, в зависимости от стадии рассмотрения дела в суде первой инстанции, но отсутствие непреодолимых границ не означает, что они не существуют. Например, ответчик по причинам тактического характера может не представлять возражения в письменной форме относительно исковых требований при подготовке дела к судебному разбирательству, несмотря на то что это действие в соответствии со ст. 149 ГПК РФ названо в числе действий ответчика при подготовке дела к судебному разбирательству. Он может воспользоваться этим процессуальным правом в дальнейшем, в любой момент судебного разбирательства, вплоть до момента окончания рассмотрения дела по существу (ст. 189 ГПК РФ), однако это не означает, что в момент представления ответчиком письменных возражений произошел возврат к стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

В противовес мнению В.Н. Ивакина отметим, что действующее гражданское процессуальное законодательство регламентирует сроки принятия заявления и вынесения определения о подготовке дела к судебному разбирательству. В соответствии с требованиями ст. ст. 133 и 147 ГПК РФ судья обязан рассмотреть вопрос о возбуждении гражданского дела в течение пяти дней, а момент принятия гражданского дела к производству совпадает с моментом возбуждения гражданского дела. Что же касается срока подготовки дела к судебному разбирательству, то, как следует из содержания ст. 154 ГПК РФ, гражданские дела рассматриваются и разрешаются судом до истечения двух месяцев со дня поступления заявления в суд, если иные сроки рассмотрения и разрешения не установлены ГПК РФ. Поскольку исчисление данного срока

¹ См.: Ивакин В.Н. Юридическая природа возбуждения гражданского дела в суде общей юрисдикции // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 3. С. 69.

начинается с момента поступления заявления в суд, следовательно, срок рассмотрения и разрешения гражданского дела включает в себя срок подготовки дела к разбирательству. Какой именно срок предоставляется лицам, участвующим в деле, для совершения действий при подготовке дела к судебному разбирательству, перечисленных в ст. 149 ГПК РФ, определяет судья. Об этом имеется соответствующее указание в ч. 1 ст. 147 ГПК РФ, действующей в редакции Федерального закона от 26.07.2019 года № 197-ФЗ¹.

Коль скоро мы коснулись вопроса о сроках рассмотрения и разрешения гражданских дел, то заметим, что гражданские дела по искам о защите от диффамации должны быть рассмотрены судом общей юрисдикции до истечения двух месяцев со дня поступления в суд заявления. В ч. 2 ст. 154 ГПК РФ среди категории дел, рассмотрение и разрешение которых происходит до истечения месяца, диффамационные споры не названы. Соблюдение сроков рассмотрения гражданского дела по иску о защите от диффамации достаточно трудновыполнимая задача, справиться с ней возможно только в случае проведения полноценной подготовки дела к судебному рассмотрению. Процессуальные границы рассматриваемой стадии судопроизводства обозначил М.К. Треушников, заключив, что «подготовка дела как стадия процесса начинается с момента вынесения судьей соответствующего определения и продолжается до вынесения определения о назначении дела к разбирательству в судебном заседании (ст. 153 ГПК РФ)»².

А.В. Чекмарева обоснованно утверждает, что «результат процессуальных действий, совершаемых при подготовке дела к судебному разбирательству, способен оказывать влияние на другие стадии процесса»³.

¹ См.: Ст. 5 Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2019. 31 июля.

² См.: Гражданский процесс: учебник/ Под ред. М.К. Треушникова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2018. С. 357.

³ См.: Чекмарева А.В. К вопросу о содержании процессуальных действий при подготовке дела к судебному разбирательству // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 3. С. 124.

Возвращаясь к вопросу о подготовке гражданского дела о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц к судебному разбирательству, отметим, что в ст. 148 ГПК РФ сформулированы пять универсальных задач подготовки дел к судебному разбирательству, которые актуальны и для гражданских дел о защите от диффамации, рассматриваемых в судах общей юрисдикции.

Рассмотрим каждую из них для исследуемой категории гражданских дел. Исходя из очередности упоминания в ст. 148 ГПК РФ, первой задачей подготовки дела к судебному разбирательству является уточнение фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. Однако, с нашей точки зрения, эта задача настолько тесно взаимосвязана с задачей по определению закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела, что не представляется возможным заключить, какая же из них является первоочередной, а какая последующей. Логичным представляется одновременное совершение действий, направленных на разрешение их обеих, поскольку фактические обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, невозможно не только уточнить, но и выявить, не определив закон, которым следует руководствоваться при разрешении дела. В конечном итоге только после этого станет возможным определить предмет доказывания и характер спорных правоотношений сторон.

При этом ВС РФ разъяснил, что под уточнением обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, следует понимать «действия судьи и лиц, участвующих в деле, по определению юридических фактов, лежащих в основании требований и возражений сторон, с учетом характера спорного правоотношения и норм материального права, подлежащих применению»¹. Как видим, речь идет об элементах и первой, и второй задач, указанных в ст. 148 ГПК РФ.

¹ См.: Пункт 5 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» (в ред. от 9 февраля 2012 г.) // Российская газета. 2008. 2 июля; 2012. 7 февраля.

С позиции автора исследования, имеющего более чем тридцатилетний практический опыт участия в гражданском судопроизводстве, всяческого одобрения и поддержки достойна идея А.В. Чекмаревой о целесообразности в ходе подготовки дела к рассмотрению «в письменном виде фиксировать обстоятельства, на которые ссылаются стороны, и составлять перечень доказательств, достаточных для обоснования той или иной позиции»¹. Как представляется, эта идея осталась недооцененной представителями научного сообщества, в то время как ее реализация и закрепление в гражданском процессе позволили бы устранить ряд процессуальных проблем. Для развития этой идеи, безусловно направленной на усовершенствование гражданского судопроизводства, возможно предложить присвоение порядкового номера каждому представленному доказательству и доводу стороны. Лишь на первый взгляд это предложение не внесет существенных изменений в ход процесса. Однако после его внедрения структура доказательств приобрела бы четкий вид, в принципе невозможной стала бы ситуация игнорирования в решении суда какого-либо доказательства или довода сторон, оставление их без судебной оценки, поскольку такое нарушение требований процессуального закона стало бы очевидным для сторон и суда вышестоящей инстанции. Пронумерованный перечень доводов и доказательств, предоставляемый каждой из сторон в распоряжение суда, очертил бы границы исследования доказательств. Предлагается п. 1 ч. 1 и п. 3 ч. 2 ст. 149 ГПК РФ изложить в новой редакции следующего содержания:

ч. 1 п. 1 «передает ответчику пронумерованный перечень доказательств, обосновывающих фактические основания иска, и их копии;».

ч. 2 п. 3 «передает истцу или его представителю и судье пронумерованный перечень доказательств и доказательства, обосновывающие возражения относительно иска;».

¹ См.: Чекмарева А.В. Участие сторон в процессе доказывания при подготовке гражданских дел к судебному разбирательству // Право. Законодательство. Личность. 2012. № 1. С.161.

Особую значимость, по нашему мнению, такая идея приобретает в гражданских спорах, возникших в связи со сложными, многоуровневыми правоотношениями, к которым, безусловно, относятся дела о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Рассмотрим, как отражены обстоятельства, подлежащие установлению, при рассмотрении дела по иску С. к редакции газеты «Новые времена в Саратове» о защите чести, достоинства и деловой репутации, в определении о принятии заявления к производству суда, возбуждении производства по делу и подготовке дела к судебному разбирательству, вынесенном судьей Октябрьского районного суда г. Саратова: «Для разрешения заявленных требований, руководствуясь ст. ст. 150, 152, 1100 ГК РФ, установлению подлежат следующие обстоятельства, имеющие значения для правильного рассмотрения дела: имеет ли место распространение сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию истца, характер и соответствие действительности сведений, которые истец просит опровергнуть, содержат ли эти сведения утверждения, являются ли сведения фактами либо оценочными (мнениями) авторов, порочат ли такие сведения честь и достоинство истца, основания и размер морального вреда»¹.

Содержание этого процессуального документа на первый взгляд соответствует разъяснениям Постановления Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 в части указания обстоятельств, имеющих значение для дела, но такое их изложение вряд ли способствует скорейшему рассмотрению дела по существу, уяснению сторонами перспектив возникшего спора. Истец оспаривал публикацию сведений об уголовном преследовании, заявляя, что был оправдан судом. Предварительное судебное заседание по делу не проводилось, в связи с этим стороны испытывали очевидные сложности при решении вопросов о том, какие именно доказательства, в какой момент судебного разбирательства необходимо

¹См.: Определение о принятии заявления к производству суда, возбуждении производства по делу и подготовке дела к судебному разбирательству по гражданскому делу № 2-240/2005 г. судьи Октябрьского районного суда г. Саратова от 14 мая 2005 года. Архив Октябрьского районного суда г. Саратова.

представить суду, что повлекло за собой неоднократное отложение разбирательства дела.

Следует обратить внимание и на то, как дословно в ст. 148 ГПК РФ сформулирована задача подготовки гражданского дела к судебному разбирательству по представлению доказательств: «Представление необходимых доказательств сторонами, другими лицами, участвующими в деле». Законодатель называет доказательства необходимыми, но не указывает, кто именно применяет критерий необходимости, в то время как процессуальные действия на данной стадии судопроизводства совершаются, как следует из содержания ст. ст. 149, 150 ГПК РФ, и судьей, и сторонами.

В ходе подготовки к судебному разбирательству каждая из сторон выстраивает некую концепцию доказательств, подтверждающих обстоятельства, на которые она ссылается для обоснования своей позиции, справедливо полагая, что представление доказательств – это ее неотъемлемое право. Однако действующее законодательство содержит ряд правовых положений, которые, по существу, ограничивают это право стороны¹. В частности, из содержания ст. 59 ГПК РФ следует, что «суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела». Указание в ст. 148 ГПК РФ на то, что задачей подготовки дела к судебному разбирательству является «представление необходимых доказательств сторонами», без указания на то, кто именно из участников данной стадии судопроизводства определяет соответствие того или иного доказательства критерию необходимости, наряду с содержанием ст. 59 ГПК РФ, как представляется, демонстрирует необоснованное вмешательство суда в сферу представления доказательств, которая, если строго следовать основополагающему принципу цивилистического процесса, предусматривающему состязательность сторон, является их исключительной прерогативой.

¹ См.: Кобзаренко Е.М. К вопросу о судебском усмотрении, доказывании и состязательности сторон в гражданском процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3 (134) С. 173.

Участие сторон в процессе доказывания при подготовке гражданских дел к судебному разбирательству исследовала А.В. Чекмарева, которая полагает, что данный этап «исходит из состязательного начала, при сочетании властных полномочий судебной власти и определенной свободы распоряжения сторонами своими правами»¹. В целом следует согласиться с приведенным мнением, но нельзя не заметить, что особую важность представляет направленность вектора властных полномочий суда, который не должен стремиться к ограничению состязательности сторон, а должен всемерно ей содействовать. Что же касается свободы распоряжения сторонами своими правами, которую А.В. Чекмарева называет «определенной», то, по нашему мнению, в случае ее ограничения она перестает существовать, трансформируясь в несвободу. В деятельности судьи, как и в любой другой человеческой деятельности, нельзя исключить ошибок. Ограничение судейского усмотрения в ходе представления доказательств, приобщение к материалам дела всех представленных сторонами доказательств позволит судьям вышестоящих инстанций, имеющим более высокую квалификацию и опыт, в ходе проверки решения располагать доказательствами в полном объеме, а не только теми, которые счел необходимым приобщить к материалам дела судья, вынесший решение. Дальнейшее развитие процесса, действия ответчика, безусловно, зависят от того, какие доказательства, подтверждающие обоснованность заявленных исковых требований, представит истец. В ряде случаев уже на стадии подготовки дела к судебному разбирательству вполне может последовать признание иска ответчиком, заключение мирового соглашения.

Примирение сторон также указано среди задач подготовки гражданского дела к судебному разбирательству. Решению этой задачи посвящена глава 14.1 ГПК РФ «Примирительные процедуры. Мировое соглашение», введенная

¹ См.: Чекмарева А.В. Участие сторон в процессе доказывания при подготовке гражданских дел к судебному разбирательству // Право. Законодательство. Личность. 2012. № 1. С. 161.

Федеральным законом от 26 июля 2019 года № 197-ФЗ¹. В целях развития примирительных процедур более десяти лет назад принят Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредников (процедуре медиации)»², вступивший в законную силу 01 января 2011 года. Но и сегодня многие ученые-цивилисты и практические работники констатируют, что количество гражданских дел, рассмотренных с применением данной процедуры, является ничтожно малым, особую популярность данная процедура не снискала, ее введение не смогло существенно изменить ни сроки рассмотрения дел, ни количество дел, находящихся в производстве.

Т.В. Худойкина назвала одиннадцать причин и проблем, в связи с наличием которых, по ее мнению, в Российской Федерации редко используются медиативные процедуры. В их числе: недостаточная правовая регламентация медиации, недоверие к процедуре медиации, недостаточная информированность населения и бизнес-сообщества и др.³ А.В. Чекмарева, напротив, заключила, что «внедрению примирительных процедур в немалой степени способствует менталитет россиян, предпочитающих судиться «по совести»⁴.

Несмотря на то, что примирительные процедуры не являются предметом настоящего исследования, отметим их необходимость в диффамационных спорах, поскольку, как точно заметил А.Н. Кузбагаров, их использование приведет «не только к ускорению процесса, но и к стабилизации и укреплению тех социальных

¹См.: Ст. 5 Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2019. 31 июля.

²Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредников (процедуре медиации)» // Российская газета. 2010. 30 июля.

³См.: Худойкина Т.В. Проблемы развития медиации в России // Проблемы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 2.

⁴ См.: Чекмарева А.В. Проблемы подготовительных процедур в гражданском процессе и возможные пути их решения. // Монография под ред. док. юрид. наук, проф. О.В. Исаенковой. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2015. С. 159.

связей, в которых находятся участники спора»¹. В качестве новации, направленной на примирение тяжущихся, предлагается признать обязательным проведение предварительного судебного заседания, в ходе которого, в необходимых случаях, предусмотреть возможность использования консультации специалиста-лингвиста.

Е.А. Нефедьев более ста лет назад писал, что «спор между сторонами возникает вследствие неясности, неопределенности установившегося между ними правоотношения»². Диффамационный спор, на наш взгляд, есть не что иное как спор о речевой культуре. В императорской России такие споры именовались спорами «о личных обидах и оскорблениях»³. Русский язык в соответствии со ст. 9 ГПК РФ является языком гражданского судопроизводства, но лексика этого великого языка, как отмечает Н.Ю. Шведова, «характеризуется большой активностью и подвижностью – главным образом, в связи с взаимодействием с различными терминологическими подсистемами, с профессиональной речью, а также в связи с видимым размыванием границ между разговорной литературной речью и городским просторечием»⁴. Речевую культуру участников цивилистического процесса подчас можно назвать небогатой, а отсутствие необходимых фоновых знаний порой затрудняет уяснение значения слов и словосочетаний. Вместе с тем мы наблюдаем постоянную динамику языкового сознания, его вариативность, перманентное изменение значений слов и выражений. В этой связи консультация специалиста филолога или лингвиста на стадии подготовки дела к судебному рассмотрению необходима для установления нормативных значений слов и выражений, уяснения коммуникативной цели и

¹ См. Кузбагаров А.Н. Примирительные процедуры при осуществлении правосудия по гражданским делам // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. №1. С. 164.

² См.: Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. МГУ им. М.В. Ломоносова. Кубан. гос. ун-т. – Краснодар: Совет. Кубань, 2005. С. 394.

³ См.: Там же. С. 118.

⁴ См.: Шведова Н.Ю. Предисловие к двадцать первому изданию. С.И. Ожегов. Словарь русского языка. 70 000 слов / Под редакцией Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – Москва: Рус. яз., 1990. С. 6.

намерений говорящего, выявления смысла слов и словосочетаний в конкретной речевой ситуации, возможных интерпретаций спорных текстовых фрагментов, и безусловно способствовала бы скорейшему примирению сторон. Следует согласиться с авторитетным мнением Ю.А. Свирина о том, что «наибольшую эффективность примирительные процедуры будут иметь на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, поскольку разгрузят суд от лишней работы, будут способствовать процессуальной экономии времени, бюджетных расходов на судопроизводство и сделают более эффективным сам процесс восстановления нарушенного права или законного интереса одной из сторон»¹.

Статью 188 ГПК РФ «Консультация специалиста» законодатель поместил в главу 15 ГПК РФ «Судебное разбирательство», что делает возможным использовать устные и письменные консультации лишь в ходе разбирательства дела по существу. В.М. Шерстюк отмечает, что задача специалиста состоит в «оказании содействия суду и лицам, участвующим в деле, в исследовании доказательств»². «Специалист, как и эксперт, дает суду консультацию исходя из профессиональных знаний. Однако в отличие от эксперта, консультация может даваться и в устной форме без проведения специальных исследований»³, – отмечают О.В. Исаенкова и А.А. Демичев. Эту особенность процессуальной природы консультации специалиста логично было бы использовать и в стадии подготовки дела к судебному разбирательству. На необходимость внесения изменений и дополнений в ГПК РФ относительно правового положения специалиста обоснованно обращал внимание А.А. Мохов⁴. В этой связи предлагается изложить ч. 1 ст. 188 ГПК РФ в новой редакции следующего

¹См.: Свирин Ю.А. Актуальные проблемы примирительных процедур в российском праве // Вестник Российской правовой академии. 2020. №3. С.67.

² См.: Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушников. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2018. С. 380.

³ См.: Гражданский процесс: курс лекций / Исаенкова О.В., Демичев А.А.; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. С. 208.

⁴ См.: Мохов А.А. Специалист в гражданском судопроизводстве // Цивилист. 2008.№ 3. С.92.

содержания: «В необходимых случаях при осмотре письменных или вещественных доказательств, воспроизведении аудио- или видеозаписи, назначении экспертизы, допросе свидетелей, принятии мер по обеспечению доказательств к участию в судебном заседании, предварительном судебном заседании суд может привлекать специалистов для получения консультаций, пояснений и оказания непосредственной технической помощи (фотографирования, составления планов и схем, отбора образцов для экспертизы, оценки имущества)».

Необходимость проведения предварительного судебного заседания по репутационным спорам, участниками которых являются СМИ, объясняется существованием двух особенностей исковой давности. Первая связана с установлением специального срока исковой давности, который составляет один год, вторая – с моментом начала его исчисления, которым является опубликование оспариваемых сведений (п. 10 ст. 152 ГК РФ). В иных случаях, как следует из содержания ст. 208 ГК РФ, на требования о защите личных неимущественных прав и неимущественных благ исковая давность не распространяется.

Обосновывая возможность вынесения судьей решения об отказе в иске на стадии подготовки дела без исследования других фактических обстоятельств, М.К. Треушников заключал, что «их исследование нейтрализуется нарушением сроков исковой давности и сроков обращения в суд»¹. О возможности «перехода» из предварительного судебного заседания к рассмотрению дела заключает А.В. Михин: «В случае готовности дела судья выносит определение о проведении судебного разбирательства и переходит, как правило, к рассмотрению дела по существу немедленно в этом же судебном заседании, о чем делается отметка в

¹ См.: Гражданский процесс: Учебник / Под. ред. М.К. Треушникова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2018. С. 357.

протоколе судебного заседания»¹. А.В. Чекмарева также отмечает «проникновение отдельных элементов судебного разбирательства в этап подготовки дел»². Тот же вывод ученый делает и при исследовании вопросов реализации судебной власти в подготовительных процедурах гражданского процесса³, называя проблемы подготовительных процедур и возможные пути их решения⁴. Представляется очевидным, что в гражданском процессе наблюдается «диффузия» предварительного судебного заседания и судебного разбирательства. Не являясь сторонником идеи проведения предварительного судебного заседания по каждому гражданскому делу, которую поддерживает О.Н. Диордиева,⁵ автор исследования считает необходимым его проведение по делам о защите от диффамации вне зависимости от того, кто является лицами, участвующими в деле. Как справедливо указывает А.В. Чекмарева: «Сам замысел введения института предварительного заседания направлен в первую очередь на ускорение судопроизводства, поскольку процесс может завершиться до судебного разбирательства при наличии определенных обстоятельств, что в свою очередь будет способствовать принципу процессуальной экономии»⁶.

В задачи подготовки гражданского дела к судебному разбирательству входит разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, и других участников процесса. Если эта задача будет решена ошибочно, то как минимум в

¹См.: Гражданский процесс: Учебник / Демичев А.А., Исаенкова О.В., Карпычев М.В., Михин А.В. и др.; Под. ред. А.А. Демичева. – 2-е издание, перераб. и доп. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2015. С. 156.

²См.: Чекмарева А.В. К вопросу о содержании процессуальных действий при подготовке дела к судебному разбирательству // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 3. С. 124.

³См.: Чекмарева А.В. Реализация судебной власти в подготовительных процедурах гражданского процесса // Власть. 2013. Том 21. № 7. С. 142.

⁴См.: Чекмарева А.В. Проблемы подготовительных процедур в гражданском процессе и возможные пути их решения// Монография под ред. док. юрид. наук, проф. О.В. Исаенковой. – Саратов: издательский центр «Наука», 2015. С. 107.

⁵См.: Диордиева О.Н. Предварительное судебное заседание в гражданском процессе// Мировой судья. 2005. № 6. С. 12-16.

⁶См.: Чекмарева А.В. Проблемы подготовительных процедур в гражданском процессе и возможные пути их решения// Монография под ред. док. юрид. наук, проф. О.В. Исаенковой. – Саратов: издательский центр «Наука», 2015. С. 180.

случае своевременного исправления ошибки это повлечет нарушение сроков судебного разбирательства, а если ошибка так и не будет выявлена судом первой инстанции, который разрешит вопрос о правах или обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле, то такое решение будет отменено апелляционной инстанцией на основании требований п. 4 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ. «Задачи подготовки считаются решенными, если дело было рассмотрено в первом же судебном заседании и вынесенное по нему решение не отменено и не изменено впоследствии судом вышестоящей инстанции»¹, – обоснованно заключают О.В. Исаенкова и А.А. Демичев. Признав дело подготовленным, судья выносит определение о назначении гражданского дела к разбирательству в судебном заседании (ст. 153 ГПК РФ), которое знаменует собой начало следующей стадии гражданского судопроизводства – судебное разбирательство.

В целом возможности такой относительно новой процедуры, как предварительное судебное заседание, не известной гражданской процессуальной науке до 2002 года, входящей в стадию подготовки гражданского дела к судебному разбирательству, представляются недооцененными. Следует признать правоту А.В. Чекмаревой, которая, проанализировав судебную практику, сделала вывод о том, что у судей наблюдается нигилистическое отношение «к подготовительному этапу в целом и к таким его элементам, как предварительное судебное заседание, примирительные процедуры, медиация»².

Исследование стадии подготовки к судебному разбирательству по гражданским делам о защите от диффамации позволяет предложить проведение обязательного предварительного судебного заседания по каждому делу исследуемой категории с участием, в необходимых случаях, специалиста-лингвиста для получения консультаций о нормативном значении слов и выражений, в целях уяснения коммуникативной цели и намерений говорящего,

¹ См.: Гражданский процесс: курс лекций / Исаенкова О.В., Демичев А.А.; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. С. 190.

² См.: Чекмарева А.В. Подготовка дела к судебному разбирательству с позиции процедурности цивилистического процесса // Современное право. 2014. № 5. С. 89.

выявления смысла слов и словосочетаний в конкретной речевой ситуации, возможных интерпретаций спорных текстовых фрагментов. Принятие данного предложения, помимо прочего, будет способствовать примирению сторон, являющегося законодательно установленной задачей подготовки дела к судебному разбирательству.

Глава 3. Процессуальные особенности доказывания и рассмотрения по существу исковых требований о защите от диффамации

3.1. Особенности доказывания по гражданским делам о защите чести, достоинства и деловой репутации

Переходя к исследованию доказательств и процесса доказывания в диффамационном споре, прежде всего необходимо соотнести такие понятия как деятельность по судебному доказыванию и познание объективной действительности. Основанным на законах формальной логики является мнение О.В. Исаенковой: «По своей сути доказывание является деятельностью, процессом познания действительности. Однако познание объективной действительности является гораздо более широким понятием, чем доказывание, тем более доказывание судебное»¹. Но является ли результат судебного доказывания истиной? На этот вопрос невозможно ответить утвердительно, поскольку под истиной понимается лишь «соответствие нашего мышления реальности»². В этой связи следует согласиться с А.А. Ференц-Сороцким, который, исследуя аксиомы гражданского процесса, заключил: «Формальная истина – это истина, которая признается таковой, если она соответствует формальным указаниям закона. Это вероятностная истина»³. Результат судебного доказывания, действительные обстоятельства дела и объективная истина могут в полной мере не совпадать, и это достаточно рельефно видно на примерах рассмотрения диффамационных споров. Степень такого совпадения зависит от множества факторов: насколько четко и правильно сформулированы притязания стороны, располагает ли сторона допустимыми и относимыми доказательствами,

¹ См.: Гражданский процесс: Учебник /Демичев А.А., Исаенкова О.В., Карпычев М.В., Михин А.В. и др.; Под. ред. А.А. Демичева. – 2-е издание, перераб. и доп. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2015. С. 106.

² См.: Философский словарь. Энциклопедия философских терминов онлайн. // URL:<http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/i/istina.html>(дата обращения: 22 января 2021 г.).

³ См.: Ференц-Сороцкий А.А. Аксиомы гражданского процесса и некоторые вопросы доказывания. Тенденции развития гражданского процессуального права России: Сб. науч. статей. – СПб: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2008. С. 264.

правильно ли уяснит суд концепцию доказывания, сформированную стороной, и т.д., и т.п.

В науке гражданского процессуального права представлены две точки зрения на концептуальные положения о теории доказательств, сущности доказывания и их субъектах. Ряд видных ученых-цивилистов полагают, что деятельность по судебному доказыванию осуществляют не только лица, участвующие в деле, но и суд. Такая точка зрения нашла свое отражение в трудах И.М. Зайцева и С.Ф. Афанасьева¹, И.В. Решетниковой и В.В. Яркова², Т.В. Сахновой³, М.К. Треушниковой⁴ и др.

Сторонники иной позиции рассматривают доказывание как процессуальную деятельность сторон. В.В. Молчанов считает, что «доказывание следует рассматривать исключительно как деятельность сторон по утверждению о фактах и представлению доказательств, целью которых является убеждение суда в своей правоте»⁵. Такая точка зрения соответствует положениям традиционной доктрины гражданского процесса.

Е.А. Нефедьев писал, что при рассмотрении спора суд «должен решить его исключительно на основании тех доказательств, которые представляются тяжущимися»⁶, считая, что «предметом доказывания является то положение, утверждение, в истинности которого нужно убедить судью»⁷. Как представляется, противное означало бы, что суд доказывает сам себе, убеждает сам себя.

Еще одним аргументом против активности суда в процессе доказывания является невозможность доказывания обстоятельств, участником которых суд как

¹См.: Гражданский процесс России: Учебник / Под ред. док. юрид. наук, проф. М.А. Викут. М.: Юрист, 2004. С. 167-168.

² См.: Гражданский процесс. Курс лекций / Решетникова И.В., Ярков В.В. 4-е издание, перераб. М.: Изд-во Норма, 2005. С. 93.

³ См.: Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты / Сахнова Т.В. М.: Волтерс. Клувер, 2008. С. 349.

⁴См.: Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушниковой. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2018. С. 246.

⁵ См.: Там же. С. 246.

⁶См.: Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. МГУ им. М.В. Ломоносова. Кубан. гос. ун-т. – Краснодар: Совет. Кубань, 2005. С. 212.

⁷См.: Там же. С. 213.

субъект доказывания не был. Такой позиции придерживался А.Х. Гольмстен, заключая, что «доказательства всегда представляются стороной; доказывание есть предмет права стороны и права исключительного; суд ни в каком случае не собирает сам доказательств или справок»¹. Положения современного гражданского процессуального закона, в частности ст. 56 ГПК РФ, во многом отличаются преемственностью этих идей.

По мнению М.Ю. Лебедева, суд «помогает сторонам в доказывании»², но тогда неразрешенным остается вопрос о том, кто обеспечит контроль за тем, чтобы такая помощь оказывалась сторонам в равной мере, в соответствии с принципом процессуального равноправия сторон. Убедительной и логичной представляется позиция Г.Л. Осокиной, которая называет суд субъектом познания, а лиц, участвующих в деле, – субъектами судебного доказывания³.

Ретроспективный взгляд на исторические события XIX–XX веков позволяет предположить, что каждой общественно-политической формации соответствуют свои представления о роли суда в процессе доказывания. И.Н. Сенякин справедливо заключил, что социально-экономические условия «диктуют те социальные ценности, защиту которых и призвано осуществлять правосудие»⁴.

Например, в соответствии со ст. 14 ГПК РСФСР на суд возлагалась практически невыполнимая обязанность «не ограничиваясь представленными материалами и объяснениями, принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон»⁵, что было вполне оправдано в период

¹См.: Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства / Под ред. Треушников М.К., Поповой Ю.А. – Краснодар, 2004. С. 185.

²См.: Лебедев М.Ю. Гражданский процесс: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / Под ред. М.Ю. Лебедева. – М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 100.

³См.: Осокина Г.Л. Курс гражданского судопроизводства России. Общая часть. Учебное пособие. – Томск: изд-во Том. ун-та, 2002. С. 514.

⁴См.: Сенякин И.Н. Правосудие и нравственные основы его осуществления. Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения: Научно-практическая конференция (3-4 октября 2001 г.) / Под ред. А.И. Демидова. – Саратов: СГАП, 2001. С. 117.

⁵ См.: Ст. 14 ГПК РСФСР 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24 (утратил силу с 1 февраля 2003 года. – Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 137-ФЗ).

построения социализма, поскольку такая активная следственная роль суда объяснялась идеологически. Но существуют ли сегодня основания для вмешательства суда в частноправовые отношения сторон? Скорее такая активность суда унаследована из советского гражданского процесса, что, по мнению автора, в современных условиях является анахронизмом.

Что касается определения предмета доказывания, заметим, что в гражданском процессуальном законодательстве мы не обнаруживаем такую дефиницию, но она активно используется на практике и в ходе научных изысканий. Точное и лаконичное определение предложил В.В. Ярков: «Совокупность юридических фактов, которые необходимо установить путем опосредованного познания, иначе говоря, доказать субъектам доказывания, называется предметом доказывания»¹. Как представляется, понятие «предмет доказывания» по своей сути тождественно содержанию ч. 2 ст. 56 ГПК РФ. В.В. Молчанов указывает, что в ряде случаев определение предмета доказывания «представляет известную сложность в силу того, что многие нормы законодательства имеют относительно определенную диспозицию»².

Применительно к исследуемой нами категории гражданских дел, исходя из содержания ст. 152 ГК РФ, характера спорных правоотношений сторон, предмет доказывания совпадает с обстоятельствами, подлежащими доказыванию, перечисленными в п. 7 Постановления Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 следующим образом: «факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности». Распределение обязанностей по доказыванию этих обстоятельств, по сравнению с общим правилом, сформулированным в ч. 1 ст. 56 ГПК РФ, является процессуальной особенностью данной категории дел.

¹ См.: Ярков В.В. Доказывание процессуальных юридических фактов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 1. С. 33.

² См.: Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2018. С. 252.

П. 9 того же Постановления гласит: «...обязанность доказать соответствие действительности распространенных сведений лежит на ответчике. Истец обязан доказать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, а также порочащий характер этих сведений». Такой подход разнится с традиционным представлением о распределении обязанностей по доказыванию. Е.А. Нефедьев писал, что обязанность доказывания «лежит, прежде всего, на истце. Это должно следовать уже из той роли (наступательной), которая принадлежит ему в процессе. Таким образом, пока истец не доказал своих утверждений, ответчику нечего доказывать»¹. Отступление от этого правила объясняется тем, что в ходе рассмотрения диффамационного спора мы имеем дело с доказательственными (правовыми) презумпциями (предположениями), которые, как отмечал Е.А. Нефедьев, «устанавливаются для облегчения доказывания»².

Доказательственная (правовая) презумпция, предполагающая, что распространенные конкретным лицом (ответчиком) порочащие сведения не соответствуют действительности, пока не будет доказано обратное, установлена ч. 1 ст. 152 ГК РФ. Еще одна доказательственная (правовая) презумпция предполагает наличие у лица, обратившегося в суд, чести, достоинства и деловой репутации. Следовательно, мы имеем дело с исключениями из общего правила распределения обязанностей по доказыванию. Такой вывод полностью соотносится с мнением Г.Л. Осокиной, которая отмечает, что предположения о существовании искомого факта «не выводят его за пределы предмета доказывания, а лишь перераспределяют бремя доказывания между сторонами доказывания»³.

Презумпция, сформулированная в ч. 1 ст. 150 ГК РФ, по нашему мнению, применима лишь в тех случаях, когда истцом выступает физическое лицо. В этой

¹ См.: Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. МГУ им. М.В. Ломоносова. Кубан. гос. ун-т. – Краснодар: Совет. Кубань, 2005. С. 218.

² См.: Там же С. 214.

³ См.: Осокина Г.Л. Курс гражданского судопроизводства России. Общая часть. Учебное пособие. – Томск: изд-во Том. ун-та, 2002. С. 530.

норме указано, что нематериальные блага принадлежат гражданину от рождения и являются неотчуждаемыми. Законодателем не установлена презумпция существования деловой репутации у юридического лица, следовательно, обратившемуся в суд юридическому лицу это обстоятельство предстоит доказать.

Существует и другое мнение, которое разделяют юристы, представляющие интересы юридических лиц. Кратко оно сводится к тому, что коль скоро в п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 года № 3 указано, что деловая репутация юридических лиц является «одним из условий их успешной деятельности», то «наличие у юридического лица деловой репутации (как и наличие у гражданина чести и достоинства) презюмируется»¹. Как представляется, сторонники такой позиции ошибаются дважды. Первая ошибка кроется в неверном понимании текстуального содержания, ведь речь идет лишь об условиях успешной деятельности юридического лица, но такая деятельность может быть и безуспешной, имеющей отрицательный результат. Вторая состоит в том, что ее сторонники не учитывают, что постановления Пленума ВС РФ не являются федеральным законом, в то время как в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 56 ГПК РФ исключения из общего правила распределения доказывания должны быть предусмотрены федеральным законом. Дискуссия по вопросу о том, является ли судебный прецедент источником российского права, ведется давно и представлена достаточно широким спектром мнений «от признания судебной практики в качестве источника права до полного отрицания такого ее значения»². Авторитетным является мнение А.Т. Боннера о том, что судебная деятельность – это сфера правоприменения, а постановления Пленумов относятся к «суррогатам нормативных актов»³.

¹ См.: Земскова С.И., Шахов В.В. Долгий путь к чести и достоинству. Кострома, 2007. С. 76.

² См.: Ярков В.В. Статус судебной практики в России: некоторые вопросы. // Тенденции развития гражданского процессуального права России: Сб. науч. статей. СПб: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2008. С. 56.

³ См.: Боннер А.Т. Судебный прецедент в российской правовой системе // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса / Под ред. В.В. Яркова. СПб, 2004. № 3. С. 160.

В ходе диссертационного исследования с учетом позиции ВС РФ по рассматриваемому вопросу обстоятельства, подлежащие доказыванию по диффамационным спорам, были разделены на пять обособленных групп, в то время как в п. 7 Постановления Пленума ВС РФ от 24.02.2005 года № 3 названы лишь три таких обстоятельства. Логический анализ доказательств, представленных в подтверждение первого из них – факта распространения ответчиком сведений об истце, может привести к четырем взаимоисключающим выводам: а) сведения не были распространены; б) сведения об истце распространены не ответчиком, а другим лицом; в) сведения распространены ответчиком, но эти сведения не имеют отношения к истцу; г) сведения об истце распространены ответчиком. При этом доказыванию подлежат также порочащий характер и несоответствие действительности распространенных сведений. Эти доводы подтверждают необходимость создания по делам о защите от диффамации стройной иерархичной системы доказывания обстоятельств, имеющих значение для дела, исключающей саму возможность одновременного представления всех доказательств по делу. При этом первоочередной задачей является установление самого факта распространения сведений. На важность построения такой системы «средств доказывания и самой познавательно-доказательственной деятельности лиц, участвующих в деле (прежде всего сторон), и суда»¹ обращала внимание А.Г. Коваленко.

Необходимо согласиться с суждением В.В. Яркова о том, что «на каждом витке развития процессуального права и всей гражданской юрисдикции следует выбирать наиболее приемлемый и рациональный инструментарий, который будет адекватно отражать существующие реалии»².

¹См.: Коваленко А.Г. Влияние судебной власти на доказательственную деятельность в гражданской и арбитражной юстиции. Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения: Научно-практическая конференция (3-4 октября 2001 г.) / Под ред. А.И. Демидова. – Саратов: СГАП, 2001. С. 189.

² См.: Ярков В.В. Современные проблемы доступа к правосудию в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2001. №1. С.21.

Нельзя исключить, например, что истец, обратившись с иском о защите от диффамации, заблуждается относительно состава обстоятельств, подлежащих доказыванию, и их правового понимания, ссылаясь на то, что оспариваемые им диффамационные сведения были ему сообщены ответчиком с соблюдением условий, позволяющих гарантировать конфиденциальность, тем самым по существу признавая обстоятельство, исключающее удовлетворение его исковых требований.

Не следует считать, что подобные ситуации редки в судебной практике. Поисковый запрос о решениях, в которых содержится фраза «истцом не доказан факт распространения сведений», с использованием интернет-ресурса «Судебные и нормативные акты Российской Федерации»¹ позволил выявить 31044 таких гражданских дела. Признание этого обстоятельства, по нашему мнению, должно исключать дальнейшее судебное разбирательство, поскольку позволяет реализовать лишь два процессуальных варианта:

1) реализация истцом права на отказ от исковых требований, процессуальным последствием которого, в случае принятия такого отказа судом, в соответствии со ст. 220 ГПК РФ является прекращение производства по делу;

2) рассмотрение дела по существу, без исследования иных доказательств, с вынесением решения об отказе в удовлетворении исковых требований по мотивам недоказанности факта распространения ответчиком сведений.

Так, в решении Хабаровского районного суда об отказе в удовлетворении исковых требований С. к Д. о защите от диффамации указано: «Истцом по делу не оспаривался факт того, что оскорбления в ее адрес высказывались ответчиком в отсутствии каких-либо свидетелей»². Однако решение, в основе которого лежит

¹ См.: Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру) – это крупнейший интегратор судебных решений всех судов Российской Федерации. СудАкт.Ру представляет собой универсальный портал, содержащий тексты документов всех судов Российской Федерации. // URL:<https://sudact.ru/about/> (дата обращения: 26 января 2021 г.).

² См.: Решение Хабаровского районного суда Хабаровского края от 17.02.2020 года по гражданскому делу № 2-519/2020 г. // URL:<https://sudact.ru/regular/doc/0bZYClBXXv6D/> (дата обращения: 26 января 2021 г.).

признание факта, было вынесено судом спустя более двух месяцев с момента поступления в суд искового заявления, после проведения нескольких судебных заседаний, что вряд ли можно признать соблюдением принципа процессуальной экономии.

Процессуальные особенности доказывания факта распространения диффамационных сведений выявляются также в случаях, когда негативная информация об истце содержится в обращениях ответчика в государственные органы и органы местного самоуправления. Несмотря на разъяснения ВС РФ о том, что направление таких обращений не следует рассматривать как распространение не соответствующих действительности порочащих сведений, даже в тех случаях, когда эти сведения не нашли своего подтверждения в ходе соответствующей проверки, т.к. «в указанном случае имела место реализация гражданином конституционного права на обращение в органы, которые в силу закона обязаны проверять поступившую информацию»¹, судебная практика по данному вопросу противоречива. Обосновывая вывод о том, что факт распространения все-таки имел место, суды в своих решениях указывают, например, что содержание обращения в государственные органы «...пройдя через различные инстанции, стало известно не только адресатам, но и широкому неопределенному кругу лиц, т.е. факт распространения содержащихся в нем сведений нашел свое подтверждение в судебном заседании»². Решение суда первой инстанции об удовлетворении требований истца, содержащее вышеуказанные доводы, было обжаловано ответчиком в установленном законом порядке, но оставлено без изменения судами кассационной³ и надзорной

¹ См.: Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газета. 2005. 15 марта.

² См.: Решение Октябрьского районного суда города Саратова от 10 февраля 2010 года по гражданскому делу № 2-79/2010. Архив Октябрьского районного суда г. Саратова.

³ См.: Кассационное определение судебной коллегии по гражданским делам Саратовского областного суда от 23 марта 2010 г. по гражданскому делу № 2-79/2010. Архив Октябрьского районного суда г. Саратова.

инстанции¹. Такая позиция судов, по нашему мнению, сформирована без учета того, что прохождение обращения гражданина через различные инстанции осуществляется на основании инструкций о делопроизводстве, а не по воле его инициатора. В том же пункте Постановления Пленума ВС РФ назван единственный случай, позволяющий удовлетворить требования о защите от диффамации – «если при рассмотрении дела суд установит, что обращение в указанные органы не имело под собой никаких оснований и продиктовано не намерением исполнить свой гражданский долг или защитить права и охраняемые законом интересы, а исключительно намерением причинить вред другому лицу, то есть имело место злоупотребление правом (пункты 1 и 2 ст. 10 ГК РФ)».

Полагаем, перед нами обстоятельство, подлежащее доказыванию, о котором не сообщается в названном Постановлении. Предлагаем сформулировать его следующим образом: имеет ли место факт злоупотребления ответчиком правом на обращение в государственные органы или органы местного самоуправления. Вынесение решения, содержащего вывод о злоупотреблении конституционным правом на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, без вынесения этого обстоятельства на обсуждение сторон и распределения обязанности по доказыванию, по нашему мнению, не соответствует принципу состязательности сторон.

Анализ п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 позволяет сделать вывод о конкуренции содержания второго и третьего абзацев. Суть второго сводится к обеспечению реализации ст. 33 Конституции РФ, даже в тех случаях, когда «эти сведения в ходе их проверки не нашли подтверждения, данное обстоятельство само по себе не может служить основанием для привлечения лица к гражданско-правовой ответственности...». Одновременно с этим содержание третьего абзаца нивелирует действие указанной конституционной гарантии.

¹См.: Определение судьи ВС РФ об отказе в передаче надзорной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда надзорной инстанции от 08 июня 2010 г. по гражданскому делу № 2-79/2010. Архив Октябрьского районного суда г. Саратова.

Исходя из того, что обязанность доказывания факта распространения сведений возложена на истца, следовательно, именно он должен представить не только доказательства направления ответчиком письменного обращения в адрес государственных органов и органов местного самоуправления, его получения адресатом, но и доказательства того, что сведения, содержащиеся в обращении, не имели под собой оснований. Думается, что только совокупность этих двух компонентов позволяет суду сделать вывод о том, что распространение порочащих сведений имело место. Перераспределение обязанностей по доказыванию происходит в том случае, если истец заявит, что сведения, содержащиеся в обращении ответчика, не имели под собой оснований, и тогда ответчик будет обязан доказать обоснованность своих возражений. На первый взгляд, такая процессуальная ситуация развивается в русле разъяснений Пленума ВС РФ о том, что по делам данной категории на ответчика возлагается бремя доказывания соответствия действительности распространенных им сведений. Однако в тех случаях, когда в обращении речь шла о конфиденциальных сведениях, на ответчика возлагается практически неисполнимая задача, поскольку сбор и распространение сведений такого характера в РФ запрещены под угрозой привлечения к ответственности¹. Достаточно упомянуть ограничения по сбору информации, связанной с тайной персональных данных граждан², тайной частной жизни, личной и семейной тайны³, тайной источника информации средства массовой информации⁴ и т.п. Исследователями неоднократно предпринимались

¹См.: Указ Президента РФ от 06 марта 1997 года № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» // Собр. законодательства Российской Федерации от 10 марта 1997 г. № 10, ст. 1127.

²См.: Ст. 7 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I), ст. 3451.

³См.: Ст. 23 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г., 14 марта 2020 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.

⁴См.: Ст. 41 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-I «О средствах массовой информации». Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 13 февраля 1992 г. № 7, ст. 300.

попытки формирования перечня таких сведений. По некоторым оценкам, в нем более 26 позиций¹.

Следует сказать и еще об одном противоречии. В постановлении Пленума ВС РФ речь идет о случаях злоупотребления *ответчиком* правом при направлении обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, при этом ст. 10 ГК РФ предусматривает неблагоприятные последствия в случае установления злоупотребления правом лишь для лица, которое обратилось за защитой принадлежащего ему права, т.е. для *истца* (ч. 2. ст. 10 ГК РФ). При этом часть 5 ст. 10 ГК РФ гласит: «Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагается». На наш взгляд, перед нами еще одна правовая (доказательственная) презумпция. Применительно к исследуемой ситуации следует исходить из того, что гражданин, направляя обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, освобождается от обязанности по доказыванию оснований для такого обращения. Вышеуказанное приводит нас к выводу о том, что наличие в материальном законе данной презумпции не нашло своего отражения при распределении обязанностей по доказыванию по делам о защите от диффамации.

Известную сложность представляют вопросы доказывания распространения диффамационных сведений в сети Интернет. Прежде всего потому, что наполнение виртуального пространства информацией постоянно изменяется. Сведения, которые еще минуту назад были зримы и общедоступны, могут быть мгновенно, в один клик, удалены или изменены в результате редактирования или модерации. Одним из способов фиксации таких сведений в сети Интернет, в многочисленных мессенджерах² является изготовление скриншота¹ страницы.

¹ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) (Смирнов А.В., Калиновский К.Б.) / Под общ. ред. А.В. Смирнова. СПС Гарант.// URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17039#jJOR89TUPYLBJueM1> (дата обращения: 15 января 2020 г.).

²Мессенджер – это клиентская программа, необходимая для мгновенного обмена сообщениями. Кроме того, многие современные мессенджеры позволяют обмениваться не

Оспаривая это доказательство, ответчик вправе ссылаться на возможность внесения изменений в скриншот с помощью специальных технических устройств и программ. В такой ситуации закрепление доказательств следует произвести с помощью совершения нотариального действия, в ходе которого нотариус производит осмотр информации, находящейся на странице сайта или мессенджера. Такой способ обеспечения доказательств применяется в случае «если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным»². Н.А. Артебьякина обоснованно считает, что порядок проведения данного нотариального действия, предусмотренный ст. 103 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате», нуждается в дополнительной регламентации³. Следует отметить, что с 29 декабря 2020 года вышеназванная норма действует в новой редакции⁴. Безусловным новшеством является возможность проведения такого нотариального действия удаленно. В результате его совершения возникают основания для освобождения от доказывания, предусмотренные ч. 5 ст. 61 ГПК РФ. При этом следует иметь в виду, что в той же норме названы два основания, которые способны нейтрализовать такое освобождение.

только сообщениями, но и фотографиями, видеороликами, файлами и т.д. // URL:<https://aboutmessenger.ru/messendzher-chto-eto-takoe/> (дата обращения 01.02.2021 г.).

¹Скриншот – снимок экрана (также скрин, скриншот от англ.*Screenshot* – «снимок экрана») – изображение, полученное устройством и показывающее в точности то, что видит пользователь на экране монитора или другого визуального устройства вывода. Обычно снимок экрана создается по команде пользователя, с помощью встроенной функции операционной системы или специальной программой. Иногда снимки экрана получают с помощью внешнего устройства, такого, как фото видеокамера, или путем перехвата видеосигнала от компьютера к монитору. // URL:<https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 01.02.2021 г.).

²См.: Ст. 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 г. № 4462-1) (ред. от 30.12.2020 г.) / Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ от 11 марта 1993 г., № 10, ст. 357.

³ См.: Артебьякина Н.А. Протокол осмотра нотариусом интернет-страницы как средство обеспечения доказательств в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 274.

⁴ См.: Ст. 1 Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ от 30 декабря 2019 г. № 52 (часть I), ст. 7798.

Действующее гражданское процессуальное законодательство предусматривает возможность обеспечения доказательств непосредственно судом, но лишь в случае, когда дело уже находится в производстве суда (ст. ст. 64–66 ГПК РФ). Это положение закона, с нашей точки зрения, не позволяет в необходимой мере обеспечить содействие истцу в обеспечении доказательств и быстрое действие, т.е. «немедленное, по требованию лица, восприятие судом данного доказательства, вне указанных законом условий допустимости его»¹. Сопоставляя нормы ГПК РФ и «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» о необходимости обеспечения доказательств в виде осмотра информации, находящейся в сети Интернет, приходится констатировать ряд существенных недостатков норм ГПК РФ, такие как: невозможность их применения до принятия гражданского дела к производству суда; невозможность совершения действия по обеспечению доказательств удаленно; невозможность обеспечения доказательств в случае невозможности установления будущих участников дела; применение обеспечительных мер только тем судьей, в производстве которого находится гражданское дело.

С точки зрения допустимости доказательств представляют интерес случаи, когда истец ссылается на распространение диффамационных сведений в присутствии очевидцев, опираясь на свидетельские показания. В учебной литературе свидетель – «юридически незаинтересованный участник гражданского судопроизводства, знающий факты рассматриваемого дела, о которых обязан дать показания в судебном заседании»².

Как известно, свидетельские показания в качестве средства доказывания допустимы далеко не по всем гражданским делам. Например, такое ограничение содержит ч. 1 ст. 162 ГК РФ. Полагаем, что запрет ссылаться на показания свидетелей должен быть распространен и на диффамационные споры в тех

¹См.: Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства / Под ред. Треушниковой М.К., Поповой Ю.А. – Краснодар, 2004. С. 189.

² См.: Нахова Е.А. Доказательственное право в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве. Учебник. СПб: Изд-во «ВВМ», 2017. С. 274.

случаях, когда речь идет об установлении содержания распространенных сведений, вне зависимости от формы распространения. «Свидетели могут доставлять неверные сведения не только умышленно, но и неумышленно, потому что, по личным свойствам, они не могут получить верного (или даже никакого) представления о событиях, которые перед ними совершаются»¹. Это замечание Е.А. Нефедьева приобретает особую значимость при рассмотрении диффамационных споров, поскольку восприятие свидетелями той или иной информации и способность воспроизвести ее в ходе судебного заседания разнится в зависимости от целого ряда факторов, таких как: уровень образования и культуры, психическое и физическое здоровье, гендерные и возрастные различия, наличие или отсутствие фоновых знаний и т.п. Свидетелям трудно, а подчас и невозможно дословно воспроизвести услышанное или прочитанное. Фактически показания свидетелей – это лишь интерпретация ими каких-либо сведений.

В качестве примера надлежащей судебной оценки свидетельских показаний следует привести цитату из решения Октябрьского районного суда г. Саратова по диффамационному спору, в ходе рассмотрения которого в целях доказывания содержания распространенных ответчиком сведений были допрошены семь свидетелей. Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд указал в решении, что показания всех семи свидетелей «не могут являться допустимыми доказательствами высказываний со стороны ответчика в адрес истца, так как они не конкретизированы, носят субъективный характер и не подтверждены иными доказательствами, позволяющими установить факт распространения ответчиком сведений в отношении истца и их порочащий характер»².

На основании этих аргументов предлагается ввести запрет на использование свидетельских показаний в качестве средства доказывания в случаях распространения диффамационных сведений в устной форме, дополнив часть 1

¹ См.: Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. МГУ им. М.В. Ломоносова. Кубан. гос. ун-т. – Краснодар: Совет. Кубань, 2005. С. 230.

² См.: Решение Октябрьского районного суда города Саратова от 24 февраля 2014 г. по гражданскому делу № 2-445/14. // URL://sudact.ru/regular/doc/xSA38WPUOnUE/(дата обращения: 03 февраля 2021 г.).

ст. 152 ГК РФ следующим положением: «В случаях, когда диффамационные сведения распространены в устной форме, использование свидетельских показаний для доказывания их содержания не допускается, что не лишает стороны возможности ссылаться на иные средства доказывания».

На наш взгляд, единственным допустимым доказательством распространения ответчиком сведений в устной форме является аудио- или видеозапись.

Н.А. Чечина считала, что введение звукозаписи как доказательства противоречит морали¹. А.А. Ференц-Сороцкий, рассуждая о звукозаписях, заметил, что «зачастую их получают путем подслушивания и подсматривания, граждане превращаются в добровольных шпионов»². На это следует возразить, что мир стремительно развивается, и сегодня невозможно себе представить право без использования цифровизации, без таких доказательств, как аудио- и видеозаписи. А.Т. Боннер справедливо указывал на определенные проблемы, связанные со спецификой «аудиовизуального произведения как доказательства»³. К таким проблемам следует причислить и вопросы законности проведения звуко- и видеозаписей. Дискуссия по вопросу о том, являются ли аудио- и видеозаписи допустимым доказательством, вполне объяснима, поскольку речь идет о фундаментальных правах и свободах человека.

На наш взгляд, если на аудио- или видеозаписи нашли свое отражение обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу, то вне зависимости от того, в каких условиях осуществлялись эти записи, они должны быть приобщены к материалам дела, исследованы и подвергнуты судебной оценке.

¹ См.: Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб: Издательский дом СПбГУ, 2004. С. 283.

² См.: Ференц-Сороцкий А.А. Аксиомы гражданского процесса и некоторые вопросы доказывания. Тенденции развития гражданского процессуального права России: Сб. науч. статей. СПб: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2008. С. 254.

³ См.: Боннер А.Т. Аудиовизуальные произведения как доказательство в гражданском и арбитражном процессе. // Материалы Международной научно-практической конференции «Гражданское судопроизводство в изменяющейся России» (г. Саратов, 14-15 сентября 2007 г.) / Под ред. О.В. Исаенковой; Изд-во «Научная книга», 2007. С. 52.

Еще одна особенность доказывания распространения сведений выявляется в случаях, когда истец предоставляет в суд запись аудиовизуальной программы СМИ. Однако решающее значение в таких случаях имеет установление факта выхода в эфир радио- или телевизионной программы, что происходит далеко не во всех случаях. Кроме того, контент радио- или телепрограммы мог быть изменен в результате редактирования. В связи с этим представленную истцом аудио- или видеозапись нельзя считать достоверным доказательством распространения сведений до получения ответа за запрос из редакции СМИ (радиостанции, телекомпании и т.п.). Установить прямое действительное содержание сведений, распространенных в радио- или телепрограмме в отсутствие аудио- или видеозаписи, без подтверждения надлежащим средством доказывания самого факта выхода программы, содержащей оспариваемые истцом сведения, с нашей точки зрения, невозможно.

А.Т. Боннер основным достоинством аудио- и особенно видеозаписи считал «высокую степень убедительности»¹. К сожалению, до настоящего времени в действующее законодательство не внедрены предложения ученого о необходимости возложения на сторону, по инициативе которой приобщается к материалам дела аудио- или видеозапись, обязанности по предоставлению «расшифровки» такой записи. Реализация этого предложения упростила и ускорила бы исследование в суде этого важного доказательства.

Относительно состава доказательств распространения оспариваемых истцом сведений именно ответчиком, а не другим лицом, отметим, что все доказательства, используемые для установления самого факта распространения сведений, могут быть использованы для доказывания распространения сведений именно ответчиком, но порой возникает необходимость в использовании специальных знаний (ст. 79 ГПК РФ) и назначении экспертизы. Поскольку бремя доказывания распространения сведений несет истец, именно он чаще всего

¹См.: Боннер А.Т. Аудио- и видеозаписи как доказательство в гражданском и арбитражном процессе // Законодательство. М., 2008. № 3. С. 83-84.

выступает инициатором ее проведения. Вид (род) экспертизы¹, которая может быть использована для доказывания факта распространения сведений определенным лицом, зависит от способа распространения диффамационных сведений.

В случае распространения таких сведений в письме (обращении, жалобе и т.п.) на бумажном носителе в виде рукописного текста без подписи автора (анонимно) может быть назначена почерковедческая экспертиза в целях исследования почерка и подписей. Если оспариваемые истцом сведения распространены в письме (обращении, жалобе и т.п.) на бумажном носителе в виде текста, выполненного с использованием пишущей машинки, компьютерной или иной техники, то целесообразным является назначение и проведение автороведческой экспертизы (исследования письменной речи с целью установления авторства), компьютерно-технической экспертизы (исследования информационных компьютерных средств).

Для исследования фрагмента (вырезки) из печатного издания, продукции средств массовой информации (газеты, журнала, дайджеста и т.п.), которое в полном объеме не сохранилось, может быть назначена техническая экспертиза документов (исследование материалов документов). В целях идентификации ответчика по голосу при исследовании аудио- или видеозаписи необходимо назначить криминалистическую экспертизу видео- и звукозаписей (исследование голоса и звучащей речи).

Пожалуй, самым сложным, с точки зрения доказывания, является установление анонимного распространителя диффамационных сведений в сети Интернет. Владельцы сайтов для привлечения посетителей предоставляют,

¹ См.: Приложение № 1. Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России (утвержден приказом Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237 с изменениями, внесенными приказом Минюста России от 29 октября 2013 г. № 199) // URL:<http://www.sudexpert.ru/files/norms/237.pdf> (дата обращения: 05 февраля 2021 г.).

например, возможность комментирования публикаций без указания имени или с использованием вымышленного имени – никнейма¹.

Инициатору обращения за судебной защитой для установления предполагаемого ответчика необходимо обладать довольно обширной информацией о пользователе сети Интернет, включающей в себя сведения о том, кто является владельцем сайта и администратором домена², каков IP-адрес³ устройства, подключенного к сети Интернет, является ли этот адрес динамическим или статическим, каков адрес DNS-сервера⁴, кто выступает провайдером⁵, каково точное время выхода в сеть Интернет и т.п.

Вся эта информация в совокупности и ее отдельные элементы является конфиденциальной, поскольку представляет собой персональные данные, позволяющие установить пользователя.

В соответствии с «Правилами регистрации доменных имен в доменах RU и РФ»⁶ администратор домена обладает полномочиями, позволяющими формировать и контролировать информацию, размещаемую под доменным именем. Фактическое использование ресурсов сайта невозможно без участия

¹Никнейм (ник; англ. nickname /'nikneɪm/ – первоначально «кличка, прозвище», от древнеанглийского an eke name – «другое имя», перешедшее в одинаково звучащее «a nick name»), также сетевое имя – псевдоним, используемый пользователем в Интернете, обычно в местах общения (в блогах, форумах, чатах). // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 07 февраля 2021 г.).

²Домен или доменное имя – это алфавитное, цифровое или алфавитно-цифровое обозначение, являющееся необходимым элементом адреса сайта, который используется в Интернете. // URL: <https://www.ps.kz/faq/domains/general-questions/what-is-domain/> (дата обращения: 07 февраля 2021 г.).

³IP-адрес (ай-пи адрес, сокращение от англ. Internet Protocol Address) – уникальный идентификатор (адрес) устройства (обычно компьютера), подключенного к локальной сети или Интернету. //URL: <https://2ip.ru/article/ip/> (дата обращения: 07 февраля 2021 г.).

⁴DNS-сервер – это специализированный компьютер (или группа), который хранит IP-адреса сайтов. //URL: <https://selectel.ru/blog/dns-server/>(дата обращения: 07 февраля 2021 г.).

⁵Провайдер – специализированная компания или фирма, обеспечивающая доступ к информационным сетевым службам (сотовая телефонная связь, сеть Интернета и т. п.). //URL: <https://languages.oup.com/google-dictionary-ru/> (дата обращения: 07 февраля 2021 г.).

⁶См.: Правила регистрации доменных имен в доменах RU и РФ (утв. решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 05.10.2011 г. № 2011-18/81) (ред. от 17.12.2019 г.) // URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319888/(дата обращения: 07 февраля 2021 г.).

администратора домена – лица, знающего пароль и создавшего необходимые технические условия для посетителей.

Если распространение диффамационных сведений произошло в социальных сетях, то необходимыми доказательствами распространения сведений именно ответчиком являются данные о том, каким образом происходила авторизация пользователя в социальных сетях, дате и времени его регистрации и посещения сайта, об адресе электронной почты, указанной при регистрации, о номере подтвержденного телефонного номера, о том, были ли обращения пользователя в адрес администрации социальной сети (сайта) по поводу несанкционированного доступа третьих лиц к персональной странице. Для идентификации распространителя диффамационных сведений необходимы также сведения о том, с кем заключен договор о предоставлении услуг телефонной связи.

Эти данные также относятся к конфиденциальным, в связи с этим инициатор обращения в суд лишен возможности получить их без содействия суда или правоохранительных органов. Единственным доступным действием по установлению распространителя является направление запроса в Whois сервис¹, с помощью которого возможно выявить некоторую информацию о сайте, доменном имени, его владельце, но такие данные носят скорее технический характер и явно недостаточны для установления распространителя оспариваемых сведений. При таких обстоятельствах для получения сведений об ответчике практикуется обращение в правоохранительные органы. При этом необходимым условием является наличие в действиях распространителя диффамационных сведений признаков состава уголовно наказуемого преступления или административно наказуемого правонарушения. По окончании проверки, проводимой бюро специальных технических мероприятий и управлением «К», действующими в структуре УМВД субъектов РФ, заявителю предоставляются сведения о потенциальном ответчике, необходимые для обращения в суд в порядке

¹Whois сервис – это сетевой протокол, который позволяет узнать основные данные о доменном имени (кто администратор и регистратор, срок регистрации и т.п.). Название происходит от английской фразы «who is»– «кто это».

гражданского судопроизводства. Материалы проверки исследуются в судебном заседании при рассмотрении диффамационного спора как доказательство распространения сведений именно ответчиком¹.

Рассмотрим ситуацию, при которой действия по распространению в сети Интернет диффамационных сведений не содержат признаков уголовно или административно наказуемого деяния.

В этом случае положения ГПК РФ о том, что обеспечение доказательств и содействие сторонам в их предоставлении и истребовании возможно лишь после возбуждения судопроизводства по гражданскому делу, по нашему мнению, препятствуют доступу к правосудию по гражданским делам в связи с невозможность исполнения истцом требований п. 3 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ.

Безусловно прав М.К. Треушников, который полагал, что судья обязан «выяснить, могут ли стороны представить необходимые доказательства, имеются ли у них затруднения в получении доказательств»². Но проблема кроется в том, что истцу необходимо содействие суда в установлении ответчика, конфиденциальность сведений о котором защищается законом. Тайны персональных данных и телефонных соединений должны быть гарантированы, но права одних субъектов гражданско-правовых отношений не могут обеспечиваться за счет ущемления прав других.

Процессуальной особенностью рассматриваемой нами категории дел является возможность обращения в суд с заявлением в порядке ч. 8 ст. 158 ГК РФ в связи с невозможностью установления ответчика, однако объективные затруднения в установлении ответчика, с нашей точки зрения, не тождественны невозможности его установления.

Как представляется, для устранения препятствий для обращения в суд с требованиями о защите от диффамации достаточно изменить глагол

¹ См.: Решение Костромского районного суда Костромской области по гражданскому делу № 2-1117/2019 2-62/2020 от 19 мая 2020 г. // URL://sudact.ru/regular/doc/49ESEjVrBJZu/ (дата обращения: 07 февраля 2021 г.).

²См. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2018. С. 359.

«установить», применяемый в ч. 8 ст. 152 ГК РФ, на глагол «указать», т.к. такое словоупотребление более точно отражает возможности инициатора обращения за судебной защитой, поскольку полномочия по установлению тех или иных обстоятельств возложены законом на суд. В связи с этим предлагается изложить ч. 8 ст. 152 ГК РФ в новой редакции: «Если *указать* лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, невозможно, гражданин, в отношении которого такие сведения распространены, вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности».

Следует обратить внимание на то, что отсутствие ответчика в судопроизводстве по таким делам в связи с невозможностью его установления, по нашему мнению, возлагает обязанность по доказыванию всех обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, но и расширяет их состав, поскольку на заявителя должна быть возложена обязанность доказать, что им были предприняты все возможные меры к установлению распространителя диффамационных сведений, но они не дали результатов.

Вопрос о том, какие меры по установлению распространителя следует считать исчерпывающими и открывающими для заявителя возможность обращения в суд, представляется дискуссионным. Однако реализация данного предложения позволит исключить случаи обращения в суд, продиктованные исключительно желанием заявителя избежать состязательности при проверке соответствия действительности распространенных о нем диффамационных сведений.

Переходя к анализу доказательств распространения ответчиком сведений именно об истце, отметим, что недоказанность данного обстоятельства является безусловным основанием для отказа в удовлетворении исковых требований. Суд должен установить тождество данных об истце (заявителе), сообщенных им при обращении в суд, и то, каким образом номинирован субъект в оспариваемом фрагменте речевой коммуникации. На наш взгляд, в арсенале суда,

рассматривающего гражданское дело о защите от диффамации, имеется лишь два способа идентификации (персонификации) истца (заявителя) – юридический и лингвистический.

Первый – юридический – позволяет провести проверку персональных данных физического лица по удостоверяющим личность документам либо использовать сведения из государственных реестров юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (далее ЕГРЮЛ и ЕГРИП) в тех случаях, когда оспариваемые сведения затрагивают их деловую репутацию.

Второй – лингвистический – позволяет установить лицо, о котором идет речь в спорном фрагменте речевой коммуникации, с помощью методов, используемых в науке о языке.

В соответствии со ст. 19 ГК РФ под именем гражданина понимается фамилия и собственно имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая. Отметим, что имя гражданина нельзя считать надежным идентификатором в связи с существованием однофамильцев и полных тезок.

О наименовании юридических лиц сообщается в ст. ст. 54, ч. 1 ст. 1473 ГК РФ – эти нормы следует рассматривать как своего рода идентификатор юридического лица по наименованию.

Принимая во внимание, что в речевых коммуникациях, в том числе в сообщениях СМИ, лишь в редких случаях называется полное имя гражданина – фамилия, имя и отчество, или наименование юридического лица, возникает проблема идентификации и установления тождества данных об истце (заявителе), которые указаны им при обращении в суд, и сведений о лице, сообщенных в оспариваемом фрагменте.

В действующем законодательстве отсутствует норма, которая называла бы критерии такой идентификации в таком случае и указывала бы необходимое количество тех или иных признаков, сочетание которых являлось бы достаточным для вывода о том, что в оспариваемом фрагменте речь идет именно об истце

(заявителе). Порой для идентификации референта достаточным является один признак, при условии, что он присущ только одному лицу.

Проблема установления референта речевой коммуникации при рассмотрении гражданских дел о защите от диффамации носит междисциплинарный характер. Установление субъекта оспариваемого истцом фрагмента должно происходить в результате применения правовых норм в совокупности с лингвистическими методиками. Полагаем, что назрела необходимость установления юридических критериев установления референта речевого акта и в их законодательном закреплении.

В правоприменительной практике единообразный подход к разрешению этой проблемы отсутствует. Так, например, в ходе рассмотрения Новокуйбышевским городским судом исковых требований М. о защите от диффамации исследовалась публикация электронного СМИ – обзор мнений родителей выпускников школ об организации выпускных вечеров. В статье не назывались какие-либо идентификационные сведения, однако истец, несмотря на это, предположил, что основания для обращения в суд имеются. В решении об отказе в удовлетворении исковых требований суд указал, что статья «не содержит персональные данные истца или иные данные, позволяющие идентифицировать конкретного человека. В статье не указано ни имен, ни фамилий действующих лиц, ни дат рождения, ни мест проживания. Статья не содержит фотоматериалов и/или видеоматериалов с изображением истца, а равно каких-либо сведений, порочащих именно честь и достоинство М.»¹. В приведенной цитате названы возможные критерии установления референта. Их отсутствие указывает, что сведения распространены в обезличенной форме.

Однако в тех случаях, когда некие неполные сведения о лице все же сообщаются ответчиком, разрешению подлежит вопрос об их идентификационной достаточности. Так, например, Октябрьский районный суд г.

¹ См.: Решение Новокуйбышевского городского суда Самарской области от 20 июня 2019 г. по гражданскому делу № 2-998/2019 г. // URL:sudact.ru/regular/doc/OYs4BZNeDDWR/ (дата обращения: 16 февраля 2021 г.).

Владимира, отказывая в удовлетворении исковых требований С. к ФГУП «ВГТРК» о защите от диффамации, счел недостаточным указание на фамилию и род деятельности истца, указав, что «суду не представлено бесспорных и неопровержимых доказательств того, что ««блогер С.» является именно С., поскольку может существовать и иной гражданин с фамилией С., который ведет блог»¹. При этом в результате анализа публикации, распространенной ответчиком, выявляется еще один признак – указание на событие, участником которого был именно истец: «неудачная инсценировка покушения на блогера С.». Данное обстоятельство суд не оценивал, в то время как сведения правоохранительных органов о совершенном на С. нападении могли выступать дополнительным идентификационным признаком.

Вопрос о достаточности признаков, позволяющих прийти к выводу, что в речевой коммуникации речь идет именно об истце, относится к сфере судейского усмотрения, поскольку закон не называет таких признаков, не указывает их необходимое количество. Полагаем, что правовая позиция по данному вопросу должна быть выработана и закреплена в законодательстве, поскольку, как верно отмечает О.В. Исаенкова, «эффективность гражданских процессуальных норм тесно связана с эффективностью нормотворчества»². Участники речевых коммуникаций должны знать правила, используя которые, суд устанавливает субъекта конфликтного текста.

А.М. Эрделевский, исследуя, как в английском судопроизводстве рассматриваются дела о защите от диффамации, заметил, что «сведения считаются относящимися к лицу, если присяжные сочтут, что некий усредненный здравомыслящий читатель, осведомленный об особых обстоятельствах дела, счел

¹ См.: Решение Октябрьского районного суда города Владимира от 2 июня 2011 г. по гражданскому делу № 2-1658/2011. // URL:sudact.ru/regular/doc/5m6fy6oHnJHx/ (дата обращения: 17 февраля 2021 г.).

² См.: Исаенкова О.В. Некоторые вопросы эффективности гражданских процессуальных норм в отношении доказательств и формы их представления // История, теория, практика российского права. 2010. № 7. С. 187.

эти сведения относящимися к истцу»¹. Действующее законодательство не предусматривает возможность рассмотрения гражданских дел судами с участием присяжных заседателей, но относимость к истцу (заявителю) сведений об особых обстоятельствах следует признать идентификационным признаком.

Лингвистическая идентификация референта происходит с использованием специальных познаний в науке о языке, в результате «анализа содержательно-смысловой и формальной стороны речевого произведения...»². Как правило, вопрос установления субъекта спорного устного или письменного фрагмента речи разрешается одновременно с иными диагностическими вопросами, но, по нашему мнению, идентификация должна им предшествовать, поскольку в случае установления отсутствия сведений об истце (заявителе) дальнейшее исследование становится бессмысленным.

В связи с тем, что одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию при рассмотрении репутационного спора, является установление факта, что в оспариваемом фрагменте речевой коммуникации речь идет именно об истце (заявителе), существует проблема идентификационной достаточности, т.е. тождества данных об истце (заявителе), которые указаны им при обращении в суд, и сведений о лице, сообщенных в оспариваемом фрагменте речевой коммуникации. Поскольку оспариваемые сведения могут быть распространены в скрытой (имплицитной) форме или с использованием лингвистического приема неполной номинации референта, предлагается установить необходимое количество критериев (признаков), позволяющих идентифицировать истца (заявителя). Исходя из того, что даже полное имя гражданина нельзя считать надежным идентификатором, предлагается установить количественный критерий совпадений признаков – не менее четырех. В связи с вышеизложенным предлагается внести изменения в ст. 152 ГК РФ, дополнив ее следующим положением: «В случаях возникновения сомнений в том, что в оспариваемом

¹ См.: Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. М.: Р. Валент, 2007. С. 45.

² См.: Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М.: Норма, 2005. С. 375.

фрагменте речевой коммуникации речь идет именно об истце (заявителе), для идентификации истца достаточным является выявление четырех совпадений (признаков)».

Приступая к анализу доказательств, указывающих на порочащий характер сведений, распространенных ответчиком об истце, необходимо процитировать и детально проанализировать содержание п. 7 Постановления Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3, в котором сообщается, что это сведения «...содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица». Этот перечень не вносит исчерпывающей ясности в понимание рассматриваемого нами понятия. Бесспорно, сведения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства обоснованно названы порочащими, поскольку они могут быть проверены на предмет соответствия действительности. Что же касается отнесения к той же категории сведений о «неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни», то такие разъяснения, как представляется, порождают больше вопросов, чем ответов, прежде всего потому, что в них заложен некий элемент оценки, который «в тексте определяется по наличию определенных оценочных слов и конструкций, в том числе эмоционально-экспрессивных, в значении которых можно выделить элементы «хороший/плохой» или их конкретные разновидности (добрый, злой и др.)»¹. Прилагательные «неправильный» и «неэтичный», «нечестный», используемые в разъяснениях Пленума, есть не что иное, как оценочные суждения, в основе

¹См.: Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юридический Мир, 2006. С. 52.

которых субъективное мнение. Действительно, в некоторых профессиональных сообществах действуют этические нормы. Например, правила поведения судей устанавливает Кодекс судейской этики¹, адвокаты руководствуются Кодексом профессиональной этики адвоката², деятельность врачей подчинена Кодексу профессиональной этики врача Российской Федерации³ и т.п. Существование таких норм позволяет соотнести с ними сведения о поведении представителя профессионального сообщества. Что же касается моральных норм и принципов, которые бы распространялись на всех членов современного общества, то по мнению А.К. Симонова и М.В. Горбаневского речь «может идти только о принципах христианской морали (десять заповедей и т.д.) или о неписаном моральном кодексе данного конкретного общества в данный период его развития»⁴.

И.Н. Сенякин полагал, что под моралью «следует понимать понятие о должном поведении, а под нравственностью – практическую оценку самого поведения»⁵. О должном поведении сообщается, например, в нормах уголовного и административного законодательства. Несмотря на позицию высшего судебного органа страны, высказаться о том, какое поведение «в личной, общественной или политической жизни» является неправильным и неэтичным, вряд ли возможно. Вне всякого сомнения, оценку поведения общественных и политических деятелей

¹ См.: «Кодекс судейской этики» утвержден 19 декабря 2012 года VIII Всероссийским съездом судей (с изменениями на 8 декабря 2016 года) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139928/ (дата обращения: 18 февраля 2021 г.).

² См.: «Кодекс профессиональной этики адвоката» (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (ред. от 20.04.2017 г.) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841/ (дата обращения: 18 февраля 2021 г.).

³ См.: «Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации» (принят Первым национальным съездом врачей Российской Федерации 05 октября 2012 г.) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174773/ (дата обращения: 19 января 2021 г.).

⁴ См.: Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Медея, 2004. С. 30.

⁵ См.: Сенякин И.Н. Правосудие и нравственные основы его осуществления. Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения: Научно-практическая конференция (3-4 октября 2001 г.) / Под ред. А.И. Демидова. – Саратов: СГАП, 2001. С. 116.

дадут их потомки, располагая информацией о том, как их поступки отразились на развитии страны. Что же касается поведения гражданина в личной (частной) жизни, то, принимая во внимание действие конституционной гарантии о ее неприкосновенности, эти сведения являются конфиденциальными, и по этой причине мы лишены возможности располагать о них достоверными и исчерпывающими сведениями, позволяющими давать им оценку.

Переходя к исследованию возможных доказательств, которые могут быть представлены истцом для обоснования порочащего характера распространенных о нем сведений, отметим, что ряд ученых полагают, что единственно возможным доказательством следует считать заключение судебной лингвистической экспертизы. Так, Е.Р. Россинская считает, что «никаких других источников доказательств по делам этой категории обычно не существует»¹. Сходное мнение высказывает Т.А. Овцынова, указывая, что «было бы справедливым в каждом из дел прибегать к проведению лингвистической экспертизы»². В противовес этой точке зрения заметим, что участники гражданского судопроизводства, за редким исключением, являются носителями русского языка. Как правило, судебной оценке подвергаются фрагменты письменной и устной речи, уяснение смысла и содержания которых доступно представителям судейского сообщества без использования специальных познаний, которыми обладает лингвист. Заключение эксперта, как следует из содержания ст. 55 ГПК РФ, названо в числе других источников сведений о фактах. Такая правовая позиция отражена в Обзоре судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам³.

¹ См.: Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М.: Норма, 2005. С. 375.

² См.: Овцынова Т.А. Особенности доказывания по делам о защите деловой репутации // Вопросы российской юстиции. 2020. № 5. С. 231-232.

³ См.: Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 декабря 2011 г.) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70036428/> (дата обращения: 27 февраля 2021 г.).

Что касается сведений, распространяемых средствами массовой информации (газетами, журналами, сайтами), то само название этого источника информации указывает на адресованность массовой аудитории. В связи с этим, принимая во внимание положения ч. 2 ст. 67 ГПК РФ о том, что «никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы», стороны вправе использовать любые относимые и допустимые доказательства для подтверждения или опровержения порочащего характера распространенных сведений.

Еще одна проблема доказывания значимых для диффамационного спора обстоятельств кроется в ст. 59 ГПК РФ, в соответствии с которой суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела. По мнению Е.А. Наховой, эта норма адресована как суду, так и лицам, участвующим в деле, и «необходимо учитывать, что стороны могут ошибаться в оценке относимых к делу доказательств либо сознательно предоставить неотносимые доказательства, дабы увести суд в сторону»¹. Действительно, судебные ошибки существуют, в том числе при разрешении вопроса об относимости доказательств. Н.А. Батурина предприняла исследование судебных ошибок в гражданском судопроизводстве, заключив в результате, что «процессуальное законодательство не может гарантировать безошибочную работу судьи»². Коль скоро судья, как и всякий человек, может допустить ошибку, меньшим злом было бы, исходя из состязательных и диспозитивных основ гражданского процесса, адресовать эту норму права исключительно стороне. Такой подход безусловно снизил бы число судебных ошибок, поскольку все доказательства, которые сторона по делу считает относимыми, были бы приобщены к материалам дела и могли быть подвергнуты судебной оценке. Отказывая в удовлетворении ходатайства о приобщении к материалам дела доказательства по мотивам его неотносимости, суд фактически дает оценку

¹См.: Нахова Е.А. Доказательственное право в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве. Учебник. – СПб; Изд-во «ВВМ», 2017. С. 237.

²См.: Батурина Н.А. Причины судебных ошибок и процессуальные средства их предупреждения в гражданском судопроизводстве: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. О.В. Исаенковой. – М.: Юрлитинформ, 2012. С. 100.

такому доказательству до момента вынесения решения, что представляется не соответствующим указаниям, содержащимся в ч. 4 ст. 67 ГПК РФ о том, что результаты оценки доказательств суд обязан отразить в решении. Таким образом осуществляется необоснованное вмешательство суда в процесс доказывания. Не имея намерения вторгаться в сферу властных полномочий суда, отметим, что, приобщив доказательство к материалам дела, суд вправе, мотивируя решение, аргументировать неотносимость доказательства.

И.М. Зайцев и С.Ф. Афанасьев являются сторонниками позиции о том, что относимыми являются «доказательства, которые имеют значение для правильного рассмотрения и разрешения правового спора по существу, поэтому должна прослеживаться связь между содержанием предъявляемого доказательства и фактами, в противном случае оно не может приниматься во внимание»¹. Точка зрения автора диссертационного исследования вполне соотносится с данной дефиницией. Ссылка на то, что доказательство «не может приниматься во внимание», явно указывает на такое отношение в ходе судебной оценки к уже приобщенному доказательству.

Возвращаясь к вопросу о доказывании порочащего характера сведений, отметим, что нормативные источники современного русского языка названы в Постановлении Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714² и в Приказе Министерства образования и науки РФ от 8 июня 2009 г. № 195³, приложением к которому является список из четырех словарей. Казалось бы, их использование в деятельности по отправлению правосудия позволяет надеяться на единообразный

¹См.: Гражданский процесс России. Учебник / под ред. док. юрид. наук, проф. М.Л. Викут. М.: Юрист, 2004 (авторы главы 15 И.М. Зайцев и С.Ф. Афанасьев). С. 171.

²См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 23 ноября 2006 г. № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 48, ст. 5042.

³См.: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 8 июня 2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 21 августа.

подход к вопросу об уяснении смысла любой речевой коммуникации. Но в названном перечне нет ни одного толкового словаря русского языка. Следовательно, не существует и единого представления о толковании слов и выражений. В связи с этим для уяснения их значения в соответствии со ст. 79 ГПК РФ целесообразным является проведение лингвистической экспертизы, которая представляет собой «исследование продуктов речевой деятельности»¹. Лингвистические исследования ведутся в трех направлениях: выявление негативной информации о конкретных лицах, установление формы ее выражения в тексте, то есть разграничение утверждений и различных форм выражения мнения, установление авторства спорных высказываний (с целью установления распространения сведений именно ответчиком)². Разнообразные формы устной и письменной речи лингвисты предлагают классифицировать следующим образом: открытая вербальная (словесная) форма, скрытая вербальная форма, пресуппозитивная (затекстовая) форма, подтекстовая форма³.

Среди задач судебной лингвистической экспертизы названы: толкование текстов, интерпретация, перевод, объяснение употребление языкового знака с точки зрения плана содержания и плана выражения, аспекты порождения и

¹См.: Приложение № 1. Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России. Приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 (в ред. от 13.09.2018 г.) «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» // Российская газета. 2013. 6 февраля.

²См.: Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сборник материалов. – М.: ИПК «Информкнига», 2010 г. С. 36.

³ См.: Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Медя, 2004. С. 38.

восприятия языкового знака или текста в условиях межкультурных коммуникаций¹.

Следует обратить внимание на то, что в соответствии со ст. 79 ГПК РФ вопросы о необходимости назначения экспертизы и определении круга вопросов, подлежащих разрешению при ее производстве, отнесены к сфере судейского усмотрения, что, как представляется, скорее направлено на ограничение прав сторон на представление доказательств, нежели на реализацию конституционного принципа о состязательности судопроизводства и положений ч. 1 ст. 56 ГПК РФ.

Такая точка зрения соответствует правовой позиции ВС РФ, в соответствии с которой «суд по каждому делу обеспечивает равенство прав участников судебного разбирательства по представлению и исследованию доказательств и заявлению ходатайств. При рассмотрении гражданских дел следует исходить из представленных истцом и ответчиком доказательств»². Стороны в ходе состязательного процесса должны иметь возможность в полной мере реализовать свои процессуальные права, представить доказательства и получить ответы на все интересующие их вопросы именно от сведущего человека – от эксперта. Ведь когда речь идет о специальных познаниях, которыми располагает эксперт, суд и стороны одинаково некомпетентны.

Нельзя обойти вниманием и такой аспект рассматриваемой темы, как необходимость разграничения правовых и лингвистических вопросов при назначении и производстве экспертизы. ВС РФ неоднократно обращал внимание судов на недопустимость постановки перед экспертом сугубо правового вопроса о том, порочат ли распространенные ответчиком сведения честь, достоинство и

¹См.: Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сборник материалов. – М.: ИПК «Информкнига», 2010. С. 31-32.

²См.: Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» //Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 1996 г. № 2. С. 1.

деловую репутацию истца¹². Эксперт в своем заключении лишь называет лингвистические признаки диффамации. Обязанность по доказыванию порочащего характера распространенных сведений, как следует из содержания п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3, возлагается на истца.

Доказательствами соответствия (несоответствия) действительности распространенных сведений могут являться любые фактические данные, позволяющие осуществить сопоставление сведений. «Речь идет прежде всего о разграничении утверждений о фактах, языковая форма которых (утверждений) допускает проверку информации на соответствие действительности, и различных форм выражения мнения, такой проверке не подлежащих»³. Верификация утверждений превращает суждение в факт как «результат нашего осмысления или переработки информации о действительности»⁴. Существует целый ряд способов верификации. Наиболее часто применяется непосредственное сопоставление высказывания с реальными событиями. Однако этот способ неприменим в тех случаях, когда автор высказывания сам участвовал в таком событии, но не принял мер к фиксации доказательств. В таких случаях используется иной способ – «сопоставление высказывания с другими высказываниями, принадлежащими другим участникам, наблюдателям или толкователям (интерпретаторам) события, которых мы считаем объективными или компетентными»⁵. Широко применяется также приведение дополнительных данных, свидетельствующих об истинности

¹ См.: Пункт 13 Постановления Пленума ВС РФ от 24 июня 2008 года № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Российская газета. 2008. 2 июля.

² См.: Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 декабря 2011 г.) // URL: <https://www.vsrp.ru/files/13860/> (дата обращения: 27 февраля 2021 г.).

³ См.: Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сборник материалов. – М.: ИПК «Информкнига», 2010. С. 36.

⁴ См.: Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Медя, 2004. С. 45.

⁵ См.: Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Медя, 2004. С. 47.

высказывания, и сопоставление информации из нескольких независимых источников. Действительность сведений должна быть установлена не на момент обращения в суд или вынесения судом решения, а именно на момент их распространения. Изменение ситуации, события, произошедшие после распространения сведений, не могут оказывать какого-либо влияния на их оценку с точки зрения соответствия их действительности. «Не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения» – гласит пункт 7 Постановления Пленума ВС РФ № 3 от 24 февраля 2005 года. Иллюстрацией этой особенности доказывания служит следующий пример. С. обратился в суд с иском о защите чести, достоинства и компенсации морального вреда к редакции газеты «Новые времена в Саратове» и журналисту И., оспаривая распространенные в одном из номеров газеты сведения о привлечении его к уголовной ответственности, ссылаясь на то, что вскоре после выхода статьи Саратовским гарнизонным военным судом он был оправдан. Судом в результате сопоставления времени вынесения оправдательного приговора и подписания газеты в печать было вынесено решение об отказе в удовлетворении исковых требований, поскольку публикация в СМИ предшествовала вынесению приговора¹. Принятое судом решение полностью соответствует правовой позиции Конституционного суда РФ по вопросу правоприменения ст. 47 Закона РФ от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации». Заявитель в своей жалобе ссылаясь на аналогичные обстоятельства, указывая, что в СМИ г. Калуги до вступления обвинительного приговора в законную силу опубликованы материалы об обстоятельствах инкриминируемого заявителю деяния. Конституционный суд РФ

¹ См.: Решение Октябрьского районного суда города Саратова по гражданскому делу №2-240/2005 г. от 13 апреля 2005 года. Архив Октябрьского районного суда города Саратова.

не нашел оснований для принятия жалобы к рассмотрению, указав, что реализация обязанностей журналиста не нарушает права заявителя¹.

Завершая исследование особенностей доказывания при рассмотрении диффамационных споров, следует сделать следующие выводы:

1) В современных условиях развития общества отсутствуют идеологические, социально-экономические, политические предпосылки для активности суда в процессе доказывания, в том числе при рассмотрении репутационных споров.

2) Отступление при рассмотрении споров о защите от диффамации от общего правила распределения обязанностей по доказыванию, сформулированного в ч. 1 ст. 56 ГПК РФ, объясняется существованием доказательственных (правовых) презумпций (предположений):

– о том, что распространенные конкретным лицом (ответчиком) порочащие сведения не соответствуют действительности, пока не будет доказано обратное;

– о наличии у гражданина (физического лица) чести, достоинства и деловой репутации с момента рождения.

Одновременно с этим действующим законодательством не установлена презумпция существования деловой репутации юридического лица, в то время как цель его создания, соблюдение процедуры учреждения и регистрации указывает на возникновение деловой репутации юридического лица с момента возникновения правоспособности. В связи с этим предлагается установить правовую презумпцию о существовании деловой репутации юридического лица с момента возникновения правоспособности.

3) Доказывание по делам о защите от диффамации может быть представлено как иерархическая система представления доказательств о наличии

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2010 № 135-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанова Вадима Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 47 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // URL:<http://www.sudbiblioteka.ru/ks/listdeloks5.htm> (дата обращения: 21 января 2021 г.).

(отсутствии) обстоятельств, имеющих значение для дела, исключающая одновременное представление всех доказательств по делу.

4) Выявлены процессуальные особенности доказывания в случаях если распространение негативных, порочащих сведений имело место в обращениях в государственные органы и органы местного самоуправления, поскольку в данном случае речь идет о реализации конституционных гарантий на такое обращение. При этом удовлетворение исковых требований возможно лишь в случае установления факта злоупотребления правом. В связи с этим предлагается сформулировать следующее обстоятельство, подлежащее доказыванию по данной категории гражданских дел: имел ли место факт злоупотребления ответчиком правом на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, и возложить его доказывание на истца.

5) В соответствии с действующим законодательством при доказывании обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения репутационного спора, допустимы любые средства доказывания, в том числе показания свидетелей. Однако в случаях, когда распространение оспариваемых сведений имело место в устной форме, показания свидетелей относительно содержания речевого фрагмента представляют собой интерпретацию таких сведений, которая зависит от множества факторов: уровня образования, фоновых знаний, состояния здоровья и пр. В связи с этим предлагается ввести запрет на использование свидетельских показаний для доказывания содержания диффамационных сведений, распространенных в устной форме.

6) В связи с тем, что одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию при рассмотрении репутационного спора, является установление факта, что в оспариваемом фрагменте речевой коммуникации речь идет именно об истце (заявителе), возникает проблема идентификационной достаточности, т.е. тождества данных об истце (заявителе), которые указаны им при обращении в суд, и сведений о лице, сообщенных в оспариваемом фрагменте речевой коммуникации. Поскольку оспариваемые сведения могут быть распространены в

скрытой (имплицитной) форме или с использованием лингвистического приема неполной номинации референта, предлагается установить необходимое количество критериев (признаков), позволяющих идентифицировать истца (заявителя). Исходя из того, что даже полное имя гражданина нельзя считать надежным идентификатором, предлагается установить количественный критерий совпадений признаков – не менее четырех. В связи с этим предлагается внести изменения в ч. 1 ст. 152 ГК РФ, дополнив ее следующим положением: «В случаях возникновения сомнений в том, что в оспариваемом фрагменте речевой коммуникации речь идет именно об истце (заявителе), для идентификация истца достаточным является выявление четырех совпадений (признаков)».

3.2 Особенности стадии судебного разбирательства гражданских дел о защите от диффамации

Стадия судебного разбирательства, бесспорно, является главенствующей среди иных процессуальных стадий, «из которых состоит инстанционное производство по гражданскому делу»¹, и имеющей ключевое значение, поскольку от того, насколько полно на этой стадии будут реализованы права и обязанности всех субъектов процесса, зависит не только сама возможность возникновения последующих производств – апелляционного, кассационного и надзорного, но и их перспективы. Отметим, что единственным видом судопроизводства, в котором отсутствует стадия судебного разбирательства, является приказное производство, однако исследуемая нами категория гражданских дел рассматривается лишь в исковом и особом порядке. Принято выделять четыре составных части судебного разбирательства: подготовительную; рассмотрение по существу; судебные прения; постановление и оглашение судебного решения²³. Все они присущи

¹ См.: Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г.А. Жилина. – М.: ТК Велби, 2003. С. 337.

² См.: Гражданский процесс: краткий курс лекций / Францифоров Ю.В., Лебедев М.Ю., Чекмарева А.В. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. С. 102.

³ См.: Гражданский процесс: учебник / Коршунов Н.М., Мареев Ю.Л. – М.: Омега-Л, 2006. С. 243.

гражданским делам о защите от диффамации, при этом какие-либо процессуальные особенности отсутствуют в ходе подготовительной части и прений сторон, в связи с этим они не будут рассматриваться в настоящем исследовании.

Относительно процессуальных сроков разрешения исследуемой категории гражданских дел следует заметить, что диффамационные споры не названы законодателем в числе дел, рассмотрение и разрешение которых должно быть произведено в сокращенные сроки (до истечения месяца). Но и соблюдение общего, двухмесячного срока рассмотрения спора, исчисляемого со дня поступления в суд искового заявления, представляется достаточно трудной задачей, когда речь идет о споре о защите чести, достоинства и деловой репутации. Это объясняется наличием целого ряда процессуальных особенностей, связанных с составом лиц, участвующих в деле, определением вида судопроизводства, подсудности спора, установления надлежащего ответчика и других аспектов, которые были рассмотрены в настоящем исследовании. Законодатель, используя в ч. 3 ст. 152 ГПК РФ дефиницию «сложные дела» и связывая с отнесением к этой категории возможность увеличения срока рассмотрения и разрешения дела, не поясняет при этом, каким критериям должно отвечать гражданское дело, для того чтобы суд мог назначить срок проведения предварительного судебного заседания за пределами сроков, установленных ГПК РФ для рассмотрения и разрешения дел. Не вносит ясность в этот вопрос и содержание ч. 6 ст. 154 ГПК, предусматривающей возможность продления срока рассмотрения дела в зависимости от его сложности.

В результате предпринятого исследования выявлены и названы наиболее типичные черты споров о защите чести, достоинства и деловой репутации, позволяющие, с нашей точки зрения, отнести такие дела к категории сложных: а) полисубъектность, т.е. множественность лиц, участвующих в деле; б) сложность спорных правоотношений, т.к. оспариваемые сведения могут затрагивать различные сферы человеческой деятельности; в) необходимость проведения в

ходе судебного разбирательства различных родов (видов) судебных экспертиз; г) необходимость одновременного исследования нескольких актов (продуктов) речевой деятельности (многоэпизодность); д) многосоставной предмет доказывания, предполагающий необходимость одновременного установления факта распространения оспариваемых сведений, факта распространения оспариваемых сведений именно ответчиком, факта распространения оспариваемых сведений именно об истце, порочащего характера распространенных сведений и несоответствие таких сведений действительности.

По мнению Г.А. Жилина, нормы действующего гражданского процессуального законодательства «сформулированы таким образом, чтобы разбирательство дела было завершено, как правило, в первом же заседании. Лишь аномальное развитие процесса может повлечь отложение разбирательства дела...»¹. С таким выводом нельзя согласиться по отношению к гражданским делам о защите от диффамации, отложение разбирательства по которым связано с названными нами типичными чертами таких споров. Фактически каждая из сторон вынуждена одновременно представить доказательства, относящиеся ко всем обстоятельствам, подлежащим доказыванию, что, безусловно, создает предпосылки к отложению судебного заседания. Основные проблемы рассмотрения споров о защите от диффамации видятся нам в отсутствии закрепленной законом последовательности представления доказательств, неструктурированности процесса доказывания.

В настоящее время в соответствии с действующим гражданским процессуальным законодательством диффамационные споры рассматриваются в общем порядке. Принимая во внимание правовую позицию, изложенную в п. 7 Постановления Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 года № 3 о том, что при отсутствии хотя бы одного из обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам данной категории, исковое требование не может быть удовлетворено судом, с

¹ См.: Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г.А. Жилина. М.: ТК Велби, 2003. С. 335.

нашей точки зрения, лишено смысла представление и исследование доказательств, подтверждающих, например, несоответствие распространенных сведений действительности, в случае представления доказательств о том, что сведения в действительности не были распространены или что ответчик не имеет отношения к их распространению и т.д., и т.п. Несмотря на это, суд вынужден исследовать все представленные сторонами доказательства, коль скоро они входят в многосоставной предмет доказывания по таким делам.

Из содержания ч. 2 ст. 156 ГПК РФ и ст. 175 ГПК РФ следует, что судебным заседанием руководит председательствующий, который после заслушивания объяснений лиц, участвующих в деле, и учитывая их мнения, устанавливает последовательность исследования доказательств. Принято считать, что в данном случае речь идет об установлении последовательности исследования средств доказывания, таких как допрос свидетелей, исследование письменных и вещественных доказательств, воспроизведение в судебном заседании аудио- или видеозаписей, исследование заключения эксперта и др. Представители саратовской цивилистической школы исходят из того, что «исследование представленных доказательств происходит по-разному, в зависимости от вида средства доказывания»¹.

Несколько иной точки зрения по данному вопросу придерживаются Н.М. Коршунов и Ю.Л. Мареев, полагая, что исследование доказательств производится «с учетом особенностей конкретного дела и подлежащих исследованию доказательств»². С.Н. Абрамов о «разборе доказательств» писал: «В простых делах сначала рассматриваются доказательства истца, а потом ответчика. Однако в зависимости от конкретных обстоятельств дела может быть принят и иной порядок»³. Справедливо было бы заключить, что исследование доказательств в

¹ См.: Гражданский процесс: краткий курс лекций / Францифоров Ю.В., Лебедев М.Ю., Чекмарева А.В. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. С. 104.

² См.: Гражданский процесс: учебник / Коршунов Н.М., Мареев Ю.Л. – М.: Омега-Л, 2006. С. 250.

³ См.: Абрамов С.Н. Советский гражданский процесс / Государственное издательство юридической литературы. М., 1952. С. 242.

ходе судебного разбирательства происходит с учетом особенностей дела и средств доказывания, при этом положения ст. 175 ГПК РФ носят самый общий характер, не называя последовательность и особенности исследования доказательств в зависимости от категории гражданских дел. Вместе с тем, ряд авторов называют вполне конкретные процессуальные особенности судебного разбирательства той или иной категории дел.

Так, например, А.К. Мухаметов называл такие особенности по спорам, возникающим из экологических правонарушений¹, З.З. Алиева выявила особенности «судебной процедуры разбирательства дел об усыновлении»².

Выявленные в ходе настоящего исследования характерные черты споров о защите от диффамации указывают на необходимость установления последовательности представления и исследования доказательств, относимых к каждому из элементов предмета доказывания. Учитывая многосоставной предмет доказывания по таким делам, действия судьи должны быть направлены как на создание условий для всестороннего, полного исследования доказательств и обстоятельств дела, так и на реализацию принципа процессуальной экономии.

Конституционный суд Российской Федерации по вопросу реализации данного принципа заключил, что «законодатель должен устанавливать такие институциональные и процедурные условия осуществления процессуальных прав, которые отвечали бы требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты и тем самым обеспечивали бы справедливость судебного решения, без чего недостижим баланс публично-правовых и частноправовых интересов; игнорирование же законодателем принципа процессуальной экономии влечет неоправданное и лишнее смысла

¹См.: Мухаметов А.К. Процессуальные особенности рассмотрения споров, возникающих из экологических правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Мухаметов Артур Камилевич. – Саратов, 2016. – С. 14-15.

² См.: Алиева З.З. Совершенствование судебной процедуры разбирательства дел об усыновлении. Актуальные проблемы развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека: Сб. науч. статей. – Краснодар – СПб.: «Юридический центр Пресс», 2008. С. 423-427.

использование временных, финансовых и кадровых ресурсов государства для рассмотрения дела»¹. В целях реализации такой правовой позиции предлагается введение поэтапности представления и исследования доказательств по делам о защите от диффамации. Число этапов на стадии судебного разбирательства диффамационного спора, как представляется, должно соответствовать числу обстоятельств, имеющих значение для дела. В ходе исследования нами названы пять таких этапов. Непредставление доказательств в ходе соответствующего этапа должно повлечь невозможность перехода к последующему и вынесение судом решения на основе представленных доказательств. Учитывая распределение обязанностей по доказыванию обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения и разрешения диффамационного спора, наиболее логичной и соответствующей принципу процессуальной экономии представляется следующая модель рассмотрения дела по иску о защите чести, достоинства и деловой репутации по существу.

Этап 1. Установление факта распространения сведений. После заслушивания объяснений лиц, участвующих в деле, председательствующий предлагает истцу представить доказательства распространения оспариваемых им сведений, а ответчику – возражения относительно таких доказательств. В случае непредставления истцом таких доказательств председательствующий объявляет рассмотрение дела по существу законченным, и суд переходит к судебным прениям. В тех случаях, когда такие доказательства истцом представлены, суд исследует их и переходит ко второму этапу.

Этап 2. Установление распространителя оспариваемых сведений. Председательствующий предлагает истцу представить доказательства распространения оспариваемых им сведений именно ответчиком, а ответчику – возражения относительно таких доказательств. В тех случаях, когда истец в

¹См.: п. 4.2. Постановления Конституционного Суда РФ от 19 июля 2011 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какуева» // Собрание законодательства РФ от 25 июля 2011 г. № 30 (часть II), ст. 4699.

качестве средства доказывания представляет аудио- и(или) видеозапись, содержащую оспариваемый им фрагмент коммуникативной ситуации, а ответчик отрицает принадлежность ему устной речи, зафиксированной на фонограмме, суд в порядке, установленном ст. 76 ГПК РФ, для «установления личности говорящего по признакам голоса и речи, записанной на фонограмме, выявления признаков монтажа и иных изменений, внесенных в фонограмму в процессе или после окончания звукозаписи, определения условий, обстоятельств, средств и материалов звукозаписи, а также иных фактов, имеющих значение судебных доказательств»¹, назначает фоноскопическую экспертизу либо экспертизу иного вида (рода), направленную на установление автора и распространителя оспариваемых сведений (автороведческую, компьютерно-техническую и др.). Е.Р. Россинской приводится довольно обширный перечень вопросов, которые могут быть разрешены экспертом².

Непредставление истцом доказательств, подтверждающих, что оспариваемые им сведения распространил именно ответчик, либо заключение эксперта о том, что ответчик не имеет отношения к их распространению, позволяет председательствующему объявить рассмотрение дела законченным, и суд переходит к судебным прениям. В тех случаях, когда такие доказательства истцом представлены, суд исследует их и переходит к третьему этапу представления и исследования доказательств.

Этап 3. Установление референта речевой коммуникации. На этом этапе председательствующий предлагает истцу представить доказательства распространения ответчиком сведений именно об истце, а ответчику – возражения относительно этих доводов. В тех случаях, когда в оспариваемом фрагменте не указаны имя или наименование истца, или используется

¹См.: Галяшина Е.И. Роль и значение деятельности профессора Л.В. Златоустовой в становлении и развитии лингвокриминалистики и судебного речеведения // Язык и речь: проблемы и решения: Сборник научных трудов к юбилею профессора Л.В. Златоустовой / Под ред. Г.Е. Кедровой и В.В. Потапова. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 26.

²См.: Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М.: Норма, 2005. С. 394-399.

лингвистический прием неполной номинации референта, установление этого обстоятельства без использования специальных познаний затруднено. Разрешить эту проблему вполне возможно, используя консультацию специалиста. Это, по нашему мнению, как раз тот «необходимый случай» привлечения специалиста «при осмотре письменных или вещественных доказательств, воспроизведении аудио- или видеозаписи, назначении экспертизы», о котором идет речь в ч. 1 ст. 188 ГПК РФ. На практике эта норма применяется крайне неэффективно, и связано это с тем, что в ст. 55 ГПК РФ консультация специалиста не названа в числе источников сведений о фактах, «на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела».

О.В. Исаенкова предложила «внесение консультаций специалиста в качестве возможного источника доказательств в ст. 55 ГПК РФ, установление ответственности специалиста за дачу ложных консультаций и отказ от дачи консультаций»¹. Эта мера позволила бы устранить коллизию, существующую между ст. 55 ГПК РФ и ст. 188 ГПК РФ. Специалист в ходе судебного разбирательства может дать суду консультацию, назвав лингвистические признаки, указывающие на то, что в спорном фрагменте речь идет именно об истце. Если же специалист заявит об отсутствии таких признаков, а истец не представил суду дополнительных доказательств этого обстоятельства, судья вправе объявить рассмотрение дела по существу законченным и суд переходит к судебным прениям.

Этап 4. Выявление в оспариваемом фрагменте негативных сведений. В ходе этого этапа председательствующий предлагает истцу представить доказательства распространения негативных сведений об истце, а ответчику возражения относительно этих доводов. Каждый носитель русского языка, участвуя в речевых

¹ См.: Исаенкова О.В. Некоторые вопросы эффективности гражданских процессуальных норм в отношении доказательств и формы их представления // История, теория, практика российского права. 2010. № 7. С. 191.

коммуникациях, исходит из того, что сведения могут быть положительными (комплиментарными), отрицательными (негативными) или нейтральными. Поскольку затронуть чью-то честь, достоинство или деловую репутацию положительным отзывом, похвалой, а также используя нейтральную лексику (не применяя оценки «хорошо» и «плохо»), невозможно, применительно к исследуемой категории гражданских дел интерес представляют исключительно отрицательные (негативные) сведения. Понятие «негативные сведения» эксперты-лингвисты определяют следующим образом: Отрицательной (негативной) информацией является «информация (сведения), которые содержат отрицательные характеристики лица – юридического или физического, поступков физического лица с точки зрения здравого смысла («неписанного закона») или с правовой точки зрения (по отношению к эксперту-лингвисту – в той мере, в которой это может понимать любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области юриспруденции)»¹.

Исходя из положений ст. 56 ГПК РФ и следуя особенностям распределения обязанностей по доказыванию обстоятельств, имеющих значение для разрешения диффамационного спора, именно истец должен сообщить суду, какие из распространенных ответчиком сведений он воспринимает как негативные. Полагаем, что такая позиция должна быть основана на содержании нормативных источников русского языка, т.к. значение слов русского языка, характеристика их употребления и толкования указывается в соответствующих словарных статьях². Наличие специальных помет, принятых в словарях русского языка, таких как: бранное, презрительное, неодобрительное, пренебрежительное, уничижительное и т.п., – указывает на негативный характер распространенных сведений.

Выявление негативных сведений на эксплицитном (открытом) уровне, когда информация заключена в подлежащем и сказуемом, как правило, не вызывает для носителя русского языка никаких затруднений, в связи с этим, не обладая

¹См.: Заключение эксперта № 4367/1-2 по материалам гражданского дела № 2-1792/09. Архив Октябрьского районного суда города Саратова.

² См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. / Под. ред. Шведовой Н.Ю. М., 1990. С. 16.

специальными знаниями в области лингвистики, негативные сведения можно выявить, если предложение по цели высказывания является повествовательным или восклицательным, если сказуемое выражено в форме глагола настоящего или прошедшего времени, если анализируемое предложение снабжено специальными маркерами – «безусловно», «без сомнения», «конечно», «бесспорно» и т.п.

В таком случае назначение в ходе рассмотрения гражданского дела по диффамационному спору лингвистической экспертизы, по нашему мнению, является неоправданным.

Иное дело, когда оспариваемые сведения распространены в имплицитной (скрытой) форме, когда восприятие речи представляет собой «процесс извлечения смысла, находящегося за внешней формой речевых высказываний»¹. В таких случаях извлечение и уяснение смысла слов и выражений в целях последующей судебной оценки без лингвистического анализа контекста, закономерностей построения речи, исследования коммуникативной ситуации, знаний психологических аспектов восприятия информации вряд ли возможно. Е.И. Галяшина обоснованно заключила, что специальные знания о языке необходимы, когда «семантика сказанного или написанного текста неочевидна, смысловое содержание речевого факта требует уяснения, необходимо выявить прагматику текста, его стилистическую или эмоционально-экспрессивную окраску»².

В связи с тем, что на данном этапе судом разрешается вопрос о назначении лингвистической или психолого-лингвистической экспертизы, целесообразным является привлечение специалиста, задача которого – помочь суду корректно сформулировать вопросы перед экспертами, в то время как задача эксперта-

¹См.: Галяшина Е.И., Горбаневский М.В., Пантелеев Б.Н., Сафонова Ю.А. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юридический Мир, 2006. С. 46.

²См.: Галяшина Е.И. Судебная экспертиза (Экспертное заключение): ошибки назначения и производства судебной лингвистической экспертизы. // URL:http://arbir.ru/articles/a_5059.htm (дата обращения: 20 марта 2021 г.).

лингвиста сводится к установлению смысла распространенных сведений и их формы.

Е.Р. Россинская, справедливо полагая, что «объектами судебных лингвистических экспертиз являются речевые проявления в форме письменного текста и устного высказывания»¹, предложила примерный перечень вопросов диагностического характера, выносимых на разрешение экспертов-лингвистов. Следует отметить, что выявление правовых аспектов коммуникативной ситуации, разрешение вопросов юридической квалификации не относится к компетенции эксперта-лингвиста, поскольку установление юридически значимых обстоятельств относится к исключительной юрисдикции суда. В связи с этим к некоторым вопросам перечня, предложенным Е.Р. Россинской, следует отнестись критически. Например:

«7. Содержит ли данное предложение (цитата) сведения, унижающие честь и умаляющие достоинство, задевающие, чернящие деловую репутацию физического или юридического лица?»

9. Если сведения, изложенные в статье (радиопередаче, видеосюжете), не соответствуют действительности, то можно ли их квалифицировать как чернящие деловую репутацию истца (гражданина, организации)?»².

По окончании четвертого этапа представления и исследования доказательств судебное разбирательство в соответствии с положениями ст. 216 ГПК РФ может быть приостановлено для производства судебной экспертизы. По мнению Е.Г. Тришиной такое временное прекращение совершения процессуальных действий по делу по данному основанию является «факультативным»³, так как не является обязательным.

Этап пятый. Установление факта соответствия действительности распространенных ответчиком негативных сведений об истце. В случае если по

¹ См.: Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М.: Норма, 2005. С. 374.

² См.: Там же. С. 375-376.

³ См.: Гражданский процесс России: Учебник / Под ред. док. юрид. наук, проф. М. А. Викут. М.: Юристъ, 2004. С. 276.

делу проводилась судебная экспертиза, председательствующий оглашает соответствующее заключение и предлагает каждой из сторон высказать свои возражения, предлагает ответчику представить доказательства того, что негативные сведения в форме утверждения о факте, распространенные им об истце, соответствуют действительности, а истцу – возражения относительно представленных ответчиком доводов и доказательств.

Вне всякого сомнения, проверка распространенных сведений на предмет соответствия их действительности относится к исключительной компетенции суда, и лингвистом осуществляться не может.

Распространение правдивых порочащих сведений не влечет за собой юридической ответственности, в связи с этим О.И. Цыбулевская и О.В. Власова заключили, что достоверная диффамация не является правонарушением (деликтом)¹.

Мнения и оценочные суждения не могут быть верифицированы, так как представляют собой отражение субъективных взглядов, мировоззрения ответчика. М.А. Осадчий пришел к обоснованному выводу, что «публикация «обидных» оценочных суждений судебному оспариванию не подлежит»².

По мнению В.Н. Барсуковой, «распространение не только фактических, но и оценочных сведений может нарушать право человека на честь и достоинство, а значит он не должен быть лишен возможности защищать его любыми способами, не противоречащими закону»³. Действительно, «к оспариваемой информации нельзя подходить исключительно с лингвистической точки зрения»⁴. Неоспоримо и то, что каждый считающий, что его личные нематериальные права на честь, достоинство и деловую репутацию затрагиваются распространением неких

¹См.: Цыбулевская О.И., Власова О.В. Защита чести и достоинства личности в гражданском праве // Цивилист. – 2008. № 3. С. 47-50.

²См.: Осадчий М.А. Роль лингвистической экспертизы в судебном процессе по защите чести и достоинства // Адвокат. 2008 г. № 5. С. 99.

³ См.: Барсукова В.Н. Факты и оценки с точки зрения защиты чести и достоинства личности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6. С. 28.

⁴См.: Там же. С. 32.

негативных сведений, имеет право на иск в процессуальном смысле, однако согласиться с тем, что исковые требования о защите чести, достоинства и деловой репутации от негативного мнения, суждения, оценки должны быть удовлетворены судом, означало бы исключение прямого непосредственного действия ч. 3 ст. 29 Конституции РФ, которая гласит: «Никто не может быть принужден к выражению своих мыслей и убеждений или отказу от них».

Еще одним аргументом, не позволяющим согласиться с мнением В.Н. Барсуковой, является невозможность верификации оценочных суждений, поскольку суть судебной оценки доказательств сводится именно к их проверке. Это следует из определения, которое предложила Г.Л. Осокина: «Под оценкой судебных доказательств следует понимать логико-процессуальную деятельность суда, а также лиц, участвующих в деле, по проверке исследуемой информации на предмет ее относимости, допустимости, достаточности с целью формирования выводов о наличии или отсутствии искомых фактов»¹. Оценочные суждения не могут пройти судебную проверку, поскольку отсутствуют критерии и признаки, позволяющие ее произвести.

После исследования всех доказательств рассмотрение дела по существу объявляется окончанным, и суд переходит к судебным прениям. М.М. Колесникова полагает, что оценка доказательств «может быть рекомендательной и властной»². Рекомендательная оценка доказательств дается лицами, участвующими в деле, и их представителями в ходе их выступлений в прениях, властная оценка доказательств отражается в решении суда.

В результате исследования стадии судебного разбирательства по гражданским делам о защите чести, достоинства и деловой репутации выявлены наиболее типичные черты диффамационных споров:

- а) полисубъектность, т.е. множественность лиц, участвующих в деле;

¹ См.: Осокина Г.Л. Курс гражданского судопроизводства России. Общая часть. Учебное пособие. – Томск: изд-во Том. ун-та, 2002. С. 599.

² См.: Колесникова М.М. Стадии доказывания в гражданском процессе. // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 3. С. 70.

б) сложность спорных правоотношений, т.к. оспариваемые сведения могут затрагивать различные сферы человеческой деятельности;

в) необходимость проведения в ходе судебного разбирательства различных родов (видов) судебных экспертиз;

г) необходимость одновременного исследования нескольких актов (продуктов) речевой деятельности (многоэпизодность);

д) многосоставной предмет доказывания, предполагающий необходимость одновременного установления факта распространения оспариваемых сведений, факта распространения оспариваемых сведений именно ответчиком, факта распространения оспариваемых сведений именно об истце, порочащего характера распространенных сведений и несоответствие таких сведений действительности.

Наличие вышеназванных черт позволяет отнести дела о защите от диффамации к категории сложных.

Основной проблемой рассмотрения споров о защите от диффамации является неструктурированность процесса доказывания, т.е. отсутствие закрепленной законом последовательности представления доказательств.

Для преодоления выявленной проблемы предлагается введение поэтапности представления и исследования доказательств по делам о защите от диффамации (установление факта распространения сведений; установление распространителя оспариваемых сведений; установление референта речевой коммуникации; выявление в оспариваемом фрагменте негативных сведений; установление факта соответствия действительности распространенных ответчиком негативных сведений об истце), которая имеет научно-практическое значение в том смысле, что непредставление доказательств в ходе соответствующего этапа должно повлечь невозможность перехода к последующему и вынесение судом решения на основе представленных доказательств, что будет способствовать процессуальной экономии в гражданском судопроизводстве.

3.3. Судебное решение по диффамационному спору и порядок его вынесения

Суть судебного процесса сводится к познанию всех обстоятельств дела и решению целого ряда логических задач. Во избежание судебных ошибок в основу решения суда, которое в соответствии с ч. 1 ст. 194 ГПК РФ провозглашается именем Российской Федерации, не могут быть положены неотносимые и недопустимые доказательства, которые по сути являются ложными посылками¹. Акт правосудия как результат властной оценки доказательств при этом остается выражением индивидуального судьейского правоприменения. Этим объясняется наличие определенных требований, предъявляемых к судебному решению. Содержательно норма гражданского процессуального законодательства, предусматривающая такие требования, за более чем пятьдесят лет не претерпела каких-либо изменений. Актуальная редакция ст. 195 ГПК РФ практически дословно воспроизводит положения ст. 192 ГПК РСФСР². Такая преемственность свидетельствует о том, что изначально законодатель избрал точную формулировку, указав, что решение суда должно быть законным и обоснованным.

Ученые-цивилисты называли и иные требования, предъявляемые к решению суда. Так, К. С. Юдельсон полагал, что решение «должно быть исчерпывающим и полностью разрешить спор между сторонами»³. По мнению М.А. Гурвича, «решение должно соответствовать требованиям полноты, определенности и соблюдения надлежащей формы»⁴. С.Н. Абрамов исходил из того, что судебное решение должно быть «исчерпывающим, окончательным,

¹ См.: Посылка – высказывание (формула), из которого делается вывод или заключение. Посылками могут служить высказывания о фактах, принципы и аксиомы, постулаты и пр. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: «Норит», 1997. С. 948.

² См.: Ст. 192 ГПК РСФСР от 11 июня 1964 года. Ведомости Верховного Совета РСФСР от 18 июня 1964 г., № 24, ст. 407.

³ См.: Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс. // М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 275.

⁴ См.: Гурвич М.А. Избранные труды. Том II /М.А. Гурвич; МГУ им. М.В. Ломоносова, юрид. фак., каф. гражд. процесса и трудового права. – Краснодар: Совет. Кубань, 2006. С. 50.

категорическим и безусловным»¹. И.В. Воронцова обоснованно полагает, что решение суда должно быть справедливым². М.А. Викут в качестве самостоятельного требования, предъявляемого к судебному решению, называла мотивированность, подчеркивая при этом не тождественность этого понятия требованию обоснованности³. Однако, рассуждая с точки зрения формальной логики, круг понятия «законное и обоснованное решение» включает все вышеперечисленные требования, сформулированные видными процессуалистами.

Решение законно, как верно отмечал М.А. Гурвич, «если суд разрешил дело с точным соблюдением норм материального права, и если при этом строго соблюдались нормы процессуального права как в течение всего процесса, так и при вынесении самого решения»⁴. Словно продолжая и конкретизируя мысль ученого, ВС РФ разъясняет судам: «Решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права (ч. 1 ст. 1, ч. 3 ст. 11 ГПК РФ)»⁵.

Под обоснованностью судебного решения М.А. Гурвич понимал «удостоверенное убедительными доказательствами соответствие основания решения действительным обстоятельствам дела»⁶. Еще более развернуто это требование раскрывается в постановлении Пленума ВС РФ: «Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены

¹См.: Абрамов С.Н. Советский гражданский процесс. М.: Госюриздат, 1952. С. 263.

² См.: Воронцова И.В. Справедливость как задача гражданского судопроизводства и требование, предъявляемое к решению суда // Юрист. 2011. №23. С. 17-21.

³См.: Гражданский процесс России: Учебник / Под ред. док. юрид. наук, проф. М.А. Викут. М.: Юристъ, 2004. С. 289.

⁴См.: Гурвич М.А. Избранные труды. Том II / М.А. Гурвич; МГУ им М.В. Ломоносова, юрид. фак., каф. гражд. процесса и трудового права. – Краснодар: Совет. Кубань, 2006. С. 507.

⁵См.: Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 23 от 19 декабря 2003 г. «О судебном решении» // Российская газета. 2003. 26 декабря.

⁶ См.: Гурвич М.А. Избранные труды. Том II / М.А. Гурвич; МГУ им М.В. Ломоносова, юрид. фак., каф. гражд. процесса и трудового права. – Краснодар: Совет. Кубань, 2006. С. 507.

исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (ст. ст. 55, 59 – 61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов»¹.

Представляет интерес точка зрения А.Я. Вышинского, который, не будучи цивилистом, исследуя теорию судебных доказательств в самом широком смысле, отмечал, что постановление суда должно соответствовать специальным требованиям и прежде всего должно быть убедительным и «создавать в общественном мнении уверенность в безусловной правильности и справедливости выраженного в нем судьейского решения»². Убедительность, по мнению А.Я. Вышинского, означает «уверенность в исчерпывающем анализе всех обстоятельств дела, в том, что дело решено с учетом всех обстоятельств, какие только возможно установить и выяснить»³. Отметим, что требование убедительности не названо законодателем в числе требований, предъявляемых к судебному решению, но в определениях вышестоящих судебных инстанций, принимаемых в результате проверки судебных решений, мы обнаруживаем указание на необходимость его соблюдения. В определении Первого кассационного суда по конкретному делу, в частности, указано, что «выводы суда о фактах, имеющих юридическое значение для дела, не должны быть общими и абстрактными, они должны быть указаны в судебном постановлении убедительным образом со ссылками на нормативные правовые акты и доказательства, отвечающие требованиям относимости и допустимости»⁴.

¹ См.: Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 23 от 19 декабря 2003 г. «О судебном решении» // Российская газета. 2003. 26 декабря.

² См.: Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. С. 7.

³ См.: Там же. С. 7.

⁴ См.: Определение судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции по гражданском делу № 88-7708/2020. // URL: http://1kas.sudrf.ru/modules.php?Name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5268463&delo_id=2800001&new=2800001&text_umber=1# (дата обращения: 09 апреля 2021 г.).

Гражданские споры о защите от диффамации, затрагивающие важные вопросы общественно-политической жизни, конституционные права граждан, в том числе право избирать и быть избранным, обречены на широкий общественный резонанс, в связи с этим нельзя не согласиться А.Я. Вышинским, который писал, что «с момента, как решение и приговор судов лишаются в глазах общества и населения убедительности, суды теряют весь свой авторитет»¹. С развитием цифровизации достоверная информация о результатах отправления судами правосудия становится известна не только представителям юридического сообщества, но и массовой аудитории, что позволяет сопоставлять аргументацию судебных актов.

Так, решением Савеловского районного суда г. Москвы оставлены без удовлетворения иски о защите чести, достоинства и деловой репутации М., Н., Р. к П., редакции СМИ – телеканалу «Россия» (Россия-1), ФГУП ВГТРК о защите чести, достоинства, деловой репутации. Исковые требования были основаны на том, что ответчик в ходе выступления в прямом эфире телеканалов распространил негативные сведения, порочащие их честь, достоинство и деловую репутацию. Суд пришел к выводу о наличии в анализируемом текстовом фрагменте признаков обобщения, т.к. фамилии истцов употреблены ответчиком «не в качестве имен собственных, а исключительно в нарицательном значении этих фамилий для обозначения определенного класса политических деятелей, обладающих сходным методом ведения политической дискуссии»². Такой вывод суда имеет ключевое значение, поскольку распространение обобщенных сведений полностью исключает гражданско-правовую ответственность. Решение суда было обжаловано истцами,

¹ См.: Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. С. 8.

² См.: Решение Савеловского районного суда г. Москвы от 14 февраля 2011 года по гражданскому делу № 2-1779/11. Архив Савеловского районного суда г. Москвы.

но было оставлено без изменения Судебной коллегией по гражданским делам Московского городского суда¹.

В тот же период времени Ленинский районный суд города Саратова рассмотрел гражданское дело по иску В. к Р. о защите чести, достоинства, деловой репутации. Истец просил признать не соответствующими действительности сведения, распространенные ответчиком в ходе публичного выступления на митинге. Невзирая на аргументы представителя ответчика о том, что все фамилии ответчиком назывались в ходе выступления во множественном числе, как обобщение, с использованием лингвистического приема неполной номинации референта, исковые требования судом были удовлетворены².

Приведенные в качестве примера судебные решения вполне сопоставимыми по составу лиц, участвующих в деле, по времени рассмотрения исковых требований в суде, по существу возникших диффамационных споров и отнесению продуктов речевой деятельности к элементам общественно-политической дискуссии. Однако принятые решения разнятся по вопросу применения языковых норм. В решении Савеловского районного суда г. Москвы сделан вывод о наличии в спорном фрагменте речевой коммуникации обобщения, несмотря на отсутствие соответствующих лингвистических признаков, в решении же Ленинского районного суда г. Саратова, напротив, суд пришел к выводу об отсутствии обобщения, несмотря на наличие признаков обобщения.

Национальные суды РФ подтвердили законность и обоснованность решения Ленинского районного суда г. Саратова, однако впоследствии Европейским судом по правам человека оно было признано не соответствующим Конвенции о защите

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 24 марта 2011 года по делу № 33-7986. // URL:<https://media-pravo.info/case/802-2> (дата обращения 09.04.2021 г.).

² См.: Решение Ленинского районного суда города Саратова от 07 апреля 2010 года по гражданскому делу № 2-618/2010. Архив Ленинского районного суда г. Саратова.

прав человека и основных свобод, т.к. «заявление представляет собой утверждение о коллективной политической ответственности»¹.

Отметим, что неединообразная судебная оценка представленных доказательств может указывать как на неприемлемую в цивилизованном обществе политическую ангажированность, так и являться примером реализации свободы суда в оценке доказательств. В целях демаркации этих противоположных по своей сути подходов обратимся к теоретическим основам понятия «оценка доказательств».

С.Н. Абрамов считал, что оценка доказательств есть не что иное, как «суждение суда о доказательственной силе каждого доказательства в отдельности и всех доказательств вместе»².

А.Х. Гольмстен ратовал за абсолютную свободу судьи производить оценку представленных сторонами фактов, благодаря признанию которой наилучшим образом и достигаются цели правосудия»³.

Е.А. Нефедьев по данному вопросу занимал более сдержанную и взвешенную позицию, заключая, что безусловная свобода судьи при оценке доказательств «могла бы вредно отозваться на интересах тяжущихся, так как судья мог бы не доверять таким доказательствам, на непоколебимость которых стороны имели полное право рассчитывать»⁴.

Современное понимание свободы судебной оценки доказательств более созвучно позиции Е.А. Нефедьева и не допускает ничем не ограниченной свободы судебной оценки. «Оценка доказательств и отражение ее результатов в судебном решении, – читаем в Обзоре судебной практики ВС РФ, – являются проявлением дискреционных полномочий суда, необходимых для осуществления правосудия,

¹См.: Постановление ЕСПЧ от 07 июля 2020 года по делу «Рашкин против России» (жалоба № 69575/10) // URL:<https://european-court-help.ru/delo-69575-10-rashkin-protiv-rossii/> (дата обращения: 06 июля 2021 г.).

² См.: Абрамов С.Н. Советский гражданский процесс. М.: Госюриздат, 1952. С. 193.

³ См.: Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства / Под ред. Треушниковой М.К., Поповой Ю.А. – Краснодар, 2004. С. 187.

⁴ См.: Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. МГУ им. М.В. Ломоносова. Кубан. гос. ун-т. – Краснодар: Совет. Кубань, 2005. С. 219.

вытекающих из принципа самостоятельности судебной власти, что, однако, не предполагает возможности оценки судом доказательств произвольно и в противоречии с законом»¹.

Специфика рассмотрения диффамационных споров состоит в том, что предметом властной судебной оценки является некий речевой продукт (фрагмент аудио- или видеозаписи, текстовый фрагмент), который должен прежде всего оцениваться с точки зрения существующих норм языка судопроизводства (ч. 1 ст. 9 ГПК РФ). Судье как носителю этого языка эти нормы известны, как и то, что они не являются нормами права. В связи с этим предлагается дополнить ст. 9 ГПК РФ частью 3 следующего содержания: «При отправлении правосудия используются языковые нормы и правила, зафиксированные в грамматиках, справочниках, словарях русского языка». Такая новация сделала бы невозможным существование решений, в которых игнорировались бы языковые нормы, как в вышеприведенных примерах.

Для убедительности приведем еще один пример. Как известно, текст состоит из предложений. «Предложение – это слово или несколько слов, которые выражают законченную мысль. Первое слово в предложении всегда пишется с большой буквы. В конце предложения ставится точка»². Представляется очевидным, что судебной оценке не могут подвергаться части предложения, его фрагменты. Вместе с тем приходится признать, что в правоприменительной практике имеют место случаи нарушения норм русского языка. Так, в решении Октябрьского районного суда г. Саратова по конкретному гражданскому делу³ судебной оценке был подвергнут фрагмент предложения. При этом судом были игнорированы знаки препинания и маркер мнения, что не только исказило мысль

¹ См.: Пункт 4 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 2016. № 8.

² См.: Что такое предложение? // URL: <https://russkiiyazyk.ru/sintaksis/chto-takoe-predlozhenie.html> (дата обращения: 17 июня 2021 г.).

³ См.: Решение Октябрьского районного суда г. Саратова от 10 февраля 2010 года по гражданскому делу № 2-79/2010 г. Архив Октябрьского районного суда г. Саратова.

автора, выраженную в предложении, но и привело к возникновению новой мысли, автором которой является суд. Нарушение целостности текстового фрагмента не было выявлено и в ходе проверки решения судами кассационной¹ и надзорной инстанций²³.

Правоприменительная практика по рассмотрению диффамационных споров сложилась таким образом, что в подавляющем большинстве случаев суд основывает свое решение на выводах, содержащихся в заключении судебной лингвистической экспертизы. При этом сами эксперты-лингвисты сообщают о потенциальной возможности множества ошибок в экспертной деятельности, «которые заключаются в использовании непригодных методов лингвистического анализа, приводящих к подмене смыслового содержания текста как объекта экспертного исследования или видоизменению его содержания посредством синонимической замены, свертки, реферирования, интерпретации и толкования, интроспекции⁴, помещения в искусственно созданный новый контекст «сложного объединенного текста»⁵.

В связи с этим на первый план выступает вопрос квалификации эксперта, которому М.А. Гурвич придавал первоочередное значение, указывая, что «суд должен проверить, обладает ли эксперт достаточной квалификацией в

¹См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Саратовского областного суда от 23 марта 2010 года по гражданскому делу № 33-1462. Архив Октябрьского районного суда г. Саратова. Гражданское дело № 2-79/2010 г.

² См.: Определение судьи Саратовского областного суда об отказе в передаче надзорной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда надзорной инстанции от 8 июня 2010 г. Архив Октябрьского районного суда г. Саратова. Гражданское дело № 2-79/2010 г.

³ См.: Определение судьи Верховного Суда РФ № 32-ф10-564 от 6 августа 2010 г. Архив Октябрьского районного суда г. Саратова. Гражданское дело № 2-79/2010 г.

⁴Интроспекция [лат. *introspecto* – смотрю внутрь] – самонаблюдение; изучение сознания, мышления самим переживающим эти психические процессы; основной метод интроспективной психологии. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Мн.: Современный литератор, 2007. С. 350.

⁵См.: Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза и пределы допустимости использования методов лингвистической науки // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 32.

соответствующей области...»¹, подчеркивая при этом, что «заключение эксперта является полноценным лишь при наличии в заключении точной научной обоснованности всех его выводов»². Относясь с безусловным уважением к творческому наследию М.А. Гурвича, автор исследования полагает, что такая позиция небезупречна, поскольку в ней заключено некое противоречие. Ведь необходимость назначения экспертизы продиктована отсутствием у суда «специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла», как это следует из содержания ч. 1 ст. 79 ГПК РФ, что лишает суд возможности проверить компетенцию эксперта. Суд может лишь удостовериться, например, что род (вид) экспертизы включен в «Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России»³, а экспертная специальность соответствует «Перечню экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России»⁴. Как следует из приведенного перечня, эксперт-лингвист должен иметь экспертную специальность 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности».

Актуальная редакция ГПК РФ не содержит требований о необходимости производства судебной экспертизы исключительно в федеральных бюджетных

¹См.: Гурвич М.А. Избранные труды. Том II / М.А. Гурвич; МГУ им М.В. Ломоносова, юрид. фак., каф. гражд. процесса и трудового права. – Краснодар: Совет. Кубань, 2006. С. 496.

² См.: Там же. С. 496.

³См.: Приложения № 1 к Приказу Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237 (в ред. от 13 сентября 2018 г.) «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России». // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_141682/ (дата обращения: 16.06.2021 г.).

⁴ См.: Приложения № 2 к Приказу Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237 (в ред. от 13 сентября 2018 г.) «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России». // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_141682/ (дата обращения: 16 июня 2021 г.).

судебно-экспертных учреждениях Минюста России. Таким образом, единственным условием, соблюдение которого позволяет эксперту принять поручение о производстве судебной лингвистической экспертизы, является наличие базового филологического образования¹.

Как показывает практика, особенно значимым этот вопрос становится в тех случаях, когда в исследуемом продукте речевой коммуникации выявляется негативная информация (сведения), выраженная в имплицитной (скрытой) форме. Если при этом эксперт не вербализировал, то есть не доказал свой вывод словесно, суд лишается возможности проверить выводы эксперта.

Следует согласиться с С.Н. Абрамовым, что «лишение суда права проверять правильность выводов экспертов привело бы к непримиримому противоречию с принципом внутреннего судейского убеждения к теории формальных доказательств, к совершенной бесконтрольности экспертов, а в конечном итоге к судебным ошибкам»². Такая точка зрения нашла свое отражение в законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», предписывающем, что «заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных»³.

А.Х. Гольмстен абсолютно справедливо подчеркивал: «Суд не обязан подчиняться мнению экспертов, несогласному с достоверными обстоятельствами дела. Но суд, конечно, обязан объяснить в своем решении, почему он признал заключение экспертов неубедительным и неправильным, почему при разноречии предпочел мнение одного мнению другого»⁴.

¹ См.: Лингвистическая экспертиза. Предмет, объект и задачи экспертизы. // URL: <http://www.sudexpert.ru/possib/lingv.php> (дата обращения: 17 июня 2021 г.).

² См.: Абрамов С.Н. Советский гражданский процесс. М.: Госюриздат, 1952. С. 215.

³ См.: Ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2001 № 73-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ от 4 июня 2001 г. № 23, ст. 2291.

⁴ См.: Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства / Под ред. Треушниковой М.К., Поповой Ю.А. – Краснодар, 2004. С. 185.

В качестве примера рассмотрим решение Ленинского районного суда г. Тамбова, который, рассмотрев по существу иски, требования судьи Саратовского областного суда Ж., указал в своем решении: «Проанализировав оспариваемые истцом фразы (о нарушении Ж.В.К. нормы УПК РФ), являющиеся, по его мнению, порочащими его честь и достоинство, суд приходит к выводу о том, что они представляют собой оценочные суждения, которые основаны на обстоятельствах, связанных с производством по ряду уголовных дел; никакой правовой оценки действиям истца, а также выводов о наличии конфликта интересов, оспариваемый фрагмент не содержит. В связи с чем суд не может согласиться с выводом эксперта в указанной части»¹.

Как представляется, принятое судом решение полностью соответствует разъяснениям, содержащимся в п. 7 Постановления Пленума ВС РФ № 23 от 19 декабря 2003 г. «О судебном решении», в соответствии с которым судам «следует иметь в виду, что заключение эксперта, равно как и другие доказательства по делу, не являются исключительными средствами доказывания и должны оцениваться в совокупности со всеми имеющимися в деле доказательствами (статья 67, часть 3 статьи 86 ГПК). Оценка судом заключения должна быть полно отражена в решении. При этом суду следует указывать, на чем основаны выводы эксперта, приняты ли им во внимание все материалы, представленные на экспертизу, и сделан ли им соответствующий анализ»².

Нельзя не сказать и о требовании исполнимости судебного решения, т.к. в конечном итоге именно исполнимость способствует восстановлению нарушенного права, в противном случае решение превратится в пустую формальность.

Е.Г. Тришина обоснованно считает, что «решение теряет свое предназначение как акта защиты права, поскольку невозможность исполнения

¹См.: Решение Ленинского районного суда г. Тамбова от 29 июля 2020 г. по гражданскому делу № 2-14/2020 2-14/2020(2-687/2019. //URL:<http://sudact.ru/regular/doc/mmDCdpIrRpH8/> (дата обращения: 14 июня 2021 г.).

² См. п. 7Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 23 от 19 декабря 2003 г. «О судебном решении» // Российская газета. 2003. 26 декабря.

решения в связи с погрешностями в его изложении свидетельствует о недостижении целей судопроизводства»¹.

ВС РФ неоднократно обращал внимание на то, что судебные акты «должны быть точными, понятными, убедительными и объективными по содержанию, не допускающими неясностей при исполнении»², «должно быть четко сформулировано, что именно постановил суд, как по первоначально заявленному иску, так и по встречному требованию»³. Примером реализации требования исполнимости, предъявляемого к решению суда по диффамационному спору, служит возложение обязанности опубликовать опровержение исключительно на юридическое лицо – СМИ либо на его учредителя, т.к. только эти лица имеют объективную возможность исполнить решение суда.

Процессуальные особенности применения в ходе рассмотрения и разрешения по существу диффамационных споров норм международного и прецедентного права, связанные с членством Российской Федерации в Совете Европы и ратификацией 30 марта 1998 года Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴, в настоящем исследовании не рассматриваются в связи с тем, что 16 марта 2022 года членство Российской Федерации в Совете Европы было прекращено⁵.

¹См.: Тришина Е.Г. Исполнимость как требование, предъявляемое к судебному решению // В сборнике «Гражданский процесс: основные проблемы и тенденции развития» / Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Маргариты Андреевны Видуки (1 октября 2012 г.) / Под ред. А.И. Зайцева. – Саратов: Издательский Центр «Наука», 2012. С. 366.

² См. п. 12 Постановления Пленума ВС РФ № 27 от 31 мая 2007 г. «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 8.

³См. п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 23 от 19 декабря 2003 г. «О судебном решении» // Российская газета. 2003. 26 декабря.

⁴ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 года) (с изм. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Собрание законодательства РФ, 2001. № 2, ст. 163.

⁵См.: Resolution CM/Res (2022)2 on the cessation of the membership of the Russian Federation to the Council of Europe (Adopted by the Committee of Ministers on 16 March 2022 at the 1428th meeting of the Ministers' Deputies) // URL:

Подводя итог исследованию особенностей судебного решения по диффамационному спору, следует подчеркнуть, что оно должно быть не только законным, обоснованным, исполнимым, но и убедительным. Необходимость этого требования наиболее рельефно проявляется в ходе судебной защиты от диффамации, поскольку лицами, участвующими в этих делах, зачастую являются политики, общественные деятели и другие известные лица. Решение суда по гражданскому делу о защите чести, достоинства и деловой репутации должно содержать ответ на общественный запрос о правилах ведения различных дискуссий, о допустимых пределах критики. При этом требование убедительности не тождественно обоснованности или мотивированности.

Под убедительностью следует понимать необходимость исчерпывающей судебной оценки всех без исключения аргументов сторон и представленных ими доказательств. Нельзя не учитывать, что, принимая участие в рассмотрении гражданского дела, каждая из сторон, неся значительные материальные расходы, временные затраты, выстраивает некую концепцию доказательств, подтверждающих обстоятельства, на которые она ссылается для обоснования своей позиции, полагая, что это ее неотъемлемое право.

Ю.А. Свирин справедливо заметил, что «вполне реальная и прагматически объяснимая зона тени недоверия судебной власти разрастается...»¹. Доверие общества к судебной системе может быть утрачено в результате игнорирования судом тех или иных доказательств. Приходится признать, что такое чуждое гражданскому процессу явление сегодня существует. Можно назвать, по меньшей мере, три его проявления. Первое – приобщенное к материалам дела доказательство не подвергается судебной оценке и в решении суда не упоминается. Второе – в судебном решении сообщается о наличии доказательства с краткой оговоркой, что суд относится к нему критически, но никакие аргументы

https://search.coe.int/cm/pages/result_details.aspx?objectid=0900001680a5da51 (дата обращения 20.03.2022 г.).

¹См.: Свирин Ю.А. Конспирологический подход к ответственности в праве // Юридическая наука. 2013. №3. С. 33.

судом не приводятся. Третье – отказ в удовлетворении ходатайства о приобщении к материалам дела доказательства на основании требований ст. 59 ГПК РФ и, как следствие, оставление доказательства и аргументов стороны без судебной оценки.

Нельзя не согласиться с Н.А. Артебякиной: «Деятельность суда не должна подрывать веру в правосудие, порождать правовой нигилизм в сознании людей»¹. Требование убедительности, предъявляемое к судебному решению, позволит предотвратить утрату доверия общества к судебной системе, деятельность которой призвана обеспечить цивилизованное разрешение споров, поступательное развитие общества, обеспечение правопорядка и общественного спокойствия.

¹ См.: Артебякина Н.А. Судебное усмотрение в гражданском законодательстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 3. С.25.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нормальное развитие общества невозможно без интеллектуальной свободы каждого индивида, свободы средств массовой информации, свободы мысли и слова, позволяющих сформировать и выразить собственное мнение по всем значимым вопросам. Безусловно, реализация свободы слова должна быть сопряжена с ограничениями и вмешательством государства в коммуникативный процесс, однако пределы такого вмешательства должны быть ограничены исключительно необходимостью охраны общественного порядка, здоровья и нравственности населения, государственной безопасности, прав и репутаций других лиц.

В ходе настоящего исследования выявлены следующие процессуальные особенности судопроизводства по гражданским делам о защите от диффамации:

1) Вид производства по гражданским делам о защите от диффамации зависит от того, установлен ли распространитель диффамационных сведений, который может быть указан в качестве ответчика. Наличие спора о праве гражданском при определении вида производства по требованиям диффамационного характера правового значения не имеет.

2) Определение компетентного суда, к подсудности которого относится рассмотрение возникшего диффамационного спора, зависит от того, затрагивают ли оспариваемые сведения правоотношения в сфере экономической деятельности.

3) Под обстоятельствами, имеющими значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, понимаются:

а) обстоятельства, с помощью которых устанавливается, имел ли место факт распространения оспариваемых сведений;

б) обстоятельства, с помощью которых устанавливается распространитель оспариваемых сведений;

в) обстоятельства, с помощью которых устанавливается референт оспариваемых сведений;

г) обстоятельства, указывающие на порочащий характер сведений;

д) обстоятельства, указывающие на то, что распространенные ответчиком об истце порочащие честь, достоинство и деловую репутацию сведения не соответствуют (соответствуют) действительности.

4) В случаях, когда в качестве способа защиты своего нарушенного права на честь, достоинство и деловую репутацию истец в соответствии с ч. 4 ст. 152 ГК РФ избирает обращение в суд с иском о возложении на администратора сайта в сети Интернет обязанности по удалению сведений, признанных судом не соответствующими действительности в соответствии с п. 8 ст. 152 ГК РФ, и возмещении убытков, необходимым является соблюдение досудебного порядка урегулирования спора в виде направления администратору сайта письменного требования об удалении такой информации, несмотря на то, что такой порядок не установлен федеральным законом.

5) Гражданские процессуальные последствия привлечения распространителя не соответствующих действительности диффамационных сведений к уголовной и административной ответственности разнятся.

Рассмотрение в порядке уголовного судопроизводства заявления потерпевшего о посягательстве на честь и достоинство (ст. 128.1 УК РФ) не препятствует обращению в суд с исковым заявлением о защите чести и достоинства в порядке ст. 152 ГК РФ, в то время как рассмотрение в порядке производства по делам об административных правонарушениях заявления потерпевшего о посягательстве на честь и достоинство (ст. 5.61 КоАП РФ) влечет невозможность защиты нарушенного права в порядке ст. 152 ГК РФ, отказ в принятии искового заявления (п. 1, ч. 1 ст. 134 ГПК РФ), а в случае его принятия к производству суда – прекращение производства по делу (ст. 220 ГПК РФ) или отказ в удовлетворении исковых требований.

б) Обязанности по доказыванию обстоятельств, имеющих значение для разрешения диффамационного спора, распределяются следующим образом:

истец обязан доказать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, а также порочащий характер этих сведений;

ответчик обязан доказать соответствие действительности распространенных сведений.

Отступление от общего правила по доказыванию обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, объясняется наличием доказательственных (правовых) презумпций (предположений) о том, что распространенные ответчиком порочащие сведения не соответствуют действительности, пока не будет доказано иное, и о наличии у лица, обратившегося в суд, чести, достоинства и деловой репутации. Однако данная презумпция применима лишь к физическим лицам.

7) Дефиниция «заинтересованное лицо», используемая в ст. 152 ГК РФ при наделении правом защиты личных неимущественных прав на честь, достоинство и деловую репутацию, принадлежащих умершему физическому лицу, не совпадает с используемой в гражданском процессуальном законодательстве, т.к. предполагает включение в число заинтересованных лиц лишь родственников и наследников умершего.

8) Процессуальный статус ответчика в диффамационном споре вариативен и зависит от:

установления автора и распространителя диффамационных сведений;

содержания уставных документов СМИ;

сохранения СМИ в тайне источника информации;

наличия оснований для освобождения от ответственности, предусмотренных ст. 57 Закона о СМИ;

уровня редакционного контроля (модерации) владельца сайта в сети Интернет над распространяемым пользователями сайта контентом;

наличия у владельца сайта в сети Интернет технической возможности принять меры к удалению или блокированию информации, как только ему станет известно о ее незаконности;

добровольности удовлетворения информационным посредником (владельцем интернет-ресурса) требований заявителя об удалении сведений.

Привлечение соответчика к участию в деле о защите от диффамации возможно по инициативе суда.

9) Необходимость привлечения к рассмотрению гражданского дела о защите от диффамации третьих лиц объясняется полисубъектностью правоотношений, возникающих в связи с распространением диффамационных сведений, и зависит от способа их распространения.

Выводы, сделанные в ходе диссертационного исследования, позволили автору сформулировать оригинальную концепцию рассмотрения диффамационных споров, которая отличается внутренней согласованностью, новизной, направлена на соблюдение сроков рассмотрения диффамационных споров и гармонизацию действующего законодательства.

Предложения по совершенствованию действующего законодательства сформулированы в Приложении к настоящему диссертационному исследованию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Нормативно-правовые акты

1.1. *Международные правовые акты*

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

2. Декларация Комитета Министров Совета Европы «О свободе обмена информацией в Интернете» от 28 мая 2003 г. – URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/17327961/> (дата обращения: 11 декабря 2020 г.).

3. Рекомендация CM/Rec (2011) 7 Комитета Министров государствам-членам о новом понятии СМИ (принята Комитетом Министров 21 сентября 2011 г. на 1121-ом заседании постоянных представителей министров). – URL: http://cyberpeace.org.ua/files/ii_e_14.pdf (дата обращения: 11 декабря 2020 г.).

4. Совместная декларация Специального докладчика ООН по вопросу о праве на свободу убеждений и их свободное выражение, Представителя ОБСЕ по вопросам свободы средств массовой информации, Специального докладчика ОАГ по вопросу свободы выражения мнения и Специального докладчика по вопросу о свободе выражения мнения и доступе к информации в Африке «О свободе выражения мнения, а также «фейковых» новостях, дезинформации и пропаганде» от 3 марта 2017 г. – URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/f/2/302806.pdf> (дата обращения: 11 декабря 2020 г.).

1.2. *Нормативные правовые акты Российской Федерации*

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского всенародного голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. – 1993. 25 декабря. – № 237. 2020. – Официальный интернет-портал правовой

информации. Дата опубликования 04 июля 2020 г. Номер опубликования – 0001202007040001. // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 7 сентября 2021 г.).

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012; 2019. – № 30. – Ст. 4099.

3. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24 (утратил силу).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 28 июня 2021 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2021. – № 27. – Ч. 1. – Ст. 5053.

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532; 2021. – № 27. – Ч. 1. – Ст. 5071.

6. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 13 февраля 1992 г. № 7. Ст. 300.

7. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. (ред. от 15 апреля 2021 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841/ (дата обращения: 18 февраля 2021 г.).

8. Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации (принят Первым национальным съездом врачей Российской Федерации 05 октября 2012 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174773/ (дата обращения: 19 января 2021 г.).

9. Кодекс судейской этики (утвержден 19 декабря 2012 года VIII Всероссийским съездом судей) (ред. от 08 декабря 2016 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139928/ (дата обращения: 18 февраля 2021 г.).

10. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1) (ред. от 02 июля 2021 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 11 марта 1993 г. – № 10. – Ст. 357; СЗ РФ. – 2021. – № 27. – Ч. 1. – Ст. 5182.

11. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 28.07.2021 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 1. – Ч. 1. – Ст. 3; 2021. – № 27. – Ч. 1. – Ст. 5048.

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01 июля 2021 г.) // СЗ РФ. – 1996. № 25, ст. 2954; 2021. – № 27. – Ч. 1. – Ст. 5120.

13. Указ Президента Российской Федерации от 31 января 1994 г. № 228 «Об утверждении Положения о Судебной палате по информационным спорам при Президенте Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1994. – № 6. – Ст. 434 (утратил силу).

14. Указ Президента РФ от 06 марта 1997 года № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» // СЗ РФ. – 1997. – № 10. – Ст. 1127.

15. Указ Президента Российской Федерации от 1 сентября 2000 г. № 1606 «Об изменении и о признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации в связи с формированием Администрации Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2000. – № 36. – Ст. 3636.

16. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 30 октября 2018 г.) // Российская газета. – 1997. – № 3; СЗ РФ. – 2018. – № 45. – Ст. 6823.

17. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.

18. Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4531; СЗ РФ. – 2019. – № 18. – Ст. 2224.

19. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 1 июля 2021 г.) // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822; СЗ РФ. – 2021. – № 27. – Ч. I. – Ст. 5117.

20. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 27 декабря 2018 г.) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // СЗ РФ. – 2006. – № 19. – Ст. 2060; СЗ РФ. – 2018. – № 53. – Ч. I. – Ст. 8454.

21. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 2 июля 2021 г.) // СЗ РФ. – 2006. – № 31. – Ч. I. – Ст. 3448; СЗ РФ. – 2021. – № 27. – Ч. I. – Ст. 5183.

22. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 02 июля 2021 г.) // СЗ РФ. – 2006. – № 31. – Ч. I. – Ст. 3451; СЗ РФ. – 2021. – № 27. – Ч. I. – Ст. 5159.

23. Федеральный закон от 5 апреля 2009 г. «О внесении изменений в статьи 45 и 131 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» № 43-ФЗ // СЗ РФ. – 2009. – № 14. – Ст. 1578.

24. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в ред. от 26 июля 2019 г.) // Российская газета. – 2010. – № 168; СЗ РФ. – 2019. – № 30. – Ст. 4099.

25. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (в ред. от 11 июля 2021 г.) // СЗ РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2036; СЗ РФ. – 2021. – № 24. – Ч. I. – Ст. 4188.

26. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 50-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части ограничения распространения информации о несовершеннолетних, пострадавших в результате противоправных действий (бездействия)» // СЗ РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1658.

27. Федеральный закон от 07 мая 2013 г. № 80-ФЗ «О внесении изменений в статью 5.59 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 1 и 2 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2013. – № 19. – Ст. 2307.

28. Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2013. – № 145.

29. Федеральный закон от 8 марта 2015 года № 23-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1393.

30. Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // СЗ РФ. – 2016. – № 26. – Ч. I. – Ст. 3889.

31. Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». // СЗ РФ. – 2018. – № 31. – Ст. 4854.

32. Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2018. – № 272.

33. Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2019. – № 166.

34. Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2019. – № 52. – Ч. I. – Ст. 7798.

35. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ «О внесении изменения в статью 1281 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2021. – № 2.

36. Постановление Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» // СЗ РФ. – 2006. – № 48. – Ст. 5042.

37. Приказ Министерства образования и науки РФ от 8 июня 2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» // Российская газета. – 2009. – № 156.

38. Приказ Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» (с изменениями, внесенными приказом Минюста России от 29 октября 2013 г. № 199) // Российская газета. – 2013. – № 24. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15 августа 2021 г.).

2. Комментарии законодательства

1. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР / под ред. Г.А. Жилина. М.: ООО «Издательство Проспект». – 2002. – 752 с.

2. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Жилина. – М.: ТК Велби. – 2003. – 824 с.

3. Научно-практический комментарий и семантический словарь. Конституция Российской Федерации / под ред. И.С. Яценко. – М.: Бератор-Пресс. – 2003. – 752 с.

4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский / под ред. А.В. Смирнова // Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс».

3. Материалы правоприменительной практики

1. Апелляционное определение Кемеровского областного суда № 33-3988/13 от 30 апреля 2013 г. – URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 28 ноября 2020 г.).

2. Апелляционное определение Саратовского областного суда № 33-3825 от 26 июня 2013 г. – URL: <http://sudact.ru>. (дата обращения: 28 декабря 2020 г.).

3. Доклад судьи Тверского областного суда Р.А. Сидорова «Обобщение практики рассмотрения дел, связанных с разрешением споров о компенсации морального вреда, причиненного распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина». – URL: http://oblsud.twr.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=80 (дата обращения: 7 декабря 2020 г.).

4. Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам Верховным Судом Российской Федерации совместно с верховными судами республик, краевыми, областными судами и равными им судами проведено обобщение практики применения законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 декабря 2011 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 3.

5. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016 г. – № 8.

6. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г. – URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/45925.html> (дата обращения: 7 ноября 2020 г.).

7. Определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2010 № 135-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанова Вадима Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 47 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=142769#07088520404122023> (дата обращения: 21 января 2021 г.).

8. Определение Конституционного Суда РФ от 04 июня 2013 № 900-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Чирковой Тамары Александровны на нарушение ее конституционных прав положениями части 1 статьи 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148627/ (дата обращения: 30 января 2020 г.)

9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 апреля 2000 г. № 5-Г00-46. – URL: <https://demo.garant.ru/#/document/5798623/paragraph/15/doclist/87/showentries/0/highlight> (дата обращения: 03 января 2021 г.).

10. Определение судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче надзорной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда надзорной инстанции от 08 июня 2010 г. Гражданское дело № 2-79/2010 находится на хранении в архиве Октябрьского районного суда г. Саратова.

11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Саратовского областного суда от 23 марта 2010 г. Гражданское дело № 2-79/2010 находится на хранении в архиве Октябрьского районного суда г. Саратова.

12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 24 марта 2011 года по делу № 33-7986. – URL: <https://media-pravo.info/case/802-2> (дата обращения: 09 апреля 2021 г.).

13. Определение о принятии заявления к производству суда, возбуждении производства по делу и подготовке дела к судебному разбирательству по гражданскому делу № 2-240/2005 г. судьи Октябрьского районного суда г. Саратова от 14 мая 2005 года. Гражданское дело находится на хранении в архиве Октябрьского районного суда г. Саратова.

14. Определение Центрального районного суда г. Симферополя Республики Крым от 12 октября 2016 г. по гражданскому делу № 9-791/2016. – URL: [://sudact.ru](http://sudact.ru) (дата обращения: 15 января 2021 г.).

15. Определение Московского гарнизонного военного суда от 25 октября 2016 года по гражданскому делу № 9-283/2016. – [://sudact.ru/regular/doc/bVUevmJ6lOUr/](http://sudact.ru/regular/doc/bVUevmJ6lOUr/) (дата обращения: 15 января 2021 г.).

16. Определение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 31 мая 2017 г. по гражданскому делу № 9-4088/2017. – URL: [://sudact.ru/regular/doc/YNKeqGrapOZX/](http://sudact.ru/regular/doc/YNKeqGrapOZX/) (дата обращения: 15 января 2021 г.).

17. Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 июня 2015 г. Дело «Компания «Делфи АС» (Delfi AS) против Эстонии» (жалоба № 64569/09). Большая Палата Европейского Суда. – URL: <https://internet.garant.ru/#/document/71248950/paragraph/19/doclist/16730/showentries/0/highlight> (дата обращения: 10 января 2020 г.).

18. Постановление Европейского Суда по правам человека от 07 июля 2020 г. Дело «Рашкин против России» (жалоба № 69575/10). – URL: <https://european-court-help.ru/delo-69575-10-rashkin-protiv-rossii/> (дата обращения: 06 июля 2021 г.).

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2006 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 336 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан К.А. Инешина, Н.С. Никонова и открытого акционерного общества «Нижекамскнефтехим» // Российская газета. – 2006. – 3 марта.

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко» // Российская газета. – 2011. – № 165.

21. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2011 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какуева» // СЗ РФ. – 2011. – № 30. – Ч. II. – Ст. 4699.

22. Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В.Крылова. – URL: [http:// publication. pravo.gov. ru/ Document/ View/0001201307110020](http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201307110020) (дата обращения: 10 декабря 2020 г.).

23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 2.

24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 2.

25. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газета. – 2005. – № 50.

26. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 мая 2007 г. № 27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 8.

27. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» (в ред. от 9 февраля 2012 г.) // Российская газета. – 2008. – 2 июля; 2012. – 7 февраля.

28. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 июня 2010 года № 16 «О применении судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. № 8.

29. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 9 (утратило силу с 22 июня 2021 г.).

30. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 15 января 2013 года. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=141555#02818306417673462> (дата обращения: 30 января 2020 г.)

31. Решение Железнодорожного районного суда города Ростова-на-Дону по гражданскому делу № 2-2861/2019г. от 17 декабря 2019 г. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/na94reUkw8rT/> (дата обращения: 22 ноября 2020 г.).

32. Решение Заводского районного суда города Саратова от 02 февраля 2010 года по делу № 2-1863/2009. Гражданское дело находится на хранении в архиве Заводского районного суда г. Саратова.

33. Решение Заводского районного суда города Саратова от 12 апреля 2010 г. по делу № 2-546/2010 г. Гражданское дело находится на хранении в архиве Заводского районного суда г. Саратова.

34. Решение Костромского районного суда Костромской области по гражданскому делу № 2-1117/2019; 2-62/2020 от 19 мая 2020 г. – URL://sudact.ru/regular/doc/49ESEjVrBJZu/ (дата обращения: 07 февраля 2021 г.).

35. Решение Ленинского районного суда г. Саратова от 7 апреля 2010 г. по делу № 2-618/2010 г. Гражданское дело находится на хранении в архиве Ленинского районного суда г. Саратова.

36. Решение Ленинского районного суда г. Саратова от 27 января 2020 г. по гражданскому делу № 2-169/2020. – URL://sudact.ru/regular/doc/oOpE gF HCcjHV/ (дата обращения: 21 ноября 2020 г.).

37. Решение Ленинского районного суда г. Барнаула от 27 февраля 2020 г. по гражданскому делу № 2-373/2020. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/rDeaCu3mSwZX/> (дата обращения: 05 декабря 2020 г.).

38. Решение Ленинского районного суда г. Тамбова от 29 июля 2020 г. по гражданскому делу № 2-14/2020;2-687/2019. – URL:<http://sudact.ru/regular/doc/mmDCdprIrRpH8/> (дата обращения: 14 июня 2021 г.).

39. Решение Ленинского районного суда г. Костромы от 26 февраля 2020 г. по гражданскому делу № 2-217/ 2020. – URL:[sudact.ru /regular/doc/cyAbrp mHNWNE/](http://sudact.ru/regular/doc/cyAbrp mHNWNE/) (дата обращения: 05 декабря 2020 г.).

40. Решение Одинцовского городского суда Московской области по гражданскому делу № 2- 9724/2019 от 3 декабря 2019 г. – URL:<http://sudact.ru/regular/doc/uukLMTGBDybZ/> (дата обращения: 22 ноября 2020 г.).

41. Решение Октябрьского районного суда г. Саратова по гражданскому делу № 2-240/2005 г. от 13 апреля 2005 года. Гражданское дело находится на хранении в архиве Октябрьского районного суда г. Саратова.

42. Решение Октябрьского районного суда г. Владимира от 2 июня 2011 г. по гражданскому делу № 2-1658/2011. – URL:[sudact.ru/ regular/ doc/5mbfyboHnJHx/](http://sudact.ru/regular/doc/5mbfyboHnJHx/) (дата обращения: 17 февраля 2021 г.).

43. Решение Октябрьского районного суда г. Саратова от 24 февраля 2014 г. по гражданскому делу № 2-445/14. – URL://sudact.ru/regular/doc/xSA38W PU OnUE (дата обращения: 03 февраля 2021 г.).

44. Решение Октябрьского районного суда г. Саратова от 28 февраля 2020 г. – URL://sudact.ru/regular/doc/VsfniHel5k1A/ (дата обращения: 20 декабря 2020 г.).

45. Решение Октябрьского районного суда г. Новороссийска от 27 мая 2020 г. по гражданскому делу № 2-40/2020. – URL://sudact.ru/regular/doc/XpWBdVcNikgV/ (дата обращения: 28 декабря 2020 г.).

46. Решение Советского районного суда г. Челябинска от 20 февраля 2020 г. по гражданскому делу № 2-111/2020 (2-3421/2019). – URL://sudact.ru/regular/doc/29MQMsqerCgw/ (дата обращения: 29 декабря 2020 г.).

47. Решение Савеловского районного суда г. Москвы от 14 февраля 2011 г. по гражданскому делу № 2-1779/11. Гражданское дело находится на хранении в архиве Савеловского районного суда г. Москвы.

48. Решение Фрунзенского районного суда г. Саратова от 03 июля 2019 г. по гражданскому делу № 2-523/19. – URL: http://sudact.ru/regular/doc/iD N8zflsLT6K/ (дата обращения: 30 ноября 2020 г.).

49. Решение Хабаровского районного суда Хабаровского края от 17 февраля 2020 г. по гражданскому делу № 2-519/2020 г. – URL://sudact.ru/regular/doc/0bZYClBXXv6D/ (дата обращения: 26 января 2021 г.).

50. Решение Центрального районного суда г. Челябинска от 08 апреля 2014 г. по гражданскому делу № 2-1257/2014. – URL:http://sudact.ru/regular/doc/g1a3jferilVO/ (дата обращения: 30 ноября 2020 г.).

51. Решение Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 18 сентября 2019 г. по гражданскому делу № 2-9865/2019. – URL:http://sudact.ru/regular/doc/g7JpArHfxcJX/ (дата обращения: 28 ноября 2020 г.).

4. Научные издания

1. Батурина Н.А. Причины судебных ошибок и процессуальные средства их предупреждения в гражданском судопроизводстве [Текст] / Н.А. Батурина / под ред. О.В. Исаенковой. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 176 с.
2. Барсукова В.Н. Институт чести и достоинства в российском праве: вопросы теории и практики [Текст] / В.Н. Барсукова / под ред. И.Н. Сенякина. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 232 с.
3. Барсукова В.Н. Механизм правовой защиты чести и достоинства человека [Текст] / В.Н. Барсукова / под ред. И.Н. Сенякина. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 184 с.
4. Борисова В.Ф. Возбуждение гражданского судопроизводства [Текст] / В.Ф. Борисова / под ред. М.А. Викут. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 160 с.
5. М.А. Викут – 60 лет научно-педагогической деятельности [Текст] / М.А. Викут. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. – 156 с.
6. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве [Текст] / А.Я. Вышинский. Юридическое изд-во НКЮ СССР. – М., 1941. – 220 с.
7. Гаврилов Е.В. Компенсация нематериального (репутационного) вреда как способ защиты деловой репутации юридических лиц [Текст] / Е.В. Гаврилов / – М.: Юстицинформ, 2022. – 344 с.
8. Евстифеева Т.И. Гражданские процессуальные правоотношения [Текст] / Т.И. Евстифеева. – Саратов: СГСЭУ, 2002. – 116 с.
9. Ефимова Ю.В. Виды гражданского судопроизводства [Текст] / Ю.В. Ефимова. – Саратов: «Издательский Центр «Наука», 2008. – 115 с.
10. Исаенков А.А. Иммунитеты в гражданском процессуальном праве России [Текст] / А.А. Исаенков / под ред. О.В. Исаенковой; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Изд-во ФГБОУ «Саратовская государственная юридическая академия», 2018. – 224 с.

11. Исаенкова О.В., Николайченко О.В., Соловьева Т.В., Ткачева Н.Н. Иск и исковая форма защиты в гражданском процессе [Текст] / О.В. Исаенкова, О.В. Николайченко, Т.В. Соловьева, Н.Н. Ткачева / под ред. О.В. Исаенковой. М.: Юрайт, 2022. – 183 с.

12. Плешанов А.Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики [Текст] / А.Г. Плешанов / под ред. В.В. Яркова // М.: Норма, 2002. – 352 с.

13. Подберезкин А.И., Стреляев С.П., Ястребов Я.И. Средства массовой информации в развитых демократиях: свободы и несвободы [Текст] / А.И. Подберезкин, С.П. Стреляев, Я.И. Ястребов. – М.: 2004. – 207 с.

14. Потапенко С.В., Даниелян А.С. Защита чести, достоинства и деловой репутации: гражданско-правовой и процессуально-правовой аспекты [Текст] / С.В. Потапенко, А.С. Даниелян. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. – 202 с.

15. Резник Г.М., Скловский К.И. Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ [Текст] / Г.М. Резник, К.И. Скловский / под ред. К.И. Скловского. – М.: Статут, 2006. – 270 с.

16. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе [Текст] / Е.Р. Россинская. – М.: Норма, 2005. – 656 с.

17. Свинцова М.В. Противодействие диффамации по российскому гражданскому законодательству [Текст] / М.В. Свинцова. – М.: Юстицинформ, 2013. – 84 с.

18. Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права [Текст] / И.Н. Сенякин / под ред. М.И. Байтина. – Издательство Саратовского университета. – 1987. – 70 с.

19. Чекмарева А.В. Проблемы подготовительных процедур в гражданском процессе и возможные пути их решения [Текст] / А.В. Чекмарева / под ред. О.В. Исаенковой. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2015. – 357 с.

20. Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу [Текст] / Н.А. Чечина. – СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2004. – 656 с.

21. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда [Текст] / А.М. Эрделевский. – М.: Р. Валент, 2007. – 272 с.

5. Учебные издания

1. Абова Т.Е. Гражданский и арбитражный процесс. Гражданское и хозяйственное право [Текст] / Т.Е. Абова: избранные труды. – М.: Статут, 2007. – 1134 с.

2. Абрамов С.Н. Советский гражданский процесс [Текст] / С.Н. Абрамов: учебник. – Государственное издательство юридической литературы. – М., 1952. – 420 с.

3. Афанасьев С.Ф., Бахарева О.А., Викут М.А. и др. Гражданский процесс России [Текст] / С.Ф. Афанасьев, О.А. Бахарева, М.А. Викут: учебник / под ред. М.А. Викут. – М.: Юристъ, 2004. – 459 с.

4. Барсукова В.Н., Соловьева Т.В. Гражданское процессуальное право России (вводные положения и принципы) [Текст] / В.Н. Барсукова, Т.В. Соловьева: учебное пособие. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. – 2012. – 156 с.

5. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса (том 1) [Текст] / Е.В. Васьковский. – М.: Статут, 2016. – 624 с.

6. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса [Текст] / Е.В. Васьковский. – Издание второе, переработанное. – М.: Издание бр. Башмаковых, 1917. – X, 429 с.

7. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства [Текст] / А.Х. Гольмстен: учебник; под ред. М.К. Треушникова, Ю.А. Поповой. – Краснодар, 2004. – 484 с.

8. Гражданский процесс [Текст]: краткий курс лекций / Ю.В. Францифоров, М.Ю. Лебедев, А.В. Чекмарева. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – 227 с.

9. Гражданский процесс [Текст]: курс лекций / И.В. Решетникова, В.В. Ярков. – 4-е изд, перераб. – М.: Норма, 2005. – 329 с.
10. Гражданский процесс [Текст]: курс лекций / О.В. Исаенкова, А.А. Демичев; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. – 400 с.
11. Гражданский процесс [Текст]: учебник / А.А. Демичев, О.В. Исаенкова, М.В. Карпычев и др.; под ред. А.А. Демичева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М. – 2015. – 320 с.
12. Гражданский процесс [Текст]: учебник / Е.А. Борисова, С.А. Иванова, М.К. Треушников [и др.] / под ред. М.К. Треушникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2007. – 784 с.
13. Гражданский процесс [Текст]: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / М.Ю. Лебедев и др.; под ред. М.Ю. Лебедева. – М.: Юрайт, 2015. – 388 с.
14. Гражданский процесс [Текст]: учебник / Н.М. Коршунов, Ю.Л. Мареев. – М.: Омега-Л, 2006. – 526 с.
15. Гражданский процесс [Текст]: учебник / под ред. Н.М. Коршунова. – М.: Эксмо. – 2005. – 800 с.
16. Гражданский процесс [Текст]: учебник / Т.К. Андреева, В.В. Аргунов, Е.А. Борисова и др. Под ред. М. К. Треушникова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2018. – 832 с.
17. Гражданский процесс [Текст]: учебник / Т.К. Андреева, В.В. Аргунов, Е.А. Борисова и др. Под ред. М. К. Треушникова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2021. – 992 с.
18. Гражданское процессуальное право [Текст]: учебник / С.А. Алехина, В.В. Блажеев, А.Т. Боннер и др. / Под ред. М.С. Шакарян. – М.: Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 584 с.

19. Гурвич М.А. Советский гражданский процесс (том 2) [Текст] / М.А. Гурвич: избранные труды. – Краснодар: Совет. Кубань, 2006. – 544 с.
20. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты [Текст] / Т.В. Сахнова. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 696 с.
21. Нахова Е.А. Доказательственное право в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве [Текст]: учебник / Е.А. Нахова. – СПб.; Изд-во «ВВМ», 2017. – 405 с.
22. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства [Текст]: учебник / Е.А. Нефедьев. – Краснодар: Совет. Кубань. – 2005. – 480 с.
23. Осокина Г.Л. Курс гражданского судопроизводства России. Общая часть [Текст]: учебное пособие / Г.Л. Осокина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 616 с.
24. Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс [Текст]: учебник / К.С. Юдельсон. – Государственное издательство юридической литературы. – М., 1956. – 440 с.

6. Справочные издания

1. Благовещенский А. ООН признала право на доступ в Интернет неотъемлемым // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2011/06/07/oon-site-anops.html> (дата обращения: 10 декабря 2020 г.).
2. Галяшина Е.И., Горбаневский М.В., Пантелеев Б.Н., Сафонова Ю.А. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов [Текст] / Е.И. Галяшина, М.В. Горбаневский, Б.Н. Пантелеев, Ю.А. Сафонова / под ред. М.В. Горбаневского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юридический Мир, 2006. – 112 с.
3. Новейший словарь иностранных слов и выражений [Текст] / Мн.: Современный литератор, 2007. – 976 с.

4. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1990. – 917 с.

5. Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. – М.: Медия, 2004. – 328 с.

6. Прямой эфир закону неподвластен. Комментарии Центра «Право и СМИ» / под ред. П.В. Суркова. «Центр Право и СМИ», сер. «Журналистика и право». – 1999. № 20. – URL: <http://www.medialaw.ru/publications/books/ch/n14.html> (дата обращения: 7 декабря 2020 г.).

7. Философский словарь. Энциклопедия философских терминов онлайн. – URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/i/istina.html> (дата обращения: 22 января 2021 г.).

7. Статьи в научных журналах, научных сборниках

1. Алиева З.З. Совершенствование судебной процедуры разбирательства дел об усыновлении [Текст] / З.З. Алиева // Актуальные проблемы развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека: сборник статей // Краснодар – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – С. 423-427.

2. Артебякина Н.А. Заявители и другие заинтересованные лица по делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного постановления в разумный срок – лица, участвующие в деле [Текст] / Н.А. Артебякина // Вестник Пермского университета. – 2012. – №1. – С.73-77.

3. Артебякина Н.А. Протокол осмотра нотариусом интернет-страницы как средство обеспечения доказательств в гражданском судопроизводстве [Текст] / Н.А. Артебякина // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. – С. 274-286.

4. Артебякина Н.А. Соотношение понятия «лица, участвующие в деле» с иными смежными процессуально-правовыми понятиями [Текст] / Н.А. Артебякина // Вестник татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2010. – №3. – С. 192-198.

5. Артебякина Н.А. Судебное усмотрение в гражданском законодательстве [Текст] / Н.А. Артебякина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 3. – С. 21-25.

6. Афанасьев С.Ф. О соучастии в гражданском процессе [Текст] / С.Ф. Афанасьев // Право. Законодательство. Личность. – 2012. – Т. 14. – № 1. – С. 142-144.

7. Барсукова В.Н. Правонарушения против чести и достоинства личности: понятие, признаки, виды [Текст] / В.Н. Барсукова // Право и государство: теория и практика. – 2019. № 10. – С. 28-30.

8. Барсукова В.Н. Факты и оценки с точки зрения защиты чести и достоинства личности [Текст] / В.Н. Барсукова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. № 6. – С. 28-34.

9. Барсукова В.Н. Честь и достоинство личности: понятие и общая характеристика [Текст] / В.Н. Барсукова // Современное право. – 2014. № 12. – С.20-25.

10. Бахарева О.А. Отдельные аспекты последствий, вызванных нарушением правил подсудности [Текст] / О.А. Бахарева // Перспективы развития гражданского процессуального права: сборник по материалам IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА (3 октября 2020 г., г. Саратов) / под ред. О.В. Исаенковой. – ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов. Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. – С. 71 -73.

11. Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ

[Текст] / Ю.А. Бельчиков, М.В. Горбаневский, И.В. Жарков // сборник материалов. – М.: ИПК «Информкнига», 2010. – С. 208.

12. Боннер А.Т. Аудио- и видеозаписи как доказательство в гражданском и арбитражном процессе [Текст] / А.Т. Боннер // Законодательство. – 2008. – № 3. – С. 79-87.

13. Боннер А.Т. Судебный прецедент в российской правовой системе [Текст] / А.Т. Боннер // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса / под ред. В.В. Яркова. – СПб.: 2004. – № 3. – С.151-161.

14. Бочарова Н.С. Институты *interventio accessoria* и *quasi interventio* в современном процессуальном праве [Текст] / Н.С. Бочарова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2013. – № 4. – С.48-71.

15. Викут М.А. Стороны – основные лица искового производства [Текст] / М.А. Викут // М.А. Викут – 60 лет научно-педагогической деятельности. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – 2007. – С. 5-74.

16. Волчихина Л.А., Золотухин А.Д. К вопросу о правосубъектности физических лиц в гражданском судопроизводстве [Текст] / Л.А. Волчихина, А.Д. Золотухин // Перспективы развития гражданского процессуального права: сборник статей по материалам IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА (3 октября 2020 г., г. Саратов) / под ред. О.В. Исаенковой. – Саратов: Издательство ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – 2020. – С. 184-188.

17. Воронцова И.В. Справедливость как задача гражданского судопроизводства и требование, предъявляемое к решению суда [Текст] / И.В. Воронцова // Юрист. – 2011. – №23. С 17-21.

18. Гаврилов Е.В. К вопросу о «положительном и (или) правдивом образе» при гражданско-правовой защите чести, достоинства и деловой репутации человека после его смерти [Текст] / Е.В. Гаврилов // Верховенство права: человек в государстве: Сборник научных статей, докладов Всероссийской научно-

практической конференции с международным участием (г. Ижевск, 24 октября 2019 г.). – Изд-во Ижевский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России). – 2019. – С. 131-134.

19. Гаврилов Е.В. Новации российского гражданского законодательства в сфере защиты чести, достоинства и деловой репутации [Текст] / Е.В. Гаврилов // Судья. – 2014. – № 4. С.12-16.

20. Гаврилов Е.В. О некоторых особенностях судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации посредством удаления порочащей информации из сети Интернет [Текст] / Е.В. Гаврилов // Судья. – 2018. – № 10. – С. 11-14.

21. Гаврилов Е.Г. О надлежащих ответчиках при гражданско-правовой защите чести, достоинства и деловой репутации от не соответствующей действительности порочащей информации, распространенной в сети Интернет (на примере России, Украины, Беларуси) [Текст] / Е.Г. Гаврилов // Право в информационном обществе: Трансформация или модернизация?: сборник статей по материалам V Международного сравнительно-правового конгресса (20 – 22 сентября 2018 г., г. Красноярск). – Издательство Сибирского федерального университета (г. Красноярск). – 2019. – С. 113-120.

22. Галяшина Е.И. Роль и значение деятельности профессора Л.В. Златоустовой в становлении и развитии лингвокриминалистики и судебного речеведения [Текст] / Е.И. Галяшина // Язык и речь: проблемы и решения: Сборник научных трудов к юбилею профессора Л. В. Златоустовой / под ред. Г. Е. Кедровой и В. В. Потапова. – М.: МАКС Пресс, 2004. – С. 26-40.

23. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза и пределы допустимости использования методов лингвистической науки [Текст] / Е.И. Галяшина // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 4. – С. 31-36.

24. Галяшина Е.И. Судебная экспертиза (экспертное заключение): ошибки назначения и производства судебной лингвистической экспертизы. – URL: http://arbir.ru/articles/a_5059.htm (дата обращения 20.03.2021 г.).

25. Гребенькова Е.Г. Освобождение от ответственности по статье 57 Закона РФ «О средствах массовой информации»: проблемы применения [Текст] / Е.Г. Гребенькова // Адвокат. – 2007. – № 1. – С.69-82.

26. Гукасян Р.Е. Материально-правовые предпосылки и процессуальная природа элементов иска [Текст] / Р.Е. Гукасян // Вопросы теории и практики гражданского процесса. Гражданское судопроизводство и арбитраж: сборник статей. – Изд-во Сарат. ун-та. – 1984. – С. 45-50.

27. Демичев А.А., Исаенкова О.В. Смерть с точки зрения права [Текст] / А.А. Демичев., О.В. Исаенкова // Государство и право. – 2008. – № 8. – С. 86-89.

28. Диордиева О.Н. Предварительное судебное заседание в гражданском процессе [Текст] / О.Н. Диордиева // Мировой судья. – 2005. – № 6. – С. 12-16.

29. Ефремов Г.Х., Кроз М.В., Ратинов А.Р., Симонов А.К. Средства массовой информации и судебная власть в России. Проблемы взаимодействия / Г.Х. Ефремов, М.В. Кроз, А.Р. Ратинов, А.К. Симонов / под ред. А.К. Симонова. – М.: 1998. – С. 256.

30. Женетль С.З. Институт третьих лиц в гражданском и арбитражном процессе: проблемы и пути совершенствования [Текст] / С.З. Женетль // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 2. – С. 229-235.

31. Зарезина С.Н. О некоторых лингвистических критериях унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления лица как административных правонарушений [Текст] / С.Н. Зарезина // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 3. – С. 22-25.

32. Земскова С.И., Шахов В.В. Долгий путь к чести и достоинству (материалы дел с участием ФЗГ) [Текст] / С.И. Земскова, В.В. Шахов // под ред. А.К. Симонова. – Кострома: 2007. – 375 с.

33. Исаенкова О.В. Место искового производства в системе видов гражданского производства [Текст] / О.В. Исаенкова // Юридический аналитический журнал. – 2005. – № 3-4. – С. 59-69.

34. Исаенкова О.В. Некоторые вопросы эффективности гражданских процессуальных норм в отношении доказательств и формы их представления [Текст] / О.В. Исаенкова // История, теория, практика российского права. – 2010. – № 7. – С. 185-192.

35. Ивакин В.Н. Юридическая природа возбуждения гражданского дела в суде общей юрисдикции [Текст] / В.Н. Ивакин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 3. – С. 59-71.

36. Надтачаев П.В., Мельник С.В., Кудина С.А. Проблемы определения понятий «честь», «достоинство» и «деловая репутация» как объектов защиты неимущественных прав сотрудников полиции. Часть 2 [Текст] / П.В. Надтачаев, С.В. Мельник, С.А. Кудина // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 11. – С. 76-78.

37. Овцынова Т.А. Особенности доказывания по делам о защите деловой репутации [Текст] / Т.А. Овцынова // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 5. – С. 228-235.

38. Орешкина М.Г. Ответственность за диффамацию по праву США (Обзор) [Текст] / М.Г. Орешкина // Государство и право. – 1998. – № 4. – С. 171-174.

39. Осадчий М.А. Роль лингвистической экспертизы в судебном процессе по защите чести и достоинства [Текст] / М.А. Осадчий // Адвокат. – 2008. – № 5. – С. 98-108.

40. Киреева Ю.Н. Отантропонимические лексические новообразования: структура, специфика, социокультурная детерминированность [Текст] / Ю.Н. Киреева // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 1. – С. 137-142.

41. Коваленко А.Г. Влияние судебной власти на доказательственную деятельность в гражданской и арбитражной юстиции [Текст] / А.Г. Коваленко //

Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения: материалы научно-практической конференции (3-4 октября 2001 г., г. Саратов) / под ред. А.И. Демидова. – Саратов: СГАП. – 2001. – С. 189-190.

42. Колесникова М.М. Стадии доказывания в гражданском процессе [Текст] / М.М. Колесникова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2018. – № 3. – С. 67-71.

43. Косычева В.В. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству как стадия гражданского процесса [Текст] / В.В. Косычева // Вестник Российского университета кооперации. – 2015. – № 2. – С. 86-91.

44. Кузбагаров А.Н. Примириительные процедуры при осуществлении правосудия по гражданским делам [Текст] / А.Н. Кузбагаров // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – №1. – С. 161-164.

45. Лескина Э.И. Цивилистические процессуальные метафоры: понятие и сферы реализации [Текст] / Э.И. Лескина // Журнал российского права. – 2018. – № 6. – С. 50-57.

46. Любимова Е.В. Подсудность суда по интеллектуальным правам [Текст] / Е.В. Любимова // *Ex jure*. – 2019. – № 3. – С. 28-42.

47. Мохов А.А. Специалист в гражданском судопроизводстве [Текст] / А.А. Мохов // *Цивилист*. – 2008. – № 3. – С.87-94.

48. Насиковская А.А. Процессуальные особенности положения третьих лиц в гражданском судопроизводстве [Текст] / А.А. Насиковская // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: материалы Международной научно-практической конференции (13 октября 2017 г., г. Санкт-Петербург) / под ред. Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. – СПб.: ИД «Петрополис». – 2018. – С. 302-306.

49. Николайченко О.В. Сущность родовой подсудности и процессуальные последствия ее нарушения [Текст] / О.В. Николайченко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 4. – С. 153-160.

50. Орешкина М.Г. Ответственность за диффамацию по праву США (Обзор) [Текст] / М.Г. Орешкина // Государство и право. – 1998. – № 4. – С.171-174.

51. Парыгина Н.Н. О проблеме правопреемства в отношении деловой репутации и иных нематериальных благ [Текст] / Н.Н. Парыгина // Общество, политика, право. – 2016. – № 8. – С. 91-94.

52. Пилипенко Е.А. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству [Текст] / Е.А. Пилипенко // Судья. – 2014. – № 11. – С. 10-14.

53. Потапенко Е.Г. Пределы нормативной специализации цивилистического процессуального права [Текст] / Е.Г. Потапенко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 3. – С. 155-164.

54. Потапенко Е.Г. Унификация права: понятие, формы, методы (в контексте исследования унификации цивилистического процессуального права) [Текст] / Е.Г. Потапенко // Экономика. Управление. Право. – 2017. – № 3. – С. 344-351.

55. Потапенко С.В. Институт диффамации и российское законодательство [Текст] / С.В. Потапенко // Российская юстиция. – 2002. – № 6. – С. 33-35.

56. Потапенко С.В., Старушко В.А. Судебные источники принципа диспозитивности в гражданском процессуальном праве [Текст] / С.В. Потапенко, В.А. Старушко // Актуальные проблемы гражданского судопроизводства: материалы межвузовской научно-практической конференции / под ред. С.В. Потапенко. – Кубанский государственный университет. – Краснодар. – 2017. – С. 3-10.

57. Прохоренко Д.В. Ответственность информационных посредников за диффамацию в сети «Интернет» [Текст] / Д.В. Прохоренко // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2020. – № 27. – С. 74-94.

58. Рыжков К.С. Реализация принципа процессуальной экономии при вступлении в процесс третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора [Текст] / К.С. Рыжков // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 27. Право. Вып. 38. – С. 57-61.

59. Рязанова Т.В. Особенности искового производства в гражданском процессе [Текст] / Т.В. Рязанова // Территория науки. – 2018. – № 3. – С. 154-156.

60. Свириин Ю.А. Актуальные проблемы примирительных процедур в российском праве [Текст] / Ю.А. Свириин // Вестник Российской правовой академии. – 2020. – №3.– С.65-70.

210. Свириин Ю.А. Конспирологический подход к ответственности в праве [Текст] / Ю.А. Свириин // Юридическая наука. – 2013. – №3. – С. 33-36.

61. Сенякин И.Н. О роли унификации в системе российского законодательства [Текст] / И.Н. Сенякин // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 2. – С. 15-23.

62. Сенякин И.Н. Правосудие и нравственные основы его осуществления [Текст] / И.Н. Сенякин // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения: материалы научно-практической конференции (3-4 октября 2001 г., г. Саратов) / под ред. А.И. Демидова. – Саратов: СГАП. – 2001. – С. 115-117.

63. Сенякин И.Н., Сухова Н.И. Юридические коллизии как причина неисполнимости норм права [Текст] / И.Н. Сенякин // Юридическая техника. – 2017. – № 11. – С. 302-307.

64. Сидорова Е.Н. Процессуальные особенности защиты чести, достоинства и деловой репутации [Текст] / Е.Н. Сидорова // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 3. – С. 42-47.

65. Соловьева Т.В. Институт возвращения искового заявления: сравнительно-исторический аспект [Текст] / Т.В. Соловьева // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 4. – С. 239-244.

66. Слепченко Е.В. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству [Текст] / Е.В. Слепченко // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2012. – Сер. 14. Вып. 2. – С. 69-75.

67. Тенькаев А.Ю. Производство по делам неискового характера как особый вид судопроизводства: история и современность [Текст] / А.Ю. Тенькаев //

Перспективы развития гражданского процессуального права: материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА (3 октября 2020 г., г. Саратов) / под ред. О.В. Исаенковой. – Саратов: Издательство ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – 2020. – С. 391-394.

68. Ткачева Н.Н. Замена ненадлежащего ответчика в гражданском судопроизводстве [Текст] / Н.Н. Ткачева // Гражданское судопроизводство в изменяющейся России: материалы Международной научно-практической конференции (14-15 сентября 2007 г., г. Саратов) / под ред. О.В. Исаенковой. – Саратов: Изд-во «Научная книга». – 2007. – С. 265-268.

69. Тришина Е.Г. Исполнимость как требование, предъявляемое к судебному решению [Текст] / Е.Г. Тришина // Цивилистический процесс: основные проблемы и тенденции развития: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Маргариты Андреевны Видуки (1 октября 2012 г., г. Саратов) / под ред. А.И. Зайцева. – Саратов: Издательский Центр «Наука». – 2012. – С. 366-369.

70. Трофимова Т.В. Нематериальные блага юридических лиц и их гражданско-правовая защита [Текст] / Т.В. Трофимова // Вестник Омского университета. – 2009. – № 3. – С. 244-248.

71. Ференц-Сороцкий А.А. Аксиомы гражданского процесса и некоторые вопросы доказывания [Текст] / А.А. Ференц-Сороцкий // Тенденции развития гражданского процессуального права России: сборник статей. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс». – 2008. – С. 254-278.

72. Фирсова Н.Н. Понятие третьих лиц в гражданском процессе [Текст] / Н.Н. Фирсова // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2011. – № 6. – С. 28-31.

73. Цыбулевская О.И., Власова О.В. Защита чести и достоинства личности в гражданском праве [Текст] / О.И. Цыбулевская, О.В. Власова // Цивилист. – 2008. – № 3. – С. 47-50.

74. Худойкина Т.В. Проблемы развития медиации в России [Текст] / Т.В. Худойкина // Проблемы в российском законодательстве. – 2017. – № 6. – С. 102-104.

75. Чекмарева А.В. К вопросу о содержании процессуальных действий при подготовке дела к судебному разбирательству [Текст] / А.В. Чекмарева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 3. – С. 123-128.

76. Чекмарева А.В. Подготовка дела к судебному разбирательству с позиции процедурности цивилистического процесса [Текст] / А.В. Чекмарева // Современное право. – 2014. – № 5. – С. 87–94.

77. Чекмарева А.В. Реализация судебной власти в подготовительных процедурах гражданского процесса [Текст] / А.В. Чекмарева // Власть. 2013. – Т. 21. – № 7. – С. 140–143.

78. Чекмарева А.В. Участие сторон в процессе доказывания при подготовке гражданских дел к судебному разбирательству [Текст] / А.В. Чекмарева // Право. Законодательство. Личность. – 2012. – № 1. – С. 161-163.

79. Шаманова Р.А. Понятие и назначение института подсудности в гражданском процессе [Текст] / Р.А. Шаманова // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8. – № 5А. – С. 141–148.

80. Юдин А.В. Правовое положение участников гражданского и арбитражного процесса в динамике судопроизводства [Текст] / А.В. Юдин // Право. Законодательство. Личность. – 2012. – № 1. – С. 133-134.

81. Ярков В.В. Доказывание процессуальных юридических фактов [Текст] / В.В. Ярков // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 1. – С. 32-36.

82. Ярков В.В. Современные проблемы доступа к правосудию в Российской Федерации [Текст] / В.В. Ярков // Российский юридический журнал. – 2001. – №1. – С. 16-29.

83. Ярков В.В. Статус судебной практики в России: некоторые вопросы. [Текст] / В.В. Ярков // Тенденции развития гражданского процессуального права России: сборник статей. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс». – 2008. – С. 49–68.

8. Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Архиереев Н.В. Гражданско-правовая защита деловой репутации юридических лиц в Российской Федерации [Текст] / Н.В. Архиереев: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2017. – 187 с.

2. Аюпов О.Ш. Защита деловой репутации юридического лица от диффамации в гражданском праве России [Текст] / О.Ш. Аюпов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2013. – 24 с.

3. Быковский В.В. Гражданско-правовая защита физических и юридических лиц при распространении о них сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию [Текст] / В.В. Быковский: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2005. – 202 с.

4. Добриева М.Д. Честь, достоинство и деловая репутация как объект защиты в гражданском праве и процессе. [Текст] / М.Д. Добриева: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2004. – 197 с.

5. Ерохина Т.П. Некоторые проблемы подсудности в гражданском судопроизводстве [Текст] / Т.П. Ерохина: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 208 с.

6. Исаенкова О.В. Иск и его характерные черты [Текст] / О.В. Исаенкова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1996. – 19 с.

7. Куликова С.А. Конституционный запрет цензуры в Российской Федерации: содержание и проблемы реализации [Текст] / С.А. Куликова: дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 2018. – 460 с.

8. Липатова С.Л. Защита конституционных прав человека на честь и достоинство от посягательств в компьютерной сети «Интернет» [Текст] / С.Л. Липатова: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2006. – 230 с.

9. Мухаметов А.К. Процессуальные особенности рассмотрения споров, возникающих из экологических правоотношений [Текст] / А.К. Мухаметов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2016. – 26 с.

10. Парыгина Н.Н. Защита права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по гражданскому законодательству Российской Федерации [Текст] / Н.Н. Парыгина: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2017. – 276 с.

11. Потапенко С.В. Проблемы судебной защиты от диффамации в СМИ. [Текст] / С.В. Потапенко: дис. ... докт. юрид. наук. – Краснодар, 2002. – 319 с.

12. Самородов Д.А. Честь и достоинство по российскому гражданскому праву: социальные основы и правовая характеристика. [Текст] / Д.А. Самородов: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2005. – 179 с.

13. Смирнова А.А. Диффамация как правонарушение и злоупотребление правом: конституционно-правовой аспект: [Текст] / А.А. Смирнова: дис. ... канд. юрид. наук. – Тверь, 2008. – 180 с.

14. Хавжокова З.Б. Защита чести, достоинства и деловой репутации: теория и практика гражданско-правового регулирования [Текст] / З.Б. Хавжокова: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2009. – 205 с.

15. Чеботарева А.А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе [Текст] / А.А. Чеботарева: дис. ... докт. юрид. наук. – Москва, 2017. – 472 с.

16. Эрделевский А.М. Проблемы компенсации за причинение страданий в российском и зарубежном праве [Текст] / А.М. Эрделевский: дис. ... докт. юрид. наук. – Москва, 2000. – 348 с.

9. Иностраные источники

1. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue. – URL:https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf (дата обращения: 10 декабря 2020 г.).

2. Resolution CM/Res (2022)2 on the cessation of the membership of the Russian Federation to the Council of Europe (Adopted by the Committee of Ministers on 16 March 2022 at the 1428ter meeting of the Ministers' Deputies). – URL:https://search.coe.int/cm/pages/result_details.aspx?objectid=0900001680a5da51 (дата обращения: 20 марта 2022 г.).

Приложение. Предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие предложения, направленные на гармонизацию и совершенствование действующего законодательства.

1) О необходимости внесения дополнений в статью 3 ГПК РФ.

В ходе исследования сделан вывод об отсутствии корреляции между положениями ч. 2 ст. 17 ГК РФ и ч. 1 ст. 150 ГК РФ, в их взаимной связи, и ч. 1 и ч. 11 ст. 152 ГК РФ, предусматривающих возможность защиты чести, достоинства и деловой репутации гражданина после его смерти или деловой репутации юридического лица после его ликвидации по требованию заинтересованных лиц. Выявленная процессуальная проблема кроется в невозможности исполнения требований п. 4 ст. 131 ГПК РФ о необходимости указания в исковом заявлении, в чем заключается нарушение либо угроза нарушения прав, свобод или законных интересов истца. В целях гармонизации действующего законодательства по вопросу о том, кому принадлежит право на обращение в суд с требованиями о защите от диффамации после смерти гражданина (ликвидации юридического лица), и разрешения выявленной в ходе исследования междисциплинарной проблемы предлагается предоставить любому лицу, имеющему заинтересованность в защите некогда принадлежавших умершему личных неимущественных прав на честь, достоинство и деловую репутацию, право на обращение в суд, в случае если распространяемые об умершем (ликвидированном) лице диффамационные сведения нарушают личные неимущественные права и интересы такого лица. Иными словами, признать объектом защиты права и законные интересы живущего (существующего) лица, реализация которых зависит от того, будут ли признаны не соответствующими действительности негативные сведения об умершем гражданине или ликвидированном юридическом лице. С этой целью предлагается дополнить статью 3 ГПК РФ частью 1.2. следующего содержания: «В случае если реализация

прав, свобод и законных интересов заинтересованного лица находится во взаимной связи с тем, будут ли признаны не соответствующими действительности диффамационные сведения, распространенные об умершем гражданине или ликвидированном юридическом лице, такое лицо вправе обратиться в суд с заявлением о признании сведений, распространенных об умершем или ликвидированном юридическом лице, не соответствующими действительности».

2) О необходимости внесения дополнений в статью 9 ГПК РФ

Предлагается дополнить статью 9 ГПК РФ частью 3 следующего содержания: «При отправлении правосудия используются языковые нормы и правила, зафиксированные в грамматиках, справочниках, словарях русского языка».

3) О необходимости внесения дополнений в ст. 29 ГПК РФ.

В проведенном исследовании обоснована необходимость изменения правил подсудности споров о защите от диффамации. Предлагается дополнить ст. 29 ГПК РФ ч. 6.4. следующего содержания: «Иски о защите чести, достоинства и деловой репутации, в том числе о возложении на администратора сайта в сети Интернет обязанности по удалению сведений, признанных судом не соответствующими действительности в порядке особого производства, о возмещении убытков, компенсации морального вреда, могут предъявляться в суд по месту жительства истца (заявителя)».

4) О необходимости изложения части 1 ст. 69 ГПК РФ в новой редакции.

В ходе исследования обоснована необходимость лишения сторон диффамационного спора права ссылаться на показания свидетелей в целях установления содержания оспариваемых диффамационных сведений, вне зависимости от формы их распространения. С этой целью предлагается изложить часть 1 ст. 69 ГПК РФ в новой редакции:

«Свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела. Не являются доказательствами сведения, сообщенные свидетелем, если он не может указать источник своей осведомленности, а также направленные на

установление содержания диффамационных сведений, вне зависимости от формы их распространения».

5) *О необходимости принятия федерального закона, предусматривающего необходимость соблюдения досудебного порядка в виде обращения к администратору сайта в сети Интернет с письменным требованием об удалении сведений, признанных судом не соответствующими действительности в порядке особого производства (п. 8 ст. 152 ГК РФ), и возмещении убытков.*

Исходя из положений п. 1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ досудебный порядок урегулирования спора должен быть установлен федеральным законом. Для рассматриваемой в исследовании категории споров такой порядок не установлен. Однако на истцов, избравших в качестве способа защиты нарушенного права на честь, достоинство и деловую репутацию обращение в суд с иском о возложении на администратора сайта в сети Интернет обязанности по удалению сведений, признанных судом не соответствующими действительности в порядке особого производства (п. 8 ст. 152 ГК РФ), и возмещении убытков, фактически возложена обязанность соблюдения досудебного порядка урегулирования спора. В связи с выявившейся по данному вопросу правовой неопределенностью необходимо принятие федерального закона о необходимости соблюдения досудебного порядка урегулирования спора в виде обращения к администратору сайта в сети Интернет с письменным требованием об удалении таких сведений.

б) *О необходимости изложения п. 1 ч. 1 и п. 3 ч. 2 ст. 149 ГПК РФ в новой редакции.*

В целях усовершенствования гражданского судопроизводства предлагается присвоить порядковый номер каждому представленному доказательству и доводу стороны, в результате чего структура доказательств приобрела бы четкий вид, невозможным стало бы игнорирование в решении суда какого-либо доказательства или довода сторон, оставление их без судебной оценки. Пронумерованный перечень доводов и доказательств, предоставляемый каждой из сторон в распоряжение суда, очертил бы границы исследования доказательств.

Предлагается п. 1 ч. 1 и п. 3 ч. 2 ст. 149 ГПК РФ изложить в новой редакции следующего содержания:

ч. 1 п.1 «передает ответчику пронумерованный перечень доказательств, обосновывающих фактические основания иска и их копии;».

ч. 2 п. 3 «передает истцу или его представителю и судье пронумерованный перечень доказательств и доказательства, обосновывающие возражения относительно иска».

7) О необходимости внесения дополнений в ст. 152 ГПК РФ.

Принимая во внимание характер спорных правоотношений и специальный предмет доказывания по гражданским делам исследуемой категории, обоснована необходимость обязательного проведения по каждому гражданскому делу о защите от диффамации предварительного судебного заседания. В связи с этим предлагается дополнить ст. 152 ГПК РФ частью 6.2. следующего содержания: «При рассмотрении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации проведение предварительного судебного заседания, в ходе которого участвует специалист, привлекаемый судом, является обязательным».

8) О необходимости дополнения ст. 175 ГПК РФ.

В целях реализации принципа процессуальной экономии и соблюдения сроков гражданских дел предлагается дополнить ст. 175 ГПК РФ частью 2 следующего содержания:

«2. В случаях, когда для удовлетворения исковых требований необходимо установление совокупности нескольких обстоятельств, представление доказательств отсутствия хотя бы одного из них является основанием к вынесению судом решения об отказе в удовлетворении исковых требований».

9) О необходимости изложения ч. 1 ст. 188 ГПК РФ в новой редакции.

В качестве новации, направленной, в том числе, на примирение тяжущихся, установление возможных толкований слов и выражений, использованных в спорном фрагменте речевой коммуникации, предложено привлечение к участию в предварительном судебном заседании специалиста.

Предлагается изложить ч. 1 ст. 188 ГПК РФ в новой редакции следующего содержания: «В необходимых случаях при осмотре письменных или вещественных доказательств, воспроизведении аудио- или видеозаписи, назначении экспертизы, допросе свидетелей, принятии мер по обеспечению доказательств для участия в судебном заседании, предварительном судебном заседании суд может привлекать специалистов для получения консультаций, пояснений и оказания непосредственной технической помощи (фотографирования, составления планов и схем, отбора образцов для экспертизы, оценки имущества)».

10) *О необходимости внесения дополнений в ст. 263 ГПК РФ.*

В результате совместного анализа положений ч. 3 ст. 263 ГПК РФ и ч. 8 ст. 152 ГК РФ выявлен пробел гражданского процессуального законодательства, для восполнения которого предлагается дополнить ст. 263 ГПК РФ частью 4 следующего содержания: «Заявление о признании распространенных сведений не соответствующими действительности в случаях невозможности установления их распространителя до момента установления распространителя рассматривается судом по правилам особого производства».

11) *О необходимости дополнения подраздела IV «Особое производство» ГПК РФ главой 35-1, именуемой «Признание распространенных сведений не соответствующими действительности в случаях невозможности установления их распространителя».*

В связи с возникновением новой категории гражданских дел, рассматриваемых в порядке особого производства в соответствии с ч. 8 ст. 152 ГК РФ, предлагается дополнить подраздел IV «Особое производство» ГПК РФ главой 35-1, именуемой «Признание распространенных сведений не соответствующими действительности в случаях невозможности установления их распространителя», изложив ее в следующей редакции:

«Глава 35.1 Признание распространенных сведений не соответствующими действительности в случаях невозможности установления их распространителя.

Статья 302.1 Подача заявления о признании распространенных сведений не соответствующими действительности в случаях невозможности установления их распространителя.

1. Заявление о признании распространенных сведений не соответствующими действительности в случаях невозможности установления их распространителя подается в суд по месту жительства заинтересованного лица.

2. Заявление о признании распространенных сведений в отношении умершего гражданина не соответствующими действительности в случаях невозможности установления их распространителя подается в суд по последнему месту жительства умершего гражданина.

3. Заявление о признании распространенных сведений в отношении ликвидированного юридического лица не соответствующими действительности в случаях невозможности установления их распространителя подается в суд по последнему адресу юридического лица.

Статья 303.1 Содержание заявления о признании распространенных сведений не соответствующими действительности в случаях невозможности установления их распространителя.

1. В заявлении о признании распространенных сведений не соответствующими действительности в случаях невозможности установления их распространителя должны быть указаны:

1) обстоятельства, указывающие на то, что имел место факт анонимного распространения сведений о заявителе;

2) обстоятельства, указывающие на то, что распространенные анонимно сведения затрагивают честь, достоинство и деловую репутацию заявителя, отчет о наличии лингвистических признаков негативных сведений;

3) обстоятельства, указывающие на то, что оспариваемые заявителем сведения не соответствуют действительности;

4) меры, предпринятые заявителем для установления лица, распространившего оспариваемые заявителем сведения;

5) способ удаления, уничтожения и пресечения дальнейшего распространения оспариваемых сведений.

Статья 304.1 Действия судьи после принятия заявления о признании распространенных сведений не соответствующими действительности в случаях невозможности установления их распространителя.

1. В случае поступления в суд заявления, соответствующего требованиям ст. 303.1 ГПК РФ, суд принимает все возможные меры, направленные на установление распространителя оспариваемых заявителем сведений. В случае если в результате принятия таких мер распространитель оспариваемых заявителем сведений будет установлен, суд оставляет заявление без рассмотрения и разъясняет заявителю право на обращение в суд в порядке искового производства.

2. Судья в ходе подготовки к судебному разбирательству дела о признании распространенных сведений не соответствующими действительности в случаях невозможности установления их распространителя назначает судебную лингвистическую экспертизу для определения формы оспариваемых заявителем сведений и установления лингвистических признаков диффамации, если признает это необходимым.

Статья 305.1 Рассмотрение заявления о признании распространенных сведений не соответствующими действительности в случаях невозможности установления их распространителя.

1. Заявление о признании распространенных сведений не соответствующими действительности в случаях невозможности установления их распространителя рассматривается в открытом судебном заседании с участием заявителя, представителя Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), иных заинтересованных лиц.

Статья 306.1 Решение суда относительно заявления о признании распространенных сведений не соответствующими действительности в случаях невозможности установления их распространителя.

В случае удовлетворения заявления суд принимает решение, которым признает распространенные в отношении заявителя порочащие сведения не соответствующими действительности, указывает способ их удаления, уничтожения и пресечения дальнейшего распространения».

Введение новой главы в ГПК РФ позволит разрешить проблемы действующего законодательства, связанные с неустановлением подсудности данной категории дел, с необходимостью возложения на заявителя, в связи с отсутствием ответчика, не только обязанности по доказыванию всех обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, но и невозможности установления распространителя диффамационных сведений.

12) О необходимости внесения изменений и дополнений в ст. 150 ГК РФ.

В связи с невозможностью возникновения деловой репутации гражданина от рождения, как указано в актуальной редакции ч. 1 ст. 150 ГК РФ, внести изменения в ч. 1 ст. 150 ГК РФ, исключив словосочетание «деловая репутация».

В целях реализации принципа равенства всех перед законом и судом, предусмотренного ст. 6 ГПК РФ, обеспечения установленного ст. 12 ГПК РФ равноправия сторон и единообразного разрешения вопроса о недопустимости правопреемства деловой репутации, принадлежащей физическому лицу до момента смерти и юридическому лицу до момента ликвидации, предложено дополнить ст. 150 ГК РФ частью 1.1. следующего содержания: «Деловая репутация, свобода выбора места нахождения (адреса), наименование, иные неимущественные блага принадлежат юридическому лицу с момента возникновения, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом», установив тем самым правовые презумпции о наличии у юридического лица положительной деловой репутации с момента его возникновения (внесения сведений о

регистрации ЮЛ в ЕГРЮЛ), неделимости деловой репутации юридического лица, невозможности перехода деловой репутации в случае ликвидации юридического лица от правопродшественника к правопреемнику».

13) *О необходимости дополнения ч. 1 ст. 152 ГК РФ следующими положениями:*

«В случаях, когда диффамационные сведения распространены в устной форме, использование свидетельских показаний для доказывания их содержания не допускается, что не лишает стороны возможности ссылаться на иные средства доказывания.

В случаях возникновения сомнений в том, что в оспариваемом фрагменте речевой коммуникации речь идет именно об истце (заявителе), для идентификации истца достаточным является выявление четырех совпадений (признаков)».

Новая редакция ч. 1 ст. 152 ГК РФ:

«1. Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или другим аналогичным способом.

В случаях, когда диффамационные сведения распространены в устной форме, использование свидетельских показаний для доказывания их содержания не допускается, что не лишает стороны возможности ссылаться на иные средства доказывания.

По требованию заинтересованных лиц допускается защита чести, достоинства и деловой репутации гражданина и после его смерти.

В случаях возникновения сомнений в том, что в оспариваемом фрагменте речевой коммуникации речь идет именно об истце (заявителе), для идентификации истца достаточным является выявление четырех совпадений (признаков)».

14) *О необходимости изложения ч. 8 ст. 152 ГК РФ в новой редакции.*

Предлагается изложить ч. 8 ст. 152 ГК РФ в новой редакции: «Если указать лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую

репутацию гражданина, невозможно, гражданин, в отношении которого такие сведения распространены, вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности».

Глагол «указать» точнее отражает возможности инициатора обращения за судебной защитой, поскольку полномочия по установлению тех или иных обстоятельств возложены законом на суд.

15) О необходимости изложения ст. 1100 ГК РФ в новой редакции.

Предлагается изложить ст. 1100 ГК РФ «Основания компенсации морального вреда» в новой редакции следующего содержания:

«Компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда:

вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности;

вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ;

вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, *за исключением случаев освобождения от ответственности, предусмотренных федеральным законом;*

в иных случаях, предусмотренных законом».

16) О необходимости дополнения статьи 57 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации».

Предлагается дополнить ст. 57 «Освобождение от ответственности» Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» пунктом 7 следующего содержания:

«7) если они являются дословным воспроизведением сообщения источника, который назван в публикации, может быть установлен и привлечен к ответственности».